

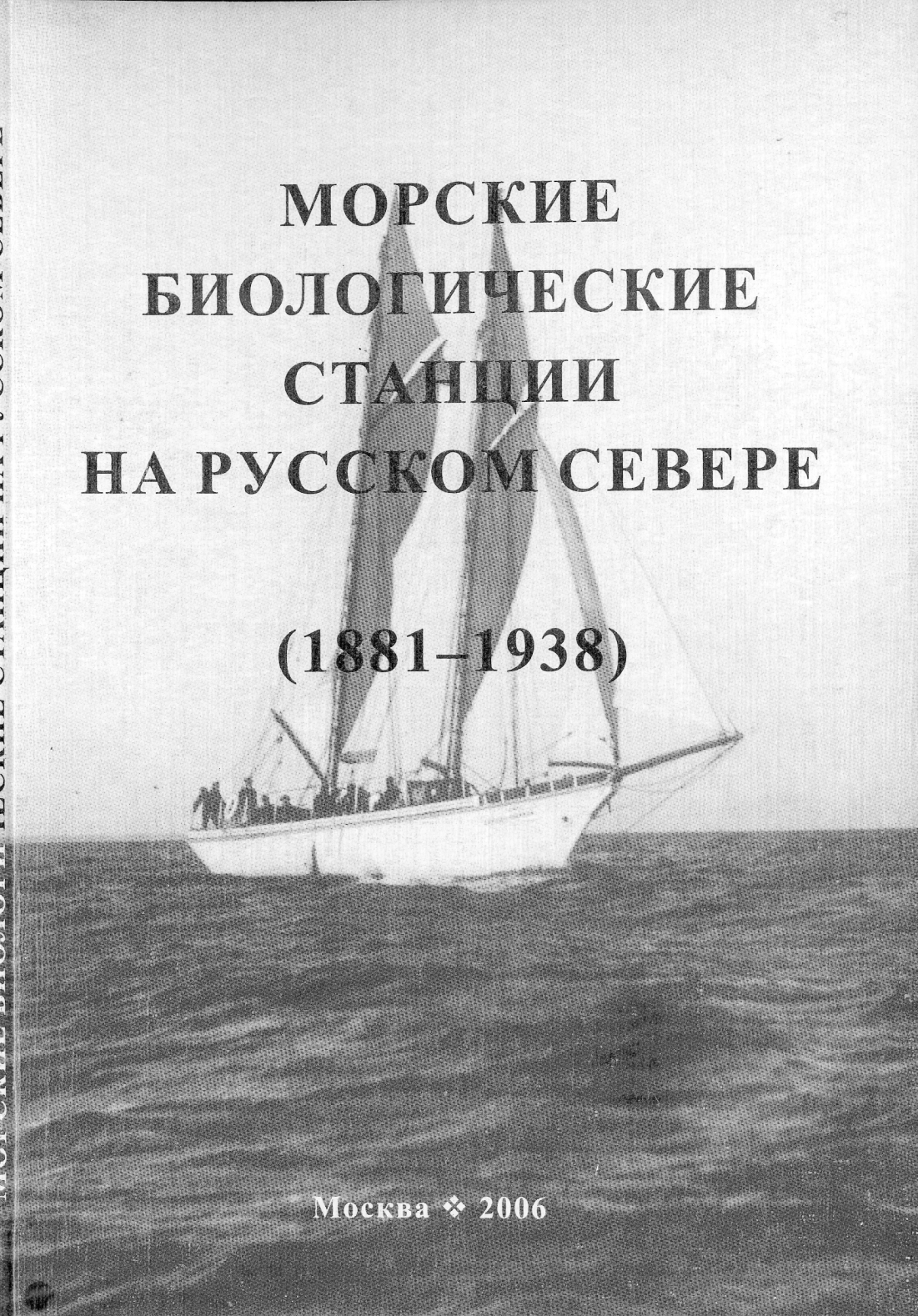

МОРСКИЕ БИОЛОГИЧЕСКИЕ СТАНЦИИ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ

МОРСКИЕ БИОЛОГИЧЕСКИЕ СТАНЦИИ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ

(1881–1938)

В книге впервые представлена краткая история и анализ развития всех основных морских биологических станций севера Европейской России, основанных в последней четверти XIX – первой трети XX века. Материал охватывает период от момента открытия на главном Соловецком острове в Белом море (1881) первой в полярных широтах морской биологической станции до времени становления крупнейшей биологической станции на Баренцевом море, в Дальнезе́ленецкой губе в 1936–1938 гг. В тексте приводятся краткие характеристики некоторых организаторов и постоянных работников этих станций: Н. П. Вагнера, В. М. Шимкевича, Н. М. Книповича, К. М. Дерюгина, С. В. Аверишчева и Г. А. Клюте. Очерк проиллюстрирован многочисленными фотографиями, значительная часть которых ранее не публиковалась.

Москва ❖ 2006

**С. И. Фокин, А. В. Смирнов,
Ю. А. Лайус**

**Морские
биологические станции
на Русском Севере
(1881–1938)**

**Товарищество научных изданий КМК
Москва ❖ 2006**

С. И. Фокин, А. В. Смирнов,
Ю. А. Лайус

Фокин С. И., Смирнов А. В. и Лайус Ю. А. Морские биологические станции на Русском Севере (1881–1938). — М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. — 130 с., ил.

В книге впервые представлена краткая история и анализ развития всех основных морских биологических станций севера Европейской России, основанных в последней четверти XIX – первой трети XX века. Материал охватывает период от момента открытия на главном Соловецком острове в Белом море (1881) первой в полярных широтах морской биологической станции до времени становления крупнейшей биологической станции на Баренцевом море, в Дальнезеленецкой губе в 1936–1938 годах. В тексте приводятся краткие характеристики некоторых организаторов и постоянных работников этих станций: Н. П. Вагнера, В. М. Шимкевича, Н. М. Книповича, К. М. Дерюгина, С. В. Аверинцева и Г. А. Клюге. Очерк проиллюстрирован многочисленными фотографиями, значительная часть которых ранее не публиковалась.

В оформлении обложки использованы фотографии шхуны «А. Ковалевский» (1908) и Мурманской биологической станции (1904).

**S. I. Fokin, A. V. Smirnov,
J. A. Lajus**

Marine Biological Stations at the Russian North (1881–1938)

1. Введение	80
2. Мурманская биологическая станция	87
3. Мурманская биологическая станция в Дальних Зелених. Период становления (1936–1938)	97
4. Заключение	111
5. Благодарности	115
6. Литература	116
7. Именной указатель	127

© Фокин С. И., текст и обложка, 2006
© Товарищество научных изданий КМК,
издание, 2006

ISBN 5-87317-337-0

**KMK Scientific Press
Moscow ❖ 2006**

**S. I. Fokin, A. V. Smirnov,
J. A. Lajus**

Фокин С. И., Смирнов А. В. и Лайус Ю. А. Морские биологические станции на Русском Севере (1881–1938). — М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. — 130 с., ил.

В книге впервые представлена краткая история и анализ развития всех основных морских биологических станций севера Европейской России, основанных в последней четверти XIX – первой трети XX века. Материал охватывает период от момента открытия на главном Соловецком острове в Белом море (1881) первой в полярных широтах морской биологической станции до времени становления крупнейшей биологической станции на Баренцевом море, в Дальнезеленецкой губе в 1936–1938 годах. В тексте приводятся краткие характеристики некоторых организаторов и постоянных работников этих станций: Н. П. Вагнера, В. М. Шимкевича, Н. М. Книповича, К. М. Дерюгина, С. В. Аверинцева и Г. А. Клюге. Очерк проиллюстрирован многочисленными фотографиями, значительная часть которых ранее не публиковалась.

В оформлении обложки использованы фотографии шхуны «А. Ковалевский» (1908) и Мурманской биологической станции (1904).

Marine Biological Stations at the Russian North (1881–1938)

ISBN 5-87317-337-0

© Фокин С. И., текст и обложка, 2006
© Товарищество научных изданий КМК,
издание, 2006

**KMK Scientific Press
Moscow ❖ 2006**

S. I. Fokin, A. V. Smirnov and J. A. Lajus. Marine Biological Stations at the Russian North (1881–1938). – Moscow: KMK Scientific Press Ltd., 2006. – 130 p., ill.

The essay aims to provide a brief historical review and analysis of development marine biological stations established in the North of the European Russia in the last quarter of XIX – the first third of XX century. The present review embraces the period from the foundation of the first northern biological station at the main Solovetskiy Island, White Sea (1881) to the time when the largest biological station in the area during XX century namely – the Biological Station at Dalnie Zelentsyei, East Murman was established (1936–1938). Short characteristics of the main organisers and staff scientists of the stations: N. P. Wagner, V. M. Shimkevitsch, N. M. Knipowitsch, K. M. Derjugin, S. V. Averinzev and H. A. Kluge are presented in the text. A number of photographs unpublished before are illustrated the review.

Photos of sailing vessel "A. Kowalevskiy" (1908) and the Murman Biological Station (1904) are used in covering desine.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
1. Соловецкая биологическая станция Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей (1881–1899)	11
2. Мурманская биологическая станция Императорского Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей (1899–1933)	27
3. Временная биологическая станция Императорского Юрьевского (1911–1918) и Воронежского государственного университетов (1918–1940) в Ковде	61
4. Беломорская методическая станция Государственного гидрологического института (1931–1938) и Научно-промысловая станция Института по изучению Севера в губе Порчниха (1927–1930)	80
5. Мурманская биологическая станция в Дальних Зеленцах. Период становления (1936–1938)	97
Заключение	111
Благодарности	115
Литература	116
Именной указатель	127

CONTENTS

Foreword	7
1. The Solovetskaya Biological Station of the Imperial St. Petersburg Naturalists' Society (1881–1899)	11
2. The Murman Biological Station of the Imperial St. Petersburg Naturalists' Society (1899–1933)	27
3. Temporary Marine Biological Station of the Uriev Imperial University (1911–1918) and the Voronez State University (1919–1940) in Kovda Bay	61
4. The White Sea methodical station of Governmental Hydrological Institute (1931–1938) and The Scientific-fishery Station at Porchnikha, East Murman (1927–1930)	80
5. The Marine Biological Station of Academy of Sciences of USSR in Dalniye Zelezyi, East Murman. The time of establishing (1936–1938)	97
Conclusion	111
Literature	116
Name Index	127

Введение

Никогда не зарастет тропа
к этому далекому культурному уголку,
стоящему у входа в суровый
и величественный океан,
щедро вознаграждающий усердный
и пылливый труд исследователей.

Г. А. Клюге, 1925

Возникновение и развитие отечественных стационарных морских исследований в последней трети XIX века прочно связано с несколькими, различными во всех отношениях, географическими точками. Это, прежде всего Севастополь, где появилась первая русская биологическая станция (1871), это чудный уголок Французской Ривьеры — Виллафранка (Villefranche-sur-Mer), где Русская зоологическая станция была организована в 1886¹ году и это Соловки, где при дружеском содействии крупнейшего православного монастыря (случай, видимо, уникальный!) была в 1881 году основана Соловецкая биологическая станция Санкт-Петербургского Общества Естествоиспытателей (СПБОЕ), первоначально часто именовавшаяся также Биологической станцией Соловецкой обители (Вагнер, 1885; Шмидт, 1905; Дерюгин, 1906; Зернов, 1908; Koffoid, 1910; Коротнев, 1911; Tregouboff, 1983; Гинецинская, Захарова-Шмидт, 1993; Врасопот et al., 2004; Фокин и др., 2006).

После опубликования книги Дарвина «Происхождения видов» (1859), открывшей новую эпоху в естествознании, резко возросло количество зоологических, сравнительно-анатомических и, прежде всего, эмбриологических исследований. Они были призваны, в изме-

¹ Попытки ее организации под эгидой России предпринимались еще в 1879 г. при участии А. О. Ковалевского (1840–1901), работавшего в Виллафранке в 1878–1879 гг. и Ш. Барруа (1852–1943), основавшего там вместе с Г. Фолем (1845–1892) маленькую частную лабораторию (см. Письма..., 1955, с.117).

Введение

Никогда не зарастет тропа
к этому далекому культурному уголку,
стоящему у входа в суровый
и величественный океан,
щедро вознаграждающий усердный
и пытливый труд исследователей.

Г. А. Клюге, 1925

Возникновение и развитие отечественных стационарных морских исследований в последней трети XIX века прочно связано с несколькими, различными во всех отношениях, географическими точками. Это, прежде всего Севастополь, где появилась первая русская биологическая станция (1871), это чудный уголок Французской Ривьеры — Виллафранка (Villefranche-sur-Mer), где Русская зоологическая станция была организована в 1886¹ году и это Соловки, где при дружеском содействии крупнейшего православного монастыря (случай, видимо, уникальный!) была в 1881 году основана Соловецкая биологическая станция Санкт-Петербургского Общества Естествоиспытателей (СПБОЕ), первоначально часто именовавшаяся также Биологической станцией Соловецкой обители (Вагнер, 1885; Шмидт, 1905; Дерюгин, 1906; Зернов, 1908; Koffoid, 1910; Коротнев, 1911; Tregouboff, 1983; Гинецинская, Захарова-Шмидт, 1993; Gracannot et al., 2004; Фокин и др., 2006).

После опубликования книги Дарвина «Происхождения видов» (1859), открывшей новую эпоху в естествознании, резко возросло количество зоологических, сравнительно-анатомических и, прежде всего, эмбриологических исследований. Они были призваны, в изве-

¹ Попытки ее организации под эгидой России предпринимались еще в 1879 г. при участии А. О. Ковалевского (1840–1901), работавшего в Виллафранке в 1878–1879 гг. и Ш. Барруа (1852–1943), основавшего там вместе с Г. Фоллем (1845–1892) маленькую частную лабораторию (см. Письма..., 1955, с.117).

стной мере, подтвердить или опровергнуть новую теорию. Необходимость изучения анатомии и эмбриологии морских животных, столь важных для понимания связей и происхождения основных «низших» групп животного царства, стала одной из главных причин резкого роста интереса ученых к обитателям моря во второй половине XIX века. В это время разработка зоологической тематики приобрела мировоззренческий характер, а некоторые научные результаты получали большой общественный резонанс. Развитие морской биологии имело также прикладной аспект, и было обусловлено рядом экономических причин. Таким образом, интерес к морским зоологическим исследованиям был «велением времени» последней трети XIX века (Шмальгаузен 1937; Бляхер 1955; Полянский 1955; Müller 1975; Смирнов 1999; Rozwadowski, 1999; Fantini 2002; Фокин и др., 2006).

Попытки как западноевропейских, так и русских натуралистов частным образом работать в 50–60-х годах XIX века на побережьях морей, прежде всего Средиземного, хотя и оказались во многом очень продуктивными, но показали необходимость создания постоянных зоологических станций. Обширные зоологические и, прежде всего, эмбриологические исследования, развернувшиеся повсеместно, настоятельно требовали стабильных и достаточно комфортных стационарных условий работы, которых энтузиасты «полевой зоологии» долгое время были лишены, особенно в России (Фокин и др., 2006). Во многих европейских странах позднее такие станции были основаны. К началу рассматриваемого периода несколько биологических станций уже существовало во Франции (Аркашон, Конкарно, Марсель, Росков). Успешно работала также Неаполитанская зоологическая станция — первый по-настоящему международный исследовательский центр, созданный (1873) немецким зоологом-морфологом Антоном Дорном (1840–1909)¹. В Неаполе русское правительство в то время постоянно арендовало два рабочих места (Фокин, 2006). Тем не менее, материалы, особенно фаунистического характера, по-прежнему собирались, прежде всего, в ходе экспедиций на судах. Среди наиболее известных, в том числе и по зоологическим результатам, было тогда длительное путешествие «Челледжера», Великобритания (1873–1876).

¹ При первом упоминании в тексте имя и отчество ученого, если они нам известны, приводятся полностью. Так же в большинстве даются и годы жизни персонажей, связанных с биостанциям и морской биологией.

Наличие в России в последней трети XIX века восьми университетов со значительным научным потенциалом и массой жаждавших знаний студентов-естественников, а также огромные малоизученные пространства, особенно на севере Европейской части империи, делали основание биологических станций насущной необходимостью. Станции не замедлили появиться, благодаря активности нескольких известных отечественных ученых¹ и деятельности научных обществ естествоиспытателей, прежде всего Новороссийского и Санкт-Петербургского. Возникновение и развитие морских биологических станций в России было, однако, процессом длительным и непростым, что во многом определялось обычной нехваткой денег на науку и административными препонами и волокитой. Тем не менее, личная инициатива и глубокая научная заинтересованность в появлении таких станций, а также известная поддержка государства и частные пожертвования привели к хорошим результатам — перед Первой мировой войной Россия обладала (помимо двух других) самой северной морской биологической станцией в мире — в Екатерининской гавани, на выходе из Кольского залива Баренцева моря. Эта станция, по сути, была основана на Белом море под эгидой Соловецкого монастыря, но в силу ряда обстоятельств в 1899 году была перенесена на Мурман.

Мы предлагаем читателям краткий обзор истории развития биологических станций на Европейском севере России, регионе, где до сих пор позиции «полевой биологии» необычайно крепки. Создание и развитие этих станций, выполненные на них исследования, особенно в области зоологии беспозвоночных и морской биологии (в современном толковании — гидробиологии), во многом определили успешное развитие этих дисциплин в России. В основе биологических работ на Белом и Баренцевом морях, проводимых в настоящее время Российской Академией наук, Московским, Санкт-Петербургским и Казанским университетами, а также рядом прикладных научных организаций и заповедников, лежат знания и опыт наших предшественников, начавших этот бесконечный путь познания в северных широтах более 160 лет назад. Временные рамки очерка ограничены моментом основания первой северной отечественной морской биоло-

¹ Непосредственным инициатором создания морских биологических станций в России может считаться Карл Федорович Кесслер (1815–1881) возглавлявший комиссию, учрежденную для этого по его предложению (Труды II-го Съезда Естествоиспытателей, 1870).

гической станции — Соловецкой (1881) и годами, когда ее научная и генетическая «внучка» — Морская биологическая станция в Дальних Зеленцах окончательно утвердилась на Восточном Мурмане.

Мы считали важным, не только дать обзор истории северных отечественных морских биологических станций, но и предоставить читателям соответствующий видеоряд. В зоологической литературе конца XIX — начала XX веков достаточно регулярно встречаются фамилии действующих лиц нашего очерка, между тем вряд ли многие знают, как они выглядели. Внешний вид станций, где работали наши предшественники, также не слишком известен. Мы рады, что можем в этой книге ближе познакомить вас с некоторыми зоологами того времени и местами, связанными с их деятельностью на Русском Севере.

Эта книга выходит в свет в год 125-летия Соловецкой биологической станции. Этому юбилею мы и посвящаем наш труд.

1

Соловецкая биологическая станция Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей (1881–1899)

До второй половины XIX века сведения о фауне Белого моря и Ледовитого океана были весьма скудны. Достойны упоминания лишь коллекции беломорских животных, привезенные академиком Карлом Максимовичем Бэр (1792–1876) — 1837, 1840, а также результаты экспедиций Франца Ивановича Рупрехта (1814–1870) — 1841 и Александра Федоровича Миддендорфа (1815–1894) — 1842, способствовавшие появлению труда последнего о моллюсках северной России (Шмидт, 1905).

Систематические исследования Белого моря начались только на рубеже 70-х годов XIX века. В 1868 году при Петербургском университете было основано СПбОЕ¹, которое и возглавило в то время естественнонаучные изыскания на Русском Севере. Уже в 1869 году из Архангельска на изучение Беломорья отправилась экспедиция из четырех человек. Зоолог Федор Фаддеевич Яржинский (1839–?) был, по-видимому, первым ученым, собравшим обширные коллекции беломорских животных на Соловках, на Онежском, Терском, Поморском и Карельском берегах моря. Через 6 лет на Белом море работала экспедиция под руководством петербургского профессора Николая Петровича Вагнера (1829–1907), с 1871 года возглавлявшего зоотомический кабинет столичного университета. Экспедиция продолжалась три летних сезона (1876, 1877 и 1880). В суровых условиях Севера, проводить полевые исследования без постоянной базы, было особенно затруднительно, и такой стационар было решено устроить

¹ С 1895 г. — Императорское Санкт-Петербургское Общество Естествоиспытателей (ИСПБОЕ).

Вид Соловецкого монастыря. 1896 г. Фотография Б. В. Сукачева. ПФА РАН ф. 902, оп. 1, д. 133.
View of the Solovetskiy Monastery. 1896. Photo made by B. V. Sukhatchev. SPbB ARAS f. 902, inv. 1, file 133.

на главном острове Соловецкого архипелага под патронажем знаменитого Соловецкого монастыря — крупнейшего форпоста Православной церкви на Севере России (Ценковский, 1881; Вагнер, 1885; Шмидт, 1905; Бляхер, 1955; Гинецинская, Захарова-Шмидт, 1993). Перед этим была попытка использовать под станцию помещения маяка на острове Жижмуй (Онежский залив Белого моря), которая, однако не увенчалась успехом в виду финансовых трудностей (Вагнер, 1885; Гинецинская, Захарова-Шмидт, 1993). Как не странно, архимандрит Соловецкого монастыря Феодосий отнесся к идее биологической станции на главном Соловецком острове благосклонно, однако предложил биологам достаточно удаленный от центральной усадьбы домик в Ребалде, близ Анзерского пролива. В результате до 1881 года участники экспедиции предпочитали жить и работать в монастырской гостинице.

Взаимодействие монастырского начальства и СПБОЕ в лице профессора Вагнера, который числился директором организованной вскоре станции до момента своего ухода из университета (1894)¹, благополучно развивалось при следующем настоятеле Соловецкого монастыря архимандрите Мелетии. Архимандрит был, по-видимому, образованным и умным человеком. Он с пониманием отнесся к нуждам биологов, более того — усмотрел в сотрудничестве с ними определенную выгоду для монастыря. В монастыре планировалось искусственное заселение многочисленных озер Соловецких островов ценными породами рыб, разработка мер по сохранению гнездовой гаги, и другие, как мы бы теперь сказали, природоохранные и природопользовательные мероприятия (Горяшко, 2001). В этих начинаниях монахи могли рассчитывать на помощь ученых². Собственно при Мелетии, с разрешения святейшего Синода, монастырь предоставил в качестве базы для научных исследований домик («сельдяную избу») прямо напротив монастырских стен, на берегу бухты. По просьбе Льва Семеновича Ценковского (1822–1887) и Н. П. Вагнера, работавших на Соловках в 1880 году, и по проекту последнего, дом был надстроен в 1881 году вторым этажом, состоявшим из 8 комнат, и обставлен за счет монастыря необходимой мебелью (Ценковский, 1881; Вагнер, 1885; Обзор деятельности СПБОЕ, 1893). В знак благодарности за содействие Петербургское и Харьковское общества естествоиспытателей избрали архимандрита Мелетия своим почетным членом.

В конце следующего, 1882 года, когда Николай Петрович уже работал в новых помещениях, от обер-прокурора святейшего Синода было получено письмо на имя президента Общества. В нем в частности говорилось, что «Синод не встречает препятствий к учреждению вышеупомянутой станции в уверенности, что отношения ее к Соловецкому монастырю будут определены точно, с устранением всяких недоразумений между монастырским начальством и распорядителя-

¹ С 1895 г. заведование станцией осуществлялось комиссией Общества (7 человек) в том числе и избранным Зоологическим отделением общества заведующим. Они ежегодно избирали лаборанта станции (Устав Соловецкой биологической станции, 1895). Позднее на Мурмане должность заведующего (оплачиваемая) и директора (общественная) были разделены.

² В 1892 г. Общество предложило Монастырю использовать выделанную кожу рыбы зубатки, в изобилии ловившуюся в Белом море, для изготовления различных предметов обихода (Протоколы СПБОЕ, 1892).

Общий вид Соловецкой биологической станции. Фотография 1897 г. Архив кафедры зоологии беспозвоночных СПбГУ.
General view of the Solovetskaya Biological Station. Photo made in 1897. Archive of the Department of Zoology Invertebrate, SPbGU.

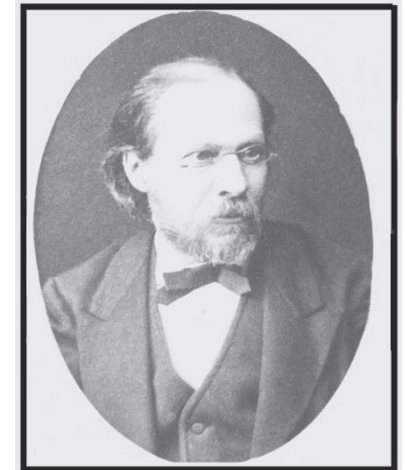
ми станции» (Протоколы СПБОЕ, 1883). Станция, таким образом, получила официальный статус. В документах общества датой ее основания, тем не менее, считается 1881 год¹.

Для нужд ученых монастырь предоставлял рабочих и шлюпку с гребцами (а иногда и помощника по хозяйству), отпускал необходимые продукты питания, за которые в конце сезона станция расплачивалась. В виду того, что «Общество обязано устройством нового научного учреждения на дальнем севере просвещенному и деятельному участию о. архимандрита Соловецкого монастыря Мелетия» Н. П. Вагнер предложил на заседании Зоологического отделения СПБОЕ поднести ему благодарственный адрес и подарить на память от Общества микроскоп, что было одобрительно встречено собравшимися (Протоколы СПБОЕ, 1883, с.19).

Организация станции и работы на Белом море были «лебединой песнью» профессора Вагнера. После своей поездки на Соловки в

¹ Архив Санкт-Петербургского Общества Естествоиспытателей (АСПБОЕ), оп. 13, л.1.

1887 году он практически отошел от активной научной деятельности, хотя формально оставался заведующим Зоотомическим кабинетом до 1894 года¹. Президент Русского общества экспериментальной психологии, известный медиум и приверженец философии оккультизма и спиритизма, знакомый читающей публике того времени как автор «Сказок Кота Мурлыки», Николай Петрович был разносторонней и противоречивой фигурой (Шимкевич, 1908; Фокин, 2003а, 2006). Выпускник, а впоследствии и профессор Казанского университета, также некоторое время живший и работавший в Москве, он отличался по некоторым воспоминаниям неприятной внешностью и странностями в общении, однако был

Н. П. Вагнер. СПб., 1885 г. Архив Музея Д. И. Менделеева, СПбГУ.
N. P. Wagner. SPb., 1885. Archive of Museum of D. I. Mendeleev, SPbGU.

близким знакомым некоторых известных ученых, например Дмитрия Ивановича Менделеева и Александра Михайловича Бутлерова (Шимкевич, 1908; Никольский, 1966). Эволюцию он понимал не в духе Дарвина, а скорее как род автогенеза, что отражалось в его лекциях и научных трудах (Райков, 1953). Организация Соловецкой биологической станции, первой подобной станции в полярных широтах, несомненно, была одной из главных (наряду с открытием педогенеза у насекомых) научных заслуг Вагнера. Ему же мы обязаны появлением в стенах Императорского Санкт-Петербургского университета (ИСПБУ) (1886) Владимира Михайловича Шимкевича (1858–1923), много сделавшего для развития зоологии в северной столице и стационарных биологических исследований на Русском Севере.

¹ В рукописи Ю. А. Филиппченко (1918), посвященной истории зоотомического кабинета, по поводу Н. П. Вагнера прямо указывается: «...лекции его оставляли желать многого даже в смысле научности изложения, да и к ним он относился очень небрежно... при нем преподавание было поставлено далеко не на надлежащей высоте». Архив кафедры зоологии беспозвоночных СПбГУ.

Преподаватели и студенты на Соловецкой биологической станции. Слева шестой — В. М. Шимкевич, восьмой — Н. Н. Полежаев (?), десятый — А. Н. Корчагин, одиннадцатый — К. К. Сент-Илер. Соловки, 1893 г. Архив С. И. Фокина.

Scientists and students at the Solovetskaya Biological Station. From the left — V. M. Shimkewitsch (sixth), N. N. Polezaev (?) (eighth), A. N. Korchagin (tenth), K. K. Sant-Hiler (eleventh). Solovki, 1893. Archive of S. I. Fokin.

Характерным штрихом к пока еще ненаписанному портрету Н. П. Вагнера может служить факт, что коллекции, собранные им в ходе экспедиций на Белое море в 1876 и 1877 годах, были проданы Николаем Петровичем Зоотомическому кабинету ИСПБУ (который он же и возглавлял) за 400 рублей (Шимкевич, Вагнер, 1895).

Министерство народного просвещения при открытии станции выделило 1000 рублей на библиотеку, реактивы и оборудование, но никакого постоянного финансирования не последовало, и дальнейшие исследования велись на деньги самих ученых и Общества естествоиспытателей. В 1887 году Министерство народного просвещения выделило средства на очередную Беломорскую экспедицию, в которой кроме Н. П. Вагнера участвовали В. М. Шимкевич, Юлий Николаевич Вагнер, П. П. Шалфеев, К. И. Хворостанский и Николай Михайлович Книпович (1862–1939) (Обзор деятельности СПБОЕ, 1893).

Несмотря на недостаток финансирования, станция действовала. Ее вид в первое десятилетие существования был запечатлен в «Путевых очерках», написанных впоследствии известным зоологом, профессором и директором Высших женских (Бестужеских) курсов Виктором Андреевичем Фаусеком (1861–1910), работавшим на Соловках в 1888 году «Станция произвела на меня очень приятное впечатление» — писал Виктор Андреевич — «она помещалась в особом небольшом двухэтажном домике, в полуверсте от монастыря, и отделена от него небольшим заливчиком. В нижнем этаже находятся: кухня, кладовые станции и, кроме того, помещение для рыбаков, ловящих рыбу на трапезу монастыря. Верхний этаж всецело отдан под станцию — восемь или девять комнат с большими окнами, дающими много света... Во всех комнатах есть необходимая, весьма простая, конечно, мебель — столы, стулья, диваны, так что помещением мы были обеспечены весьма удобным. Мы заняли каждый по комнате, третью комнату превратили в столовую, а еще одну в лабораторию для приготовления и хранения реактивов, спирта и всяких принадлежностей... Все необходимейшие реактивы были налицо и в значительном количестве, стеклянная посуда также. Несколько больших стеклянных аквариумов и большой запас банок и чашек меньшего размера. В этих принадлежностях и состоит главная услуга, оказываемая Соловецкой станцией... Библиотека станции находится пока в зачаточном состоянии: несколько десятков сочинений, главным образом, по систематике морских животных, хранящихся в двух ящиках комода, составляет весь ее книжный запас... Соловецкая биологическая станция — еще только эмбрион, которому предстоит развиваться, и я надеюсь, что ее ожидает хорошее будущее...» (Фаусек, 1913, с.389–391)¹.

Небезынтересно упомянуть и более позднее впечатление о Соловецкой биостанции, записанное Михаилом Николаевичем Римским-Корсаковым (1873–1951). «Станция помещалась в рыбацьем домике на берегу Соловецкой бухты. Внизу жили рыбаки, лаборатория размещалась во 2-м этаже, оборудование станции было вполне достаточное... Монастырь шел навстречу Обществу (надпись на домике гласила: «Биологическая станция Соловецкой Обители»). В нашем распоряжении было 2 лодки. В услужении у нас находились 3 послушника... Для зоологических работ Соловки были чрезвычайно

¹ Впервые статья была опубликована в 1889 г. (На зоологической станции. Из поездки на Белое море. Вестник Европы 24-й год, Т.3. С.305–332, 433–461).

удобным, можно сказать идеальным местом. Добывание морских животных было крайне легко и просто... Для нас, студентов, было, конечно, крайне поучительно знакомиться с морской фауной. Я лично, имея поручение от Лесгафта, собирал усердно морских животных и изучал методы консервировки в особенности нежных форм, как медузы и ктенофоры... Живых животных мы помещали в больших аквариумах. Постоянно приходили к нам на станцию посетители, чтобы посмотреть «морских чудищ». Это были как сами монахи и послушники, так и богомольцы... В общем, вся наша компания осталась очень довольной пребыванием на Соловецкой станции...»¹

Лишь с 1892 года² Министерство народного просвещения стало выделять Обществу естествоиспытателей 400 рублей в год для найма лаборанта, а с 1895 года государство стало выплачивать на содержание станции по 1500 рублей ежегодно. Лаборантами на станции были сначала Н. М. Книпович, а затем Дмитрий Дмитриевич Педашенко (1868–1927?) и Александр Кельсиевич Линко (1872–1912) (Отчет СПбОЕ, 1892; Педашенко, 1893; Линко, 1900; Дерюгин, 1906).

На Станцию приезжали, прежде всего, петербуржцы, а также московские, харьковские, варшавские, юрьевские и казанские ученые и студенты (Педашенко, 1897, 1900). Следует отметить, что, несмотря на отсутствие специальных занятий на станции со студентами, значительное их число посетило Соловки с целью ознакомления с морской фауной.

Из-за малых габаритов помещений станции и небольших технических возможностей одновременно жить и работать на станции могло лишь несколько человек³, что определило небольшой общий баланс — Соловки вплоть до 1899 года посетило около 60 биологов⁴. Сре-

¹ Машинописная копия воспоминаний М. Н. Римского-Корсакова находится в архиве С. И. Фокина. Оригинал документа, написанный от руки, был передан членами семьи Михаила Николаевича в архивный фонд академика А. Е. Фаворского (А РАН, Москва). С.25–27. П. Ф. Лесгафт в то время организовал Естественнонаучный музей при своих курсах и М. Н. собирал на Соловках коллекцию беспозвоночных для этого музея.

² В историческом очерке развития Мурманской биологической станции (Дерюгин, 1906) дата начала выплат отнесена к 1890 г., что не находит подтверждения в протоколах СПбОЕ.

³ Максимум станция предоставляла 10 рабочих мест, но при этом жить на станции могло не более 8 человек (Устав Соловецкой биологической станции, 1895).

⁴ По-видимому, в течение 4 лет — 1883–1886 гг., а также в 1889 г. на станции никто не работал.

ди них сам Н. П. Вагнер, его сын Ю. Н. Вагнер¹, В. М. Шимкевич, Н. Н. Полежаев, В. А. Фаусек, Н. М. Книпович, С. М. Герценштейн, К. К. Сент-Илер, А. А. Бялыницкий-Бируля М. Н. Римский-Корсаков, Б. В. Сукачев, А. К. Линко, Д. Д. Педашенко, Е. А. Шульц, Д. Ф. Сеницын, Г. А. Клюге и Н. А. Ливанов. Итог их работы — более 60 трудов, посвященных фауне и флоре Белого моря, среди которых такие фундаментальные работы как «Беспозвоночные Белого моря» Вагнера (1885), «Наблюдения над фауной Белого моря» Шимкевича (1889) и «Материалы к фауне Мурманского берега и Белого моря» Герценштейна (1885)². По преимуществу это были фаунистические, морфолого-анатомические и эмбриологические исследования; было выполнено также несколько физиологических исследований.

В некоторой степени внимание уделялось, как мы бы теперь сказали, гидробиологическим и экологическим аспектам существования местной морской фауны, а также вопросам гидрологии (особенно активно в этом направлении работал Н. М. Книпович. На Соловецкой станции произошло научное становление этого широко известного исследователя, который впоследствии сумел связать в единое целое океанографические и фаунистические работы. Николай Михайлович был одним из первых русских зоологов, кто начал интересоваться зависимостью распределения морской фауны от физических условий среды (Книпович, 1893). Ему фактически принадлежит честь создания в России промысловой океанологии (Алексеев, 1997). Позднее,

¹ Впоследствии (1898) профессор зоологии Политехнического института в Киеве и министр труда в период гетманства на Украине.

² Часть материалов для этой работы были собраны на Соловках еще до открытия там станции.

Н. М. Книпович. СПб., середина 90-х годов XIX века. Архив кафедры зоологии беспозвоночных СПбГУ.

N. M. Knipowitsch. SPb., middle of 90th XIX c. Archive of the Department of Zoology Invertebrate, SPbGU.

во время работы на Мурмане в качестве начальника Мурманской научно-промышленной экспедиции (1898–1902) Книпович установил прочные контакты с ведущими европейскими океанографами — О. Петтерсоном, Ф. Нансеном, М. Кнюдсеном, что позволило России войти в Международный Совет по исследованию моря (Лайус, 1995; Lajus, 2002).

Большинство материалов, полученных на Соловках, публиковалось в Трудах Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей, а в последние годы существования станции эти выпуски имели подзаголовок «Работы, выполненные в Зоотомическом кабинете Петербургского университета» (впоследствии «Работы зоологического и зоотомического кабинетов...») и имели свою нумерацию. Авторы некоторых работ, выполненных на Соловецкой станции, были удостоены за них ученых степеней — один докторской и четыре — магистерской. Собранные на Соловках материалы вошли в коллекции Зоотомического и Зоологического кабинетов Петербургского университета и Зоологического музея Императорской Академии наук, были отправлены в Радищевский музей в Саратов и даже, по частным заявкам, за границу. Станция снабжала учебным материалом для занятий многие высшие учебные заведения и гимназии и, прежде всего, конечно Зоотомический кабинет Петербургского университета. Было положено основание и собственного музея представителей местной фауны, который охотно посещался соловецкими богомольцами и, конечно, был значительным подспорьем для занимающихся на станции (Отчет СПбОЕ, 1892; Дерюгин, 1906)¹.

Монастырь охотно шел навстречу пожеланиям ученых. Так, в 1893 году в местных мастерских для станции была изготовлена дополнительная мебель; вдобавок к предоставленным ранее, была сделана новая лодка. Далее монастырь уступил станции одну из комнат, находившихся на первом этаже «сельдяной избы», наиболее подходящую для организации аквариальной (Педашенко, 1893).

Отчет о десятилетней деятельности Станции заканчивался словами: «Будем надеяться, что и для Соловецкой станции настанет счастливое время, когда она будет иметь средства и возможность оказывать русской науке всю ту пользу, которую она может оказать уже по одному своему географическому положению» (Отчет СПбОЕ, 1892, с.31). К этому обществом прилагались определенные усилия. Так, по

¹ Идея создания музея местной морской фауны при станции принадлежала архимандриту Мелетию (Протоколы СПбОЕ, 1891).

итогах поездки на Соловки в 1893 г. консерватора зоологического музея при Юрьевском университете А. А. Штирена им была подготовлена записка «В чем нуждается Соловецкая биологическая станция?» (Протоколы СПбОЕ, 1894). Основные ее положения: приобретение для станции парового катера, устройство для аквариумов системы проточной воды и ее аэрации и приискание постоянного служащего, серьезно обсуждались в обществе. К сожалению, они так и не были полностью реализованы. Несмотря на растущую популярность биостанции¹ и определенные успехи ее деятельности, в 1899 году она была закрыта по настоянию монастырского руководства.

С церковной точки зрения недовольству монастырского начальства, возможно, были некоторые причины. Руководивший станцией после ухода Вагнера на пенсию профессор В. М. Шимкевич, был не только крупным ученым, но и воинствующим атеистом. Характер профессора был не таков, чтобы он считал нужным скрывать свои убеждения. Так известен случай, произошедший после выступления на XI всероссийском съезде естествоиспытателей и врачей (Петербург, 1901) товарища министра народного просвещения Сергей Михайлович Лукьянов (1855–1935), провозгласившего, несмотря на свои научные заслуги (он был известным цитопатологом), по сути, тесный союз науки и религии. «Когда Лукьянов кончил, и затихли довольно жидкие аплодисменты, вызванные его речью, Шимкевич, сидевший в президиуме, на эстраде, встал, перекрестился и сказал во всеуслышанье: «Миром господу помолимся»... Эффект выходки был неопиcуемый» — вспоминал участник этого съез-

¹ В 1897 г. неизвестный московский даритель пожертвовал на нужды станции 500 р.

Д. Д. Педашенко. СПб., 1890/1891 гг. Архив кафедры зоологии беспозвоночных СПбГУ.
D. D. Pedashenko. SPb., 1890/1891. Archive of the Department of Zoology Invertebrate, SPbGU.

В. М. Шимкевич. СПб., 1887 г. Из: Богданов, 1889.
V. M. Shimkewitsch. SPb., 1887.
From: Bogdanov, 1889.

да Борис Евгеньевич Райков (1880–1966) (1953, с.81). Возможно некоторые из студентов, работавших на станции, восприняли атеизм профессора несколько вульгарно... Как впоследствии писал Константин Михайлович Дерюгин (1878–1938): «Конечно, Общество не может принять на себя ответственности за образ мыслей и поступки каждого из едущих работать на Станцию. Возможно иногда прискорбные недоразумения, предупредить которые не в средствах лаборанта или заведующего» (Дерюгин, 1906, с.10).

Ясный ум, широта взглядов, независимость суждений снискали Владимиру Михайловичу всеобщее уважение. В жизни, впрочем, это был вспыльчивый, властный и даже капризный человек, но, будучи отходчивым, он долго ни на кого не сердился. Студентов профессор любил и готов был для них на всякие жертвы. Глаза его буквально загорались, когда он видел способного, работающего студента и им делалось все, чтобы поощрить таких студентов и укрепить в них желание серьезно и упорно работать (Фокин, 2003б).

Очевидно, что никаких «идеологических разногласий» не могло возникнуть непосредственно между Шимкевичем и монастырским начальством. Профессор последний раз работал на Соловках в 1893 году, когда таких трений не было и в помине. Вероятно, соответствующим образом могли себя вести некоторые из приезжавших позднее (1896–1897), особенно студенты¹. Надо подчеркнуть, что в уставе

¹ В неопубликованной части воспоминаний зоолога, академика АН УССР А. М. Никольского (1858–1942), который был приват-доцентом ИСПБУ в 1887–1896 гг., а затем зоологом Зоологического музея ИАН (1896–1903) есть на это прямое указание. См.: Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии Наук (ПФА РАН), ф. 893, оп. 5 д. 30.

станции, разработанном под началом Шимкевича, прямо призывалось «избегать всего того, что может вызвать справедливое неудовольствие монастыря»¹

Архимандрит Иоанникий, возглавлявший в это время монастырь² не смог вынести нарушения некоторыми стационарами монастырского уклада. Вполне вероятно, что для его достаточно внезапной акции были и какие-то другие причины, которых мы никогда не узнаем. В 1898 году он направил письмо в Синод, с рядом «бессмысленных обвинений по адресу Биологической Станции» (Дерюгин, 1906, с.2), в котором в частности писал: «...Отношения приезжающих натуралистов к монастырю начали переходить за пределы благоприличия... приезжают не только православные, но и иноверцы, а в 1897 году оказался даже один иудейского закона... Предъявляют требования... об отпуске им мяса, молока и т. п. в постные дни и посты, позволяя себе глумиться над последними... Даже в великие праздники и высокопраздничные дни их нельзя увидеть в храме: дни они проводят на экскурсиях, ночи в наблюдениях над своею добычею, а затем до полудня спят... Наконец, становясь на научную точку зрения, нельзя не придти к заключению, что биологическая станция на Соловецком острове уже выполнила свое назначение... в последнее время станцией не сделано никаких новых открытий в области биологии, даже не найдено ни одной разновидности уже известных видов... Донеся о вышеизложенном, настоятель с учрежденным собором ходатайствует об упразднении биологической станции при монастыре» (Дерюгин, 1906, с.3–6). В феврале 1899 года Синод принял решение об «удалении биологической станции от территории Соловецкого монастыря»³. В этой связи в ИСПБОЕ была составлена записка, текст которой сохранился в архиве⁴. «Императорское С. Петербургское Общество Естествоиспытателей полагает, что монастырское начальство, и, не прибегая к таким недостойным обвинениям и сомнительным аргументам, могло, хотя бы ссылаясь на необходимость здания для нужд почтово-телеграфной станции, возбудить ходатайство о переносе биологи-

¹ Устав Соловецкой биологической станции, 1895. С.20, §14.

² Иоанникий также как и его предшественник Варлаамий был избран почетным членом ИСПБОЕ. Видимо, в то время (1896) отношения между обществом и монастырем еще не обострились.

³ Российский Государственный Исторический Архив (РГИА), ф. 797, оп. 68, д. 308, л. 11.

⁴ АСПБОЕ, оп. 13, л. 5–6.

ческой станции в другое место. Во всяком случае, ему следовало, прежде всего, обратиться к Обществу или, по крайней мере, предупредить его о своих намерениях... Дальнейшее существование станции с научной точки зрения является крайне желательным. Станция вовсе не имеет задачей фаунистическое исследование данной местности, каковое может быть закончено в определенный срок и для чего достаточно работы одной или нескольких экспедиций, а предназначается для морфологического и физиологического изучения морских животных, каковое будет продолжаться до тех пор, пока будет существовать самая наука...»

Как ни пытались отстоять станцию ее директор В. М. Шимкевич, президент Общества естествоиспытателей Александр Александрович Иностранцев (1843–1919)¹ и даже его почетный председатель Великий князь Александр Михайлович, спасти ее не удалось. В письме попечителю Санкт-Петербургского учебного округа министр народного просвещения Николай Павлович Боголепов в этой связи писал: «В Министерстве Народного Просвещения получено уведомление Обер-прокурора Святейшего Синода о состоявшемся уже постановлении... относительно перенесения этой станции из помещения, предоставленного ею Соловецким монастырем, в какое-либо другое место. В виду сего я не решаюсь настаивать на сохранении за Соловецкой биологической станцией занимаемого ею помещения...»²

По крайней мере, еще однажды после 1899 году помещения станции использовались по своему прямому назначению. Случилось это спустя 9 лет, когда Константин Карлович Сент-Илер (1866–1941), выпускник Санкт-Петербургского университета, а к тому времени профессор зоологии в Юрьеве (Тарту), со своими студентами возвращался из Ковды в Архангельск (июль 1908). Вот как он описал в своем отчете эти дни. «...Переночевать нам пришлось в гостинице, но на следующее утро после моего посещения отца Настоятеля мы получили разрешение перебраться в помещение прежней биологической станции, которое со времени перевода станции в г. Александровск так и стоит незанятым с той же мебелью, что и в наши дни. Для наших экскурсий мы получили хороший карбас, тот же самый, как мне по-

¹ Номинально в 1899 г. президентом Общества был еще А. Н. Бекетов, но в виду его болезни обязанности президента уже исполнял А. А. Иностранцев, официально избранный в 1900 г.

² АСПБОЕ, оп/ 13, л. 34.

Сотрудники и студенты Зоотомического и Зоологического кабинетов, работавшие на Соловках. Сидят, слева: В. М. Шимкевич, В. Т. Шевяков (член Совета станции), Д. Д. Педашенко. Стоят: Ю. Н. Вагнер, ?, М. С. Зак, А. О. Графтио, Г. Ф. Арнольд, М. Н. Римский-Корсаков, К. К. Сент-Илер. СПб, 1897 (?) г. Архив кафедры зоологии беспозвоночных СПбГУ.

Staff persons and students of the Zootomical and Zoological kabinets, have worked at the Solovki. Seating from the left: V. M. Shimkewitsch, V. T. Sheviakoff (Station' Council member), D. D. Pedashenko. Standing: J. N. Vagner, ?, M. S. Zak, A. O. Graftio, G. Ph. Arnold, M. N. Rimskiy-Korsakov, K. K. Sant-Hilaire. SPb, 1897 (?). Archive of the Department of Zoology Invertebrate, SPbGU.

мнится, на котором мы ездили и в прежние годы...» (Сент-Илер, 1909а, с.41). Группа провела на Соловках 9 дней и поработала на основных местах прежних исследований, исключая Анзерский пролив. Обилие беспозвоночных животных, особенно пелагических: ктенофор, медуз, крылоногих моллюсков, позволило экскурсантам собрать значительный материал для практических занятий. В конце «мы были приняты Настоятелем очень любезно» — писал Константин Карлович — «и получили приглашение еще раз побывать в монастыре» (Сент-Илер, 1908, с.44).

Как говорит известная пословица: «Все, что ни делается — делается к лучшему». Закрытие Соловецкой станции повлекло за собой перенос станционных работ на еще более богатое и интересное в зоологическом отношении Баренцево море. В начале лета 1899 года все немногочисленное имущество станции было под руководством ее бывшего лаборанта, действительного члена ИСПБОЕ Д. Д. Педашенко и при участии лаборанта станции А. К. Линко и двух студентов К. М. Дерюгина и А. А. Починкова упаковано и перевезено в Екатерининскую гавань Кольского залива (в Архангельске к ним присоединился Дмитрий Константинович Глазунов). Там, в двух километрах от нового административного центра города Александровска, на мысу, облюбованном петербургскими биологами, начался следующий этап развития станционных работ на Севере — 34 года существования Мурманской биологической станции (Клюге, 1925; Вержбинская, Гинецинская, 1993).

Станционные биологические исследования на Белом море позднее были продолжены упоминавшимся выше К. К. Сент-Илером, основавшим на Карельском берегу в губе Ковда маленькую сезонную станцию, принадлежавшую Юрьевскому, а потом Воронежскому университетам (1911–1940). Впрочем, она имела преимущественно учебный характер. В 1922 году К. М. Дерюгиным была проведена большая комплексная экспедиция по исследованию Белого моря, на основании материалов которой в 1928 году им была опубликована монография «Фауна Белого моря и условия ее существования». В 1931 году Дерюгиным и его учениками был организован стационар Государственного Гидрографического института близ деревни Умбы (Малая Пирью-губа, Терский берег). На этой станции, просуществовавшей до 1938 года, ежегодно работало до 40 гидрологов, гидрографов и биологов различных специальностей. Возникновение и судьба этих стационаров будут освещены далее. Теперь же обратимся к истории биологической станции в Александровске на Мурмане.

2

Мурманская биологическая станция Императорского Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей (1899–1933)

Незамерзающая Екатерининская гавань, в южной части которой возле города Александровска (теперь город Полярный) в течение 4-х летних сезонов (1899–1903) была полностью отстроена, перенесенная с Белого моря биологическая станция, находится в северо-западной части Кольского залива, в 11 километрах от выхода в океан. Глубины в месте, где была расположена станция, варьируют от 11 метров в прибрежной части до 45 метров в вытянутой котловине, имеется и значительный «пляж», обнажаемый при отливах. Перспективность этого места для организации станции прямо вытекала из результатов работы базировавшейся там с 1898 года научно-промысловой экспедиции Н. К. Книповича (Дерюгин, 1906; Степаньянц и др., 2002). Общество естествоиспытателей конечно, ориентировалось на данные этой экспедиции и рассчитывало на помощь в обустройстве станции со стороны своего действительного члена Книповича. Прекрасно защищенная со всех сторон скалами, разнообразная по грунтам, Екатерининская гавань оказалась идеальным местом для биологической станции (Дерюгин, 1906; Kofoid, 1910).

В деле перемещения и первичного обустройства Соловецкой станции на новом месте, как уже отмечалось, принимали участие всего 5 человек (Линко, 1900). Вот как вспоминал об этом участник переноса станции К. М. Дерюгин: «...В первых числах июня... прибыли на Соловки, где в течение 10 дней укладывали имущество станции. Последнее оказалось не особенно многочисленным — оно состояло из одного шкапа, посуды, книг, реактивов, небольшой коллекции беломорских животных и нескольких снарядов для ловли морских живот-

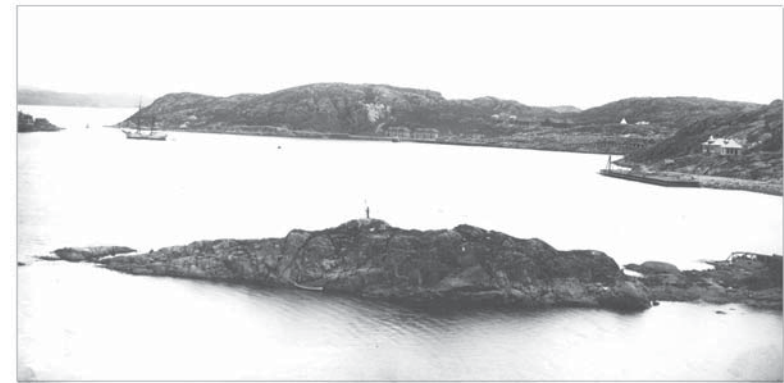
Екатерининская гавань, 1899 г. С почтовой открытки. Архив С. И. Фокина. Ekaterininskaya harbour, 1899. From postcard. Archive of S. I. Fokin.

ных¹. Из Соловков stationеры вместе с имуществом Станции вернулись в г. Архангельск... 19 июня означенные лица выехали из г. Архангельска на Мурман и прибыли в Екатерининскую гавань 22-го утром, как раз накануне открытия г. Александровска...» (Дерюгин, 1906, с.12–13).

Собственно научная деятельность в этот первый год на Мурмане ограничилась 1 месяцем и протекала при неблагоприятных технических и погодных условиях (Линко, 1900), но даже в непогоду Север — есть Север. Всякому бывавшему там знакомо очарование неброской, а за Полярным кругом временами и суровой природы. Она, несомненно, притягивает к себе. Так случилось и с К. М. Дерюгиным — последующие 25 лет он регулярно (за исключением времени войн и революций) бывал на Мурмане.

Всестороннюю помощь прибывшим в Александровске оказали Н. М. Книпович, возглавлявший тогда Экспедицию для научно-про-

¹ Видимо приехавшие студенты уделили некоторое время знакомству с Соловками и местной фауной иначе трудно объяснить сборы «одного шкапа ...и нескольких снарядов для ловли морских животных» в течение 10 дней! Об этом прямо говорится и в дневниковых записях самого Дерюгина (Мурманский краеведческий музей, экспозиция).

Вид места будущей станции в Екатерининской гавани. Александровск на Мурмане, 1899 г. Архив кафедры зоологии беспозвоночных СПбГУ. View of the place before the Station's foundation. Ekaterininskaya harbour. Alexandrovsk on Murman, 1899. Archive of the Department of Zoology Invertebrate, SPbGU.

мысловых исследований у берегов Мурмана (по совместительству он числился и заведующим еще не построенной Биологической станции)¹ и архангельский губернатор А. П. Энгельгардт. На первых порах станция расположилась в помещении местного училища и функционировала в 1899 году лишь 1 месяц с 7 июля по 10 августа. В качестве флота использовались 2 шлюпки, специально купленные Педашенко в Варде (Норвегия). Перед отъездом из Александровска был заложен фундамент под собственное станционное здание, в выборе места и разработке плана которого исключительную роль сыграли Д. Д. Педашенко² и Н. М. Книпович (Линко, 1900; Дерюгин, 1906, 1912).

В течение лета 1900 и 1901 годов по плану архангельского архитектора Г. К. Иванова производилась постройка станционного дома.

¹ Тесные контакты станции с промысловой экспедицией продолжились и при приемнике Книповича Л. Л. Брейтфусе, возглавлявшем ее работу с 1902 по 1908 г. (Степаньянц и др., 2002).

² О Д. Д. Педашенко, к сожалению, информации пока собрано крайне мало. Он был талантливым педагогом и зоологом-эмбриологом (приват-доцент ИСПБУ в 1902–1914 гг.). Далее работал в Донском Политехническом ин-те. Неизвестна даже точная дата его смерти: скорее всего 1926 или 1927 г.

По-прежнему деятельную помощь петербургским зоологам оказывал архангельский губернатор, а непосредственное наблюдение за ходом строительства осуществлял лаборант станции А. К. Линко¹. К концу лета 1901 года дом был выстроен и вчерне отделан. В следующем году из-за отсутствия средств никаких строительных работ на станции не велось, но уже 10 человек приехало на Мурман заниматься наукой. Среди них были австрийский профессор Граф (L. Graff), трое киевлян и 6 петербуржцев.

В 1903 году у Общества появилось около 5 000 рублей свободных средств, которые было решено направить на оборудование и достройку Мурманской станции. Руководить этими работами был выбран оставленный для приготовления к профессорскому званию, действительный член ИСПБОЕ К. М. Дерюгин, который принял на себя и исполнение лаборантских обязанностей². Всего лишь 25-летний молодой человек, проявил себя в этом начинании как умелый и удачливый организатор и администратор. Большинство работ, позволившие за два сезона (1903–1904) почти полностью оборудовать станцию, были организованы либо лично Дерюгиным, либо проводились при его непосредственном участии и наблюдении (Дерюгин, 1904, 1905). Постройка полупалубного бота «Орка» (1903), устройство водопровода для пресной и морской воды, станционная мебель, организация аквариальной, библиотеки и лаборатории, устройство пристани и отделка главного дома — вот неполный перечень сделанного при содействии двух сотрудников университета — Дмитрия Ивановича Дейнеки и Сергея Митрофановича Розанова, а также Д. К. Глазунова³, и трех студентов — Николая Алексеевича Бялыницкого-Бирули (1881–1905), Сергея Николаевича Савельева и Валентина Александровича Догеля

¹ А. К. Линко, ученик В. Т. Шевякова, уроженец г. Каргополя, окончил ИСПБУ в 1897 г. и после оставления при университете (магистратуры), перешел работать ассистентом в Императорскую военно-медицинскую академию (1900). Работал также в Экспедиции для научно-промыслового исследования Мурмана и в Зоологическом музее ИАН. Основные исследования Линко были связаны с изучением планктона северных морей и гидроидов (о нём см. Холодковский, 1912; Брейтфус, 1915).

² Инициатива этого решения исходила от В. М. Шимкевича (Дерюгин, 1915).

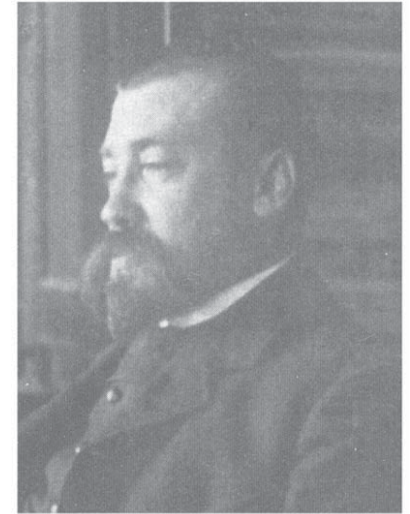
³ Д. К. Глазунов (1869–1914), энтомолог и путешественник, действительный член ИСПБОЕ, окончил Сорбонну. Он обладал также значительными техническими знаниями, с успехом использованными при организации Мурманской станции.

(1882–1955). Бригада строителей: плотники, каменщик и чернорабочие набиралась в Архангельске лично Дерюгиным.

В конце декабря 1903 года был утвержден устав Мурманской биологической станции, в 23-х параграфах которого были детально перечислены основные положения об ее организации, задачах и функционировании (Устав, 1904). Так, согласно третьему параграфу устава, Станция имела целью «содействовать развитию как теоретического, так и прикладного естествознания, служить пособием для изучения морской фауны и флоры и доставлять по постановлению Комиссии (§ 6) заведующей станцией, материалы для практических занятий студентов естественного отделения физико-математического факультета Императорского С.-Петербургского Университета в зоотомическом, зоологическом и ботаническом кабинетах» (Устав, 1904, с.3).

К концу сезона 1904 года было вчерне закончено строительство второго двухэтажного дома. Дружная работа под руководством Константина Михайловича позволила в кратчайшие сроки подготовить станцию к работе (Фокин, 2002а). Конечно, это не было бы возможно без увеличения в 1904 году ее бюджета до 8500 рублей и единовременной правительственной субсидии в 15 000 рублей на оборудование и строительные нужды.

К. М. Дерюгин был человеком жизнерадостным с активной жизненной позицией, может быть, отчасти, воспринятой им от своего прямого учителя В. М. Шимкевича. Тот часто говаривал: «Нытьем да жалобами не поможешь. Прежде всего, надо работать и бороться — тогда забудешь все невзгоды...» (Фокин, 2003б, с.27). По крайней мере, Дерюгин всю жизнь следовал этому девизу! Он не любил компромиссов, и его отношения с коллегами складывались неодинаково ровно, и как в любой жизни, были подвержены эволюции. Достаточно упомя-

А. К. Линко. Около 1910 г. Архив С. И. Фокина.

A. K. Linko. About 1910. Archive of S. I. Fokin.

К. М. Дерюгин. Германия, 1903 (?)
г. Архив Г. К. Дерюгина.
K. M. Derjugin. Germany, 1903 (?)
Archive of G. K. Derjugin.

нуть, что и с первым заведующим станцией (1904–1908) Сергеем Васильевичем Аверинцевым (1875–1957) и со сменившим его (1908–1933) Германом Августовичем Клюге (1871–1956) у Дерюгина, как у наиболее активного члена Ученого Совета станции (а с 1923 года и его председателя), были конфликты. Связаны они были, по-видимому, с разным видением путей развития станции, в которую он вложил столько труда и любви. В известной степени эти конфликты усугублялись исключительно властным характером К. М. Дерюгина¹.

«Дерюгин — как вспоминал о Константине Михайловиче Александр Александрович Любищев (1890–1972) — был, несомненно, очень талантливым и энергичным

исследователем наших морей. Это был живой, увлекающийся своим делом человек. По своим научным интересам он был вполне «конкретным» зоологом, чуждым всякого научного «философствования» Он готов был прийти на помощь товарищу, но не терпел противоречий...»²

Официальная церемония открытия Мурманской биологической станции ИСПБОЕ состоялось 29 июня 1904 года, когда при стечении гостей произошло освящение старого и закладка нового дома. Вскоре Дерюгин передал «бразды правления» назначенному Комиссией общества заведующему станцией С. В. Аверинцеву. Аверинцев приехал на Мурман после осмотра биологических станций Тронхейма, Бергена и Гельгоlanda, куда он был специально командирован ИСПБОЕ. Сергей Васильевич, выпускник Петербургского университета (1900), протозоолог, а в будущем (1917–1933) и ихтиолог, много и плодотвор-

¹ Некоторые эпизоды, характеризующие эти взаимоотношения, описаны в воспоминаниях А. А. Любищева (ПФА РАН, ф. 1033, оп. 1, д. 171).

² Цитируется по машинописному тексту статьи А. А. Любищева «Воспоминания о Константине Николаевиче Давыдове» (при издании она была несколько сокращена). Архив С. И. Фокина. С.11.

Общий вид Мурманской биологической станции в Екатерининской гавани, 1904 г. Архив С. И. Фокина.
General view of the Murman Biological Station in Ekaterininskaya harbor, 1904.
Archive of S. I. Fokin.

но работал на Мурмане (Лайус, 1995). Следует, однако, отметить, что поручение Аверинцеву заведования станцией было встречено неоднозначно. Так, В. А. Догель, два сезона работавший на станции (1903–1904) и помогавший Дерюгину в ее обустройстве писал родителям в конце лета 1904 года: «...Во всяком случае, я страшно доволен тем, что был здесь во время заведования станцией Дерюгиным, по тому, что без его энергии, предприимчивости и жизнерадостности жизнь на станции была бы в 10 раз хуже. Стоит сравнить с ним Аверинцева. Этот последний так тяжел, так кисел и неподвижен, что я не завидую будущим обитателям станции...»¹.

Конфликт, возникший через 3 года между Аверинцевым и Дерюгиным даже разбирался на собрании общества, о чем в своих воспоминаниях упоминает А. А. Любищев. «С Аверинцевым у него вышло множество деловых разногласий»² — писал Любищев (1966). «Поработав несколько лет на Мурманской станции, Аверинцев лучше разбирался в технической обстановке, чем Дерюгин, бывавший там наездами. Однако авторитет Дерюгина и профессора Шимкевича, который

¹ ПФА РАН, ф. 960, оп. 1, д.50, л. 39.

² Разногласия касались, в том числе и постройки для станции большого исследовательского судна.

С. В. Аверинцев. Германия, 1901 г. Архив Гейдельбергского университета.

S. V. Averintsev. Germany, 1901. Archive of the Heidelberg University.

его поддерживал, привел к тому, что большинство членов Общества встали на сторону Дерюгина... Аверинцева же защищал один Давыдов¹ — правда, очень решительно и смело... В результате С. В. Аверинцев был вынужден оставить заведование Станцией...» (Любищев, 1966, с.111)².

Разобраться теперь в истинных причинах конфликта невозможно. Не исключено, что отчасти он мог быть инспирирован и личной антипатией или скрытым соперничеством. Аверинцев и Дерюгин были однокурсниками, но первый (находясь в определенном подчинении у Дерюгина) в 1906 году уже был магистром зоологии, Дерюгин же защитил магистерскую диссертацию лишь в 1909 году. По-видимому, как непосредственный руководи-

тель станций Аверинцев действительно имел ряд отрицательных черт. Стоит привести в этой связи еще одно свидетельство об образе действий Аверинцева на станции, оставленное следующим мурманским заведующим Г. А. Клюге. В его письме к профессору В. М. Шимкевичу, написанном в 1915 году,³ есть такие строки: «...Я должен решительно заявить, что в своем поведении с момента приезда сюда я никогда не

¹ Константин Николаевич Давыдов (1877–1960) ученик А. О. Ковалевского и В. Т. Шевякова, однокурсник Аверинцева и Дерюгина, впоследствии известный зоолог и эмбриолог.

² Далее Любищев пишет, что он сам и его товарищи, например В. М. Исаев, были целиком на стороне Аверинцева. Видимо здесь имеет место некоторое временное смещение, — в 1908 г. Любищев и его друзья учились лишь на 2-м курсе и на Мурмане еще не бывали, таким образом, они вряд ли имели обоснованное мнение о конфликте.

³ АСПБОЕ, оп. 13, л. 49. Речь в письме идет, помимо общих станционных дел, и о конфликте Клюге с местным исправником. В этой связи он и сравнивает свои действия с поведением Аверинцева.

следовал примеру г. Аверинцева и моим принципом было именно мирное обновление. Там, где при г. Аверинцеве были высокомерие, ссора и пререкания, там при мне до самого последнего времени были гостеприимные, добрососедские отношения...»

Тем не менее, 4 года заведования станцией С. В. Аверинцевым никак нельзя считать временем «упущенных возможностей» — станция развивалась¹, приобретался необходимый опыт, накапливались знания о составе и распределении местной фауны и, следовательно, добычи определенных форм для нужд занимающихся и составления коллекций (Аверинцев, 1907). Росла и известность станции как биологического учреждения — она участвовала в международных выставках в Бордо (1907) и в Москве (1908) (Аверинцев, 1907; 1908 — 1909а, б). Формально теперь станция могла работать круглый год, хотя в зимние месяцы никаких реальных исследований проводить было нельзя «вследствие полярной ночи, холодов, сильных ветров и отсутствия на станции соответствующих судов и достаточного количества рабочих рук» (Аверинцев, 1908–1909б, с.291). Тем не менее, последняя драгировка в 1904 году была проведена 17 ноября, а первая в 1905 году уже 17 января (Аверинцев, 1905).

Особенно трудной оказалась первая зимовка, когда выяснилось, что станционный (1-й) дом совершенно непригоден для зимнего жилья². Как вспоминал Аверинцев «в декабре месяце термометр показывал на полу — 2, а на уровне плеч +7–8°, несмотря на усиленную топку печей» (Аверинцев, 1908–1909б, с.290).

На следующий, 1905 год на станции произошло 2 несчастия: скоропостижно скончался студент Николай Андреевич Бялыницкий-Бирюля, а через 11 дней во время экскурсии возле Айновских островов в море пропали члены общества Лидия Фёдоровна (Фридриховна) Вебер (1881–1905), Александр Владимирович Шидловский (1871–1905) и студент Борис Александрович Еше (1882–1905). Несмотря на организованные заведующим станцией поиски, ничего кроме остатков лодки, обнаруженных в 20 верстах от островов на побережье материка, найти не удалось³. В этой связи проф. Шимкевич писал: «Будем надеяться, что те, от кого это зависит, помогут станции обжа-

¹ За 1899–1908 гг. Мурман посетило более 70 человек, некоторые многократно.

² В последствии жилые помещения были оборудованы во 2-м, специально утепленном для этого, доме.

³ АСПБОЕ, оп. 14, л. 23, см. также Дерюгин, 1906; Педашенко, 1906а, б; Фаусек, 1906; Аверинцев, 1906.

вестись своим хорошим судном, которое значительно уменьшит возможность повторения подобных катастроф¹. Вскоре это было исполнено — по постановлению Комиссии ИСПБОЕ, заведовавшей станцией было возбуждено ходатайство о специальной субсидии для постройки судна в 12 000 рублей, которая была получена в 1905 году. Тем не менее, постройка большого судна потребовала дополнительной ссуды, взятой в Министерстве торговли и промышленности, а, следовательно, и существенной экономии. Аверинцев отмечал в своем заключительном отчете: «пришлось свести все расходы до возможного minimum'a; всего за время моего заведования станцией (1904–1908) из скромных средств ежегодного бюджета (8500 рублей), благодаря постоянной «экономии», сделано сбережений почти на 6 тысяч рублей, ушедших на покрытие расходов по постройке большого судна... Следует также заметить, что в течение последних двух лет на станции оставалось незамещенным место лаборанта, что тоже, конечно, могло сказаться на деятельности станции» (Аверинцев, 1908–1909а, с.267–268).

Много позднее (1948) Аверинцев писал своему старшему коллеге по зоотомическому кабинету С.-Петербургского университета профессору М. Н. Римскому-Корсакову: «...Вообще моя жизнь сложилась неудачно — т.к. все мои интересы и вся моя радость были в лабораторной работе и в руководстве работой других. Это несколько раз прерывалось, и вот уже несколько лет, как оборвалось совсем... Города я не люблю, — и хотел бы работать где-нибудь на станции — ведь я с 22 по 32 год много плавал и экскурсировал — на Севере»². Характерно, что Сергей Васильевич не упоминает здесь о годах заведования Мурманской станцией.

Основным куратором предприятия по постройке судна был опять выбран Дерюгин. Исследовательское судно «Александр Ковалевский» (автор проекта А. П. Фан дер Флинт), строилось почти два года (Дерюгин, 1909). Торжественное освящение 40-тонной моторно-парусной шхуны произошло на Неве 14 мая 1908 года, а 12 июня судно вышло в плавание из Санкт-Петербурга на Мурман вокруг Северной Европы и в тот же сезон приступило под руководством Дерюгина к планомерному исследованию Кольского залива. За год до того, в конце лета 1907 года, на Международном зоологическом конгрессе в

¹ АСПБОЕ, оп. 14, л. 26.

² ПФА РАН, ф. 902, оп. 2, д. 7, л. 5.

Освящение шхуны «Александр Ковалевский». Слева, сидят: А. А. Иностранцев, Л. Э. Шимкевич, Л. А. Шевякова, В. М. Шимкевич. Стоят: К. М. Дерюгин, И. И. Боргман, П. В. Никитин, ?, Ф. Е. Тур, ?, В. Т. Шевяков, С. И. Метальников (слева возле мачты), В. А. Ковалевский (справа возле мачты), А. И. Вилькицкий, Ф. Я. Чистович, ?, И. П. Бородин, ?. Фотография К. К. Буллы. СПб., 14 мая 1908 г. ПФА РАН ф.300, оп. 1, д. 134.

Elucidation of «Alexander Kowalevskiy» schooner. Seating from the left: A. A. Inostrantsev, L. E. Shimkewitsch, L. A. Schewiakova, V. M. Shimkewitsch. Standing: K. M. Derjugin, I. I. Borgman, P. V. Nikitin, ?, Ph. E. Tur, ?, V. T. Shewiakoff, S. I. Metalnikov (left from the mast), V. A. Kowalevskiy (right from the mast), A. I. Vilkitskiy, Ph. J. Tchistovich, ?, I. P. Borodin, ?. Photo made by K. K. Bulla. SPb., May, 14, 1908. SPbB ARAN f. 300, inv. 1, file 134.

Бостоне Дерюгин сделал первый доклад по фауне Кольского залива и ее изучении на Мурманской биологической станции.

Весной 1908 года С. В. Аверинцев заявил, что он отказывается от должности заведующего станцией и с 1 сентября покидает ее¹. Взамен

¹ Центральный Государственный Исторический Архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), ф. 14, оп. 1, д. 10256, л. 4.

Г. А. Клюге. Начало 900-х гг.
Архив С. И. Фокина.
H. A. Kluge. Beginning of 900th.
Archive of S. I. Fokin.

заведующим был избран Г. А. Клюге². Приват-доцент Казанского университета, специалист по мшанкам, он, как Дерюгин и Аверинцев, имел опыт работы в зарубежных музеях и институтах, а также на Неаполитанской зоологической станции. Став руководителем станции, Клюге специально объехал подобные учреждения Германии, Дании, Швеции и Норвегии, где знакомился с их организацией (Клюге, 1910).

Герман Августович был по некоторым воспоминаниям «исключительно добросовестный, трудолюбивый и спокойный по характеру... чрезвычайно деликатный человек» (Любищев, 1966; Ушаков, Андросова, 2002). Однако это не спасло его от трений с Дерюгиным. Здесь, очевидно решающую роль сыграло разное видение эти-

ми учеными будущего станции и путей достижения этого будущего, особенно в советское время. По воспоминаниям Евгения Михайловича Крепса (1899–1995) «Дерюгин смотрел на станцию как на полевую базу кафедр зоологии Петроградского университета, а в силу своего властного характера и как на свою вотчину. Клюге, активно поддерживаемый молодыми сотрудниками станции, видел ее задачи шире. Он считал, что единственное в ту пору учреждение на море должно разрабатывать многие дисциплины, связанные с морем...» (Крепс, 1989, с.78)². Будучи вполне самостоятельным заведующим (особенно после революции), Клюге, несмотря на деликатность, твердо проводил свою линию. В 1923–1924 годах, ему удалось добиться в Главнауке выведения станции из-под опеки Общества (Де-

¹ ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 1, д. 10256. Первоначально рассматривалась также кандидатура В. П. Гаряева, ассистента на Виллафранкской зоологической станции (Протоколы ИСПБОЕ, 1908).

² Речь идет, конечно, о 20-х годах XX в. Е. М. Крепс впервые появился на станции в 1921 г.

рюгин, 1924б; Клюге, 1925; Крепс, 1989). В этой связи конфликт, конечно, особенно обострился¹, однако до этого момента оставалось еще 15 лет.

В определенном отношении очень живые штрихи к портрету Германа Августовича (как и К. Н. Давыдова!) содержатся в истории, которая известна нам в пересказе Любищева (1966). «...Его (Клюге), как заведующего Мурманской биологической станцией, несколько шокировало то обстоятельство, что в комнате К. Н. всегда царил ужасный хаос. Клюге отличался чрезвычайно медленной речью. К. Н. рассказывает, что однажды Герман Августович обратился к нему на Мурмане (передавались, конечно, все интонации речи Клюге) следующим образом: «Константин Николаевич, мне нужно с Вами очень серьезно поговорить. Пойдемте, пожалуйста». «Мы, — говорит К. Н., — пошли. Идем версту, две, час, другой, наконец, показалась уже Печенга (невероятная гипербола, так как до Печенги больше ста километров). Клюге все молчит. Наконец, К. Н. спрашивает: «Герман Августович, что Вы хотели мне сказать?» Клюге отвечает: «Константин Николаевич, я бы Вас очень просил: когда Вы уходите из Вашей комнаты, пожалуйста, закрывайте за собой дверь».

К 1913 году станция состояла уже из трех зданий, эллинга для плавсредств и небольшой пристани, где обычно швартовался «Александр Ковалевский». В среднем доме, построенном на средства Е. Е. Арманда², пожертвовавшего на нужды станции свыше 10 000 рублей, помещались лаборатория, столовая и комнаты для ученых и студентов. Левее, ближе к городу был расположен дом заведующего и станционных служащих, а правее (западнее) на выдающемся узком полуострове, отделяемом в большие приливы водой, находилось первое по времени постройки здание станции с музеем, библиотекой и аквариумом. После ликвидации Мурманской научно-промышленной экспедиции Станция в 1909 году также получила часть ее специального оборудования.

¹ Заключительная фаза конфликта пришлось на время 3-го Всероссийского съезда зоологов, анатомов и гистологов (Ленинград, 1927), см.: ПФА РАН, ф. 1033, оп. 1, д. 171.

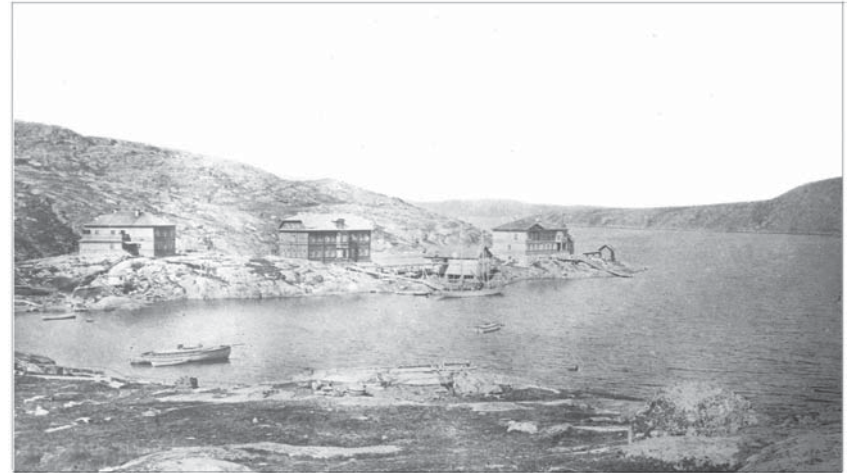
² Московский даритель, потерявший сына студента-естественника, через посредничество М. М. Новикова обратился к В. М. Шимкевичу с просьбой построить на пожертвованные им деньги корпус для студенческих практик, а также расширить станционную библиотеку с присвоением вновь построенного имени сына — В. Е. Арманда, что и было выполнено.

Общий вид Мурманской биологической станции в Екатерининской гавани, 1908 г. С почтовой открытки. Архив С. И. Фокина.
General view of the Murman Biological Station in Ekaterininskaya harbor, 1908. From postcard. Archive of S. I. Fokin.

Первые 4 года заведования станцией Ключе были непростыми в финансовом отношении, поскольку при общем вздорожании жизни и больших затратах на содержание «А. Ковалевского» бюджет по-прежнему составлял только 8 500 рублей. В этой связи взаимоотношения между заведующим и Комиссией общества не всегда носили мирный характер. На станции регулярно к концу года образовывался перерасход средств, который погашался из бюджета следующего года. Ключе пытался прояснить ситуацию в письмах к К. М. Дерюгину. В январе 1913 года он писал в Петербург: «Вы, единственный член из всей Комиссии, хорошо знавший условия жизни и работы Станции и близко принимающий ее интересы вполне реально представляете себе тяжесть положения, в котором будет находиться Станция за все время до получения ею нового бюджета. Эти опасения Вы мне высказывали не раз, но тогда я был еще не опытен в практической жизни и наивно думал, что ничего и этих сумм как-нибудь хватит... За эти 4 года жизни на Станции... взгляды и понятия мои изменились, я стал не менее реально смотреть на жизнь и только тогда вполне понял Ваши вещицы думы»¹.

¹ АСПБОЕ, оп. 13, л. 75.

Общий вид Мурманской биологической станции в Екатерининской гавани, 1915 г. Архив А. В. Смирнова.
General view of the Murman Biological Station in Ekaterininskaya harbor, 1915. Archive of A. V. Smirnov.

Надо сказать, что видение основных задач станции и путей их достижения тогда не вызывали разногласий между Дерюгиным и Ключе. В письме последний подчеркивал: «Вам, конечно, известно, что в свое время в Обществе раздавались голоса, что для сохранения равновесия в бюджете было бы лучше не работать с Ковалевским пока не получится новый бюджет. Я не встал на такую точку зрения, а вполне проникся Вашим взглядом на широкие задачи Станции, открывающиеся с приобретением ею такого в действительности могучего орудия для научных исследований как Александр Ковалевский. Станция за это время действительно расширилась, о ней знает теперь вся Россия, от западных границ (мы отправили заказ в Моравию) до Якутска включительно...»¹.

Действительно, использование судна «А. Ковалевский» значительно расширило возможности изучения Кольского залива и его фауны и благоприятно отразилось на коллекционной деятельности станции. Работы, возглавляемые Дерюгиным, только за конец сезона 1908 и июнь — август 1909 годов позволили собрать материал с

¹ АСПБОЕ, оп. 13, л. 76.

278 станций, начиная от Колы и кончая выходом в Баренцево море. В отчете за 1909 год Г. А. Клюге писал: «его (Дерюгина) работы представляют также большой интерес для Станции в практическом отношении, так как им найдено много новых видов и детально изучено распространение отдельных форм в зависимости от грунта и других физических условий; его работы представляют также большой интерес, так как они показали массовое местонахождение целого ряда форм: *Metridium*, *Gorgonocephalus*, *Antedon* и др., которые до его работ считались сравнительно редкими...» (Клюге, 1910).

Об определенной известности станции на Мурмане говорит тот факт, что только за три года (1907–1910) ее с визитами посетили: два адмирала, Архангельский губернатор и вице-губернатор, чрезвычайный Норвежский посланник, епископ Архангельский, а также несколько общественных деятелей, в том числе писатель Михаил Михайлович Пришвин (Аверинцев, 1907; Клюге, 1910). Как указывает в отчете Клюге (1910, с.165), «...Кроме того, Станцию часто посещали довольно многочисленные туристы», что следует признать безусловным признаком популярности этого заполярного уголка, куда добраться можно было только пароходом из Архангельска или Варде.

При Германе Августовиче станция окончательно приняла вид образцового научного учреждения с прекрасными морскими аквариумами, богатой библиотекой, музеем, рабочими местами и всем необходимым для проведения работ на море. Этому немало способствовало полученное так в 1913 году увеличение годового бюджета станции до 15 000 рублей. Количество ученых и студентов, приезжающих на Мурман, постоянно росло, и перед Первой мировой войной на станции ежегодно работали 15–20 исследователей, не считая студентов, приезжавших на практику. По-прежнему, большинство приезжающих были из Петрограда, в том числе студенты университета и курсистки Высших женских курсов и Женского педагогического института. Следует отметить, что с 1910 года на базе станции начались студенческие практики в теперешнем их понимании, — когда группа студентов работала под руководством специального, приехавшего с ними преподавателя, а не сугубо самостоятельно, как-то было прежде.

Так, в 1913 году успешную экскурсию на Мурман со смешанной группой студенток Женского педагогического института и студентов университета (20 человек!) провели профессор В. А. Догель и доцент

Библиотека станции. У окна Б. Н. Шванвич. Фотография Д. М. Дьяконов, 1915 г. Архив А. В. Смирнова.

Library of the Station. B. N. Shvanwitsch close to window. Photo made by D. M. Dyakonov, 1915. Archive of A. V. Smirnov.

Владимир Данилович Зеленский (1882–1930) (Фокин, 2002б). В 1914 году Иван Илларионович Месяцев (1885–1940), знакомый со станцией еще по времени своей ссылки в Александровск за революционную деятельность, привозил на Мурман московских студентов¹, в числе которых были будущие организаторы Плавучего морского научного института (Плавморин) Лев Александрович Зенкевич (1889–1970) и Леонид Леонидович Россолимо (Клюге, 1916а).

Существенно была развита в это время и коллекционная деятельность станции. Например, к 1909–1910 годам учебный материал и коллекции были доставлены по 39 адресам, в том числе 1000 морских ежей, 700 пятилучевых звезд, 500 коротколучевых звезд, 500 асцидий, 300 моллюсков-гребешков и свыше 200 морских водорослей (Клюге, 1909, 1910); на следующий, 1911 году рассылка включала

¹ Архив Московского государственного университета, ф. 200, д. 731.

Слева — вид из библиотеки; справа сверху — место лаборанта. Б. Н. Шванвич; справа внизу — большая лаборатория. В дальней комнате Г. Н. Гассовский. Фотографии Д. М. Дьяконов, 1915 г. Архив А. В. Смирнова.
Left — view from the library; right upper — place of technician. B. N. Shvanwitsch; right under — big laboratory. G. N. Gassovskiy in the last room. Photos made by D. M. Dyakonov, 1915. Archive of A. V. Smirnov.

37 учреждений и частных лиц, а объем достиг почти 6000 экземпляров (Клюге, 1911)¹.

Картины жизни станции в ту пору можно иногда найти в письмах работавших там. Вот, например, строки из письма В. А. Догеля к родителям, написанного в конце июля 1913 года. Она было послано в Петербург сразу после окончания экскурсии на Мурман группы из Женского педагогического института. «...Экскурсия уехала и жизнь входит постепенно в норму. Экскурсия прошла очень хорошо; было и интересно и весело (чему способствовали находящиеся на станции

¹ В 1914 г. станция обслужила уже 52 учреждения и частного лица (Клюге, 1916а).

Стационары 1912 г. Сидят (слева): И. М. Вильчинский, М. Л. Пятаков, С. И. Малышев; стоят В. Н. Беклемишев, Д. М. Федотов, В. К. Хворостухин, Б. Н. Шванвич, А. М. Дьяконов, А. А. Полканов, К. Л. Френкель. Лежат: А. С. Шаттенштейн, А. А. Любищев. Архив кафедры зоологии беспозвоночных СПбГУ.

Scientists at the Station, 1912. Seating from the left: I. M. Vilchinskiy, M. L. Pyatakov, S. I. Malishev; standing: V. N. Beklemishev, D. M. Fedotov, V. K. Khvorostuchin, B. N. Shvanwitsch, A. M. Dyakonov, A. A. Polkanov, K. L. Frankel. On the top: A. S. Shattenstein, A. A. Lubistchev. Archive of the Department of Zoology Invertebrate, SPbGU.

студенты), так что барышни остались очень довольны; многие из них буквально со слезами на глазах покидали Мурман. Для меня, должен сознаться, время протекло тоже приятно, хотя и устал я сильно: несколько ночей или приходилось почти вовсе не спать; или спать на полу, кое-как.

Что касается постоянной станционной компании, то ее нельзя назвать особенно веселой. Кроме наших студентов тут работают две унылые особы с курсов Лохвицкой, одна москвичка и Лермонтова¹.

¹ Е. В. Лермонтова, выпускница Женского Педагогического института 1910 г., ученица В. Т. Шевякова и В. А. Догеля.

Преподаватели и студенты на Мурманской биологической станции, 1913 г. Слева: ?; Н. И. Шахнин, А. П. Владимирский, Б. Н. Шванвич, Д. А. Ласточкин, Е. В. Лермонтова, В. А. Свиная, В. А. Догель. Архив кафедры зоологии беспозвоночных СПбГУ.

Teachers and students at The Murman Biological Station, 1913. From the left: ?; N. I. Shahnin, A. P. Vladimirskiy, B. N. Shwanwitsch, D. A. Lastochkin, E. V. Lermontova, V. A. Svinarskaya, V. A. Dogiel. Archive of the Department of Zoology Invertebrate, SPbGU.

Бедная Лермонтова в первый же день после прибытия вывихнула себе ногу и целых две недели не могла затем выходить из своей комнаты; только теперь поправляется. Одно время уже хотели отправлять ее обратно, в Архангельск, но потом решили подождать, и нога постепенно поправилась.

Станция все разрастается. Выстроен новый 3-х этажный дом, в котором помещаются все жилые комнаты, а также громадная, светлая комната-лаборатория для студентов, проходящих общий курс зоологии. Что касается до старого станционного здания, то оно будет служить лишь для лиц, занимающихся специальной научной работой.

Начальник станции, Клюге, педантичный, но, в общем, очень милый человек. Ко мне он относится очень предупредительно и для экскурсии сделал все, что только возможно. Он так прижился к Мурману, что за последние 4 года только раз на 2 месяца уезжал в отпуск»².

В 1910–1913 годах интерес к работам на станции так возрос, что приходилось уже ограничивать число приезжавших, поскольку до окончательной постройки новой лаборатории имени В. Е. Арманда (1914) количество рабочих мест не превышало 11 (как правило, за сезон часть этих мест занималось дважды, так что общее число работавших приближалось к 20). После введения в строй нового дома, это число возросло до 25–30 (Дерюгин, 1912; Клюге, 1916а). К этому времени по материалам, собранным на станции было выполнено около 100 научных работ, главным образом по морфологии беспозвоночных и фаунистике, в том числе К. М. Дерюгиным — монография «Фауна Кольского залива и условия ее существования» (1915), надолго сделавшая образцом проведения комплексных морских исследований. Печатались работы, выполненные на станции, по-прежнему, прежде всего в «Трудах ИСПБОЕ» (сборники «Работы Зоологического и Зоотомического кабинетов ИСПБУ»). С 1912 года появились и совместные выпуски работ, где на титуле значилась Мурманская биологическая станция. Как уже было отмечено, ежегодно комплектовались десятки коллекций морской фауны, рассылавшихся высшим и средним учебным заведениям, а также различным музеям и специалистам. Так, с 1909 по 1915 год таких коллекций было разослано 178 в 48 губерний России (Клюге, 1925).

Такая напряженная и разноплановая работа Станции требовала значительного персонала. Перед началом Первой мировой войны в постоянный штат станции входили заведующий, лаборант, препаратор, капитан, механик и помощник механика на «Александре Ковалевском», а также 4 рабочих, кухарка, посудомойка и мальчик «на посылках»².

Сезон 1914 года прошел сравнительно нормально, но к концу лета следующего, 1915 года работы на Мурманской станции были прерваны в связи с мировой войной. После переговоров товарища морского министра с директором станции, ее здания «для целей обороны» с 1 августа 1915 года были заняты Морским ведомством. Вес-

¹ ПФА РАН, ф. 960, оп. 1, д. 50, л. 203.

² ЦГИА СПб, ф.14, оп. 1, д. 10256, л. 38.

Иванов день на станции, 1914 г. Слева: Е. Э. Миллер, Е. Б. Стебельский, Б. Н. Шванвич, П. Г. Светлов, М. Г. Шпрунк, Н. О. Таусон, И. Н. Филиппев, Д. М. Дьяконов, М. Д. Статкевич, Н. И. Шахнин, Б. М. Тихомиров, Э. А. Тюнин, В. И. Павлов, ?, Е. Н. Сойникова, Л. Г. Робинсон, И. И. Месяцев, Д. М. Федотов, Л. Л. Россолимо, Г. А. Ключе, М. Н. Ключе. Архив С. И. Фокина.

John's day at the Station, 1914. From the left: E. E. Miller, E. B. Stebelskiy, B. N. Shvanwitsch, P. G. Svetlov, M. G. Shprunk, N. O. Tauson, I. N. Filipiev, D. M. Dyakonov, M. D. Statkewitsch, N. I. Shahnin, B. M. Tikhomirov, Э. А. Tunin, V. I. Pavlov, ?, E. N. Soinikova, L. G. Robinson, I. I. Mesyatzev, D. M. Fedotov, L. L. Rossolimo, H. A. Kluge, M. N. Kluge. Archive of S. I. Fokin.

ной этого же года Ключе по ложному доносу препаратора станции Вульфа как немецкий шпион был арестован и препровожден в Петроград, где провел более месяца в тюрьме»¹.

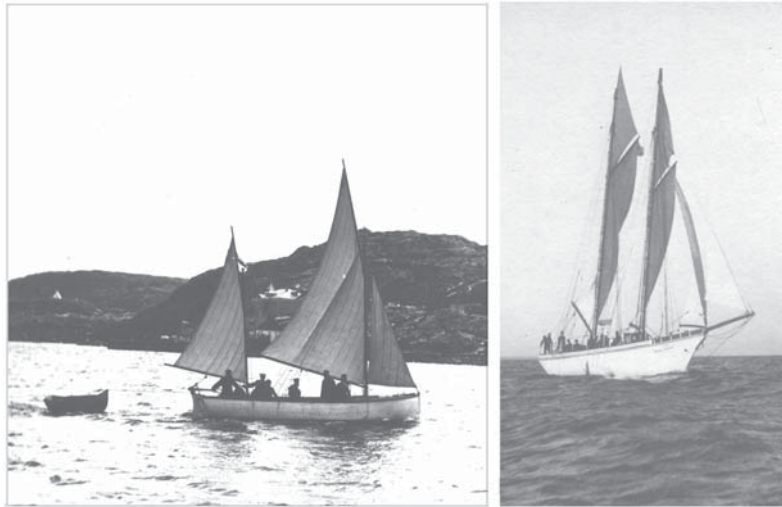
Это время на Мурмане вспоминал позднее известный гидробиолог Петр Дмитриевич Резвой (1887–1963). «Весной 1915 г. я получил выпускное свидетельство, оставалась сдача государственных экзаменов. Осенью 1915 г. должна была начаться моя военная служба. Но в течение лета я был еще свободен и решил поехать на Мурманскую

¹ Мать Ключе, арестованная вместе с сыном, покончила в тюрьме жизнь самоубийством (ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 1, д. 1025, л. 113–115).

биологическую станцию... В это время еще не было Мурманской железной дороги, сообщение с Мурманом шло через Архангельск, а от Архангельска пароходом... Во время нашего рейса из Архангельска вдоль Кольского полуострова очень чувствовалась война. Наш пароход все время жался к берегу; мы видели немало судов, подорванных минами и выбросившихся на береговые скалы. Помню, как мы вошли в Екатерининскую гавань и остановились на рейде. На берегу виден небольшой поселок с разбросанными там и сям домиками — это г. Александровск. Видны строения и на другой стороне бухты, это Мурманская биологическая станция... Светит яркое солнце и так оно будет светить круглые сутки. Вода бухты — прозрачная, глубокого зеленого тона. Бухту со всех сторон замыкают высокие скалы: красноватый гранит и яркая тундровая зелень; деревьев не видно. Поражает богатство света и красок. Как плохо передают этот ландшафт серые фотографии! Каждому работающему была отведена комфортабельная комната с темной шторой на окне в защиту от ночного солнца. Во всем устройстве чувствовалась заботливая, хозяйская рука директора станции Германа Августовича Ключе. Но самого его не было видно. Как лицо немецкого происхождения, он был с начала войны арестован по нелепешему обвинению в шпионаже¹. Обязанности директора исполняли в это время Б. Н. Шванвич и Д. М. Федотов. Из-за войны на Станции было меньше работавших, чем бывало обычно: небольшая мужская компания молодежи — студенты и ассистенты нашего университета» (Резвой, 1963).

После освобождения Г. А. Ключе свыше года жил в Петрограде. Тем не менее, был разработан подробный план необходимых мероприятий, проведение которых позволило бы станции продолжить работу после войны на должном уровне (Ключе, 1916б). В связи с проведением железнодорожной ветки до Романова на Мурмане (Мурманска), в этот план были включены пункты, направленные на организацию круглогодичной работы станции. Так, предполагался общий и косметический ремонт зданий и постройка еще одного нового, устройство аквариумов, работающих круглый год, приобретение небольшого моторного судна, проведение электрического освещения и круглогодичного пресного водопровода. Относительно нормальное функционирование Мурманской станции не удалось наладить до начавшейся революции, хотя осенью 1917 года Постоянной Полярной

¹ Ошибка вспоминающего — Ключе был арестован в мае 1915 г.

Флот станции. Слева — парусный бот «Орка». С драгировки, 1904 г.; справа — «Александр Ковалевский в море, 1908 г. Фотографии из архива Г. К. Дерюгина.

Vessels of the Station. From the left - sailing vessel «Orka». From dragging, 1904; from the right — «Alexander Kowalevskiy» in the sea, 1908. Photos from archive of G. K. Derjugin.

комиссией АН обсуждался вопрос о возобновлении работы станции и использовании ее деятельности для нужд обороны¹. В связи со сменой власти в государстве эта просьба осталась невыполненной. Зимой 1918 года вопрос о возобновлении деятельности Мурманской биологической станции рассматривался на заседании Александровского уездного земского собрания, но так и остался нерешенным.

«Когда в 1918 году морское ведомство освободило здания — вспоминал Г. А. Клюге, — последние представляли из себя грустную картину: сплошь выпачканные и закопченные стены, поломанные печи, ручки и замки у дверей, разбитые стекла и в добавок ко всему невероятные кучи мусора...» (Клюге, 1925, с.14)². Гражданская война

¹ СПбФ АРАН, ф. 75, оп. 1, д. 26, лл. 3–4.

² Судя по архивным материалам эти воспоминания должны относиться к 1917 г., когда база Морского ведомства была перенесена в Мурманск. См.: ЦГИА СПб ф. 14, оп. 1, д. 10256, л. 123.

и английская интервенция на Севере России снова полностью парализовали любую станционную активность и не дали исправить существовавшее положение (Отчет секретаря ПОЕ, 1921; Клюге, 1925).

Весной 1918 года угроза голода в Петрограде стала стимулом к организации при Комитете по изучению естественных производительных сил России (КЕПС) Мурманской разведывательной промысловой экспедиции, которую возглавил ихтиолог Петр Юльевич Шмидт (1872–1949)¹, неоднократно работавший на Мурмане. Задачей экспедиции было выяснить обстановку на промыслах с тем чтобы «разработать общий план рационального использования Мурман...»² Основным партнером этой экспедиции должна была стать Мурманская станция. Однако в конце июля 1918 года мурманское побережье оказалось отрезанным от центральной России в результате начавшейся интервенции и все планы исследований в этом районе остались невыполненными.

После окончания гражданской войны (1920) благодаря энергии и настойчивости заведующего, оставшегося в Александровске, несмотря на предложения англичан (1919) уехать из России, станция стала восстанавливаться. Завершить этот процесс удалось лишь через несколько лет, так как ее оборудование и помещения сильно пострадали в предшествующий период (Отчет секретаря ПОЕ, 1921). Тем не менее, уже летом 1920 года на ней снова развернулась научная и учебная работа. Мурман посетили студенты из Нижнего Новгорода, Петрограда, а также биологи из Пермского, Петроградского и Московского университетов (Отчет секретаря ПОЕ, 1921; Клюге, 1925). Возрождению станции в немалой степени способствовало то, что она в качестве одного из отрядов временно вошла в состав Северной научно-промысловой экспедиции, у которой благодаря ее положению при ВСНХ и активности ее организатора геолога Р. Л. Самойловича были некоторые средства (Лайус, 1997). Возможность работать на станции в составе Севэкспедиции получили московские ученые И. И. Месяцев, Л. А. Зенкевич и В. А. Яшнов. При этом Месяцев, как коммунист, был назначен комиссаром, контролировавшим работу станции. В это время им уже вынашивался план создания Плавучего

¹ П. Ю. Шмидт, сын военного топографа, выпускник гимназии Мая и ИСПБУ, не имеет никакого отношения к полярному исследователю и советского государственному деятелю О. Ю. Шмидту.

² СПбФ АРАН, ф. 817, оп. 1, д. 179, л. 17.

«А. Ковалевский» у причала Мурманской биологической станции. Александровск, 1925 г. Среди стоящих на палубе Г. А. Клюге, Ю. И. Полянский (в центре) и Н. П. Танасийчук (держится за вант под убраным парусом). Справа сидит И. И. Месяцев. Архив кафедры зоологии беспозвоночных СПбГУ.

«A. Kowalevskiy» at the pier of Murman Biological Station. Alexandrovsk, 1925. In the middle of group H. A. Kluge, Yu. I. Polyanskiy and N. P. Tanasiychuk (in the right coner, under the rolling sail). I. I. Mesyazev is setting from the right. Archive of the Department of Zoology Invertebrate, SPbGU.

морского института (Плавморин, в последствие — Морской научный институт), который предполагал слияние вновь организуемой структуры и Мурманской биологической станции, чего, однако, тогда не произошло.

В это же время проявилась тенденция к отделению станции от Петроградского общества естествоиспытателей. В 1920 году побывав в Петрограде и Москве Г. А. Клюге предпринял некоторые шаги в этом направлении. На заседании Мурманской комиссии Общества 16 апреля 1920 года он заявил, что заведующий Петроградским отделом научных учреждений и высших учебных заведений Наркомпроса

М. П. Кристи предполагает сделать Мурманскую станцию самостоятельным учреждением.¹ В. М. Шимкевич и К. М. Дерюгин посетили М. П. Кристи и выяснили, что эта инициатива исходила от Клюге. В этой связи, Комиссия указала, что подобное поведение со стороны Клюге «является совершенно недопустимым и нарушающим интересы Общества, которое доверило ему управление станцией»². Тем не менее, 22 апреля 1921 года Комиссия, заведовавшая Мурманской станцией, составила проект нового устава, приближавший станцию к уровню научно-исследовательского института. Этот проект был утвержден Академическим центром (Клюге, 1925). В нем были заложены основания для разделения стационара на ряд отделов: зоологический, ботанический, гидрологический и научно-промысловый. Полный штат станции (включая рабочих) уже превысил к этому моменту 30 человек (Клюге, 1925)³.

С 1921 года были возобновлены комплексные разрезы по Кольскому меридиану, проводившиеся по программе Международного Совета по исследованию моря в 1900–1906 годах. Возобновление этих рейсов Дерюгин, Книпович и другие ученые считали важнейшей задачей станции, поскольку речь шла о выяснении не только вопросов гидрологии и биологии Баренцева моря, но и об общей климатологии всего Севера России (Дерюгин, 1924а). Эти исследования хорошо вписывались в новый курс развития станции, согласно которому попутно с фундаментальными изысканиями предполагалось обратить особое внимание на выполнение практических задач, тесно связанных с рыбным промыслом. Крупнейший авторитет в области полярных исследований Ф. Нансен, посетивший станцию в 1928 году, сказал об этих разрезах: «Если бы Станция вела только одни исследования Баренцева моря в пределах Кольского меридиана, то этой работой она вполне оправдала бы свое существование» (Танасийчук, 1930, с.89). Кроме этого, конечно, проводились многообразные ежегодные работы в Кольском заливе: изучение литорали и сбор флоры и фауны для личных исследований и студенческих практик. Обработка собранного материала частью проводилась прямо в лаборатории станции; кроме штатных сотрудников каждый сезон здесь работало

¹ Государственный Архив Мурманской области (ГАМО), ф. 20, оп. 1, д. 4, л. 4.

² ГАМО, ф. 20, оп. 1, д. 4, л. 4.

³ По архивным данным число сотрудников станции (включая рабочих) достигло к 1924 г. лишь 20-ти (ГАМО, ф. 20, оп. 1, д. 15).

два-три десятка исследователей и студентов теперь уже из Ленинграда, а также и из других городов (Клюге, 1925).

Чуть раньше, в 1923 году, состав Ученого Совета станции и ее штат были расширены: помимо членов ПОЕ туда вошел представитель Московского Общества Испытателей Природы, академик П. П. Сушкин. После смерти В. М. Шимкевича председателем Ученого совета был избран проф. Дерюгин. Кроме заведующего Г. А. Клюге, в качестве научных сотрудников станции на Мурмане работали Д. М. Федотов, Е. М. Крепс, И. Г. Закс, Ф. Е. Белов, Н. В. Халапсин, Л. А. Чайнова, Н. Н. Спасский, П. В. Ушаков и Е. Ф. Гурьянова (Дерюгин, 1924б). В этот же год на станции работало рекордное для того времени число приезжих — 46 человек. Из них 20 были научными работниками и преподавателями Москвы, Петрограда и других российских городов, а 26 — студентами различных университетов. На станции разрабатывались вопросы тематически связанные с зоологией, сравнительной анатомией, систематикой животных, эмбриологией, физиологией животных, микробиологией, прикладной ихтиологией, гидрологией и гидробиологией.

Особенно надлежит отметить открытие на станции специального физиологического отделения, возникшего по инициативе Е. М. Крепса, поддержанной академиком Иваном Петровичем Павловым (1849–1936) и усиление научно-промышленного отдела (Дерюгин, 1925). Евгений Михайлович вспоминал, что Дерюгин отнесся к его предложению об организации сравнительно-физиологической лаборатории весьма прохладно, но после встречи с И. П. Павловым, специально организованной Крепсом, дал свое согласие (Крепс, 1989).

Нацеленность на практические задачи, которая впервые проявилась в работе станции еще в начале мировой войны, стала основным способом ее выживания в советское время. В первые послевоенные годы она еще не доминировала, однако в связи с развертыванием деятельности Севгосрыбтреста встал вопрос об использовании научного потенциала Мурманской станции для рациональной постановки промыслов. На эту тему Г. А. Клюге сделал специальный доклад на пленуме Мурманской губернской плановой комиссии (1924) под председательством В. К. Алымова. В 1926 году вместе с ним Клюге организовал краеведческое Общество по изучению Мурманского края, в котором работали многие сотрудники станции (Киселев, 2002).

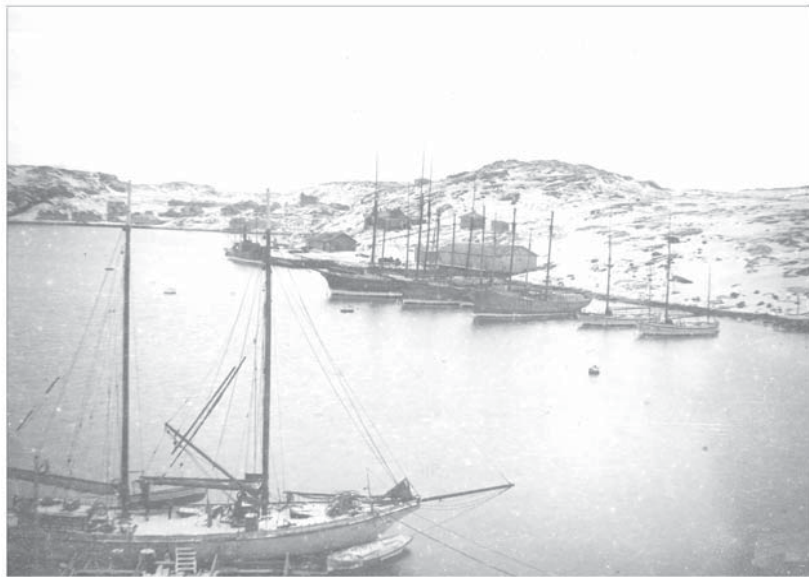
Как отмечалось в отчете секретаря ЛОЕ за 1924 год, «...к сожалению, в отчетном году заведующий станцией Г. Клюге, без ведома

Общества, предпринял в Москве шаги к отрыву Мурманской Биологической станции от Ленинградского Общества Естествоиспытателей» (Дерюгин, 1925, с.9)¹. В 1925 году декретом Совнаркома Мурманская биологическая станция была объявлена самостоятельным научным учреждением на правах научно-исследовательского института, несмотря на возражения Ленинградского Общества Естествоиспытателей (ЛОЕ) и Ученого Совета станции, во главе с К. М. Дерюгиным и В. А. Догелем. Общество пыталось добиться возвращения станции, и соответственная резолюция была принята II Всероссийским съездом зоологов, анатомов и гистологов в Москве (1925), однако административные шаги Главнауки для этого не были сделаны, а попытка добиться повторной резолюции о необходимости возвращения станции ЛОЕ на следующем, III съезде в Ленинграде (1927), закончилась провалом. «Должен отметить» — писал участник съезда А. А. Любичев, — «что он (съезд) закончился большим скандалом и, в сущности, закрытие его было сорвано при моем участии... Дело шло о конфликте между заведующим Мурманской биологической станцией, моим другом Г. А. Клюге, и профессором К. М. Дерюгиным. МБС в то время была подчинена Главнауке, а Дерюгин и подержавшие его большинство членов Общества естествоиспытателей (ленинградского, но поддержали и москвичи) хотели, чтобы она снова перешла к Обществу... Но переход к обществу означал полное подчинение весьма энергичному, но и весьма деспотичному Дерюгину, что будет во вред Мурманской станции, с действительно самостоятельным директором, которым был Клюге... Была принята резолюция (предложенная, кажется Б. М. Завадовским) о том, что следует избрать комиссию для разбора дела. Принятие резолюции вызвало такое негодование президиума, что он покинул зал, и формального закрытия съезда не было. Но вся эта история дошла до Главнауки, и вопрос о переходе станции в ведение Общества естествоиспытателей был снят...»².

Только в январе 1928 года Главнаукой был утвержден новый устав Мурманской биологической станции, согласно которому для управления станцией следовало организовать Ученый совет, состоящий

¹ Г. А. Клюге числился в составе сотрудников Петроградского университета только по 1922 г. (ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 1, д. 10256, л. 130), что подтверждает начало переориентации станции на Главнауку уже в это время.

² СПбФ АРАН, ф. 1033, оп. 1, д. 171, л. 6.

Последняя весна «А. Ковалевского». Александровск, 1927. Архив С. И. Фокина.

The last spring of «A. Kowalevskiy». Alexandrovsk, 1927. Archive of S. I. Fokin.

помимо заведующего станцией из 6 представителей ЛОЕ и 9 членов других научных организаций страны (Академии, Главнауки, МОИП, Плавморина, Института рыбного хозяйства, Гидрологического института и Гидрографического управления, Института по изучению Севера и Главной геофизической обсерватории). Однако уже в марте введение устава было приостановлено, в виду организации Ассоциации научно-исследовательских учреждений по изучению северных морей (Дерюгин, 1929).

Последние годы самостоятельного существования станция помимо прикладных исследований продолжала работу в двух направлениях: научно-исследовательском и научно-педагогическом. Популярность станции на Мурмане была настолько высока, что туда стали приезжать и иностранцы: шведы, норвежцы, немцы и американцы (Танасийчук, 1930). Велись даже переговоры, инициированные

С. В. Аверинцевым и Г. А. Ключе, о совместном советско-германском исследовании Баренцева моря. Так, в 1926 и 1927 годах в рамках этой программы на станцию приходили немецкие научно-исследовательские суда «Цитен» и «Посейдон» (Лайус, 1998). В 1926 году Ключе был командирован в Германию, где помимо зоологической работы прослушал курс лекций «Продукты моря и их обработка». Ориентация станции на прикладные исследования продолжала нарастать, тем не менее, в 1928 году из 36 ученых и 87(!) студентов значительная часть работала еще по фундаментальным аспектам зоологии, физиологии и гидробиологии (Танасийчук, 1930).

Летом 1927 года после 20 лет работы вышла из строя шхуна «А. Ковалевский». Благодаря прямому подчинению станции Главнауке, а также помощи местных властей и Сельхозбанка через год станции удалось приобрести новое судно с ледовой обшивкой и 120-сильным двигателем, названное в честь известного исследователя северных морей «Николай Книпович». Это приобретение значительно расширило область морских исследований, куда теперь были включены районы Новой Земли и Земли Франца-Иосифа (Танасийчук, 1930; Крепс, 1989). Было положено также начало станционных исследований по лимнологии: в 1920–1926 годах станция провела комплексное изучение озера Имандра. За десятилетний послевоенный период число работ, выполненных на станции, приблизилось к 80 (Танасийчук, 1930).

В 1929 году Станция была объединена с Морским научным институтом Месяцева в Государственный океанографический институт — ГОИН, оставшись его отделением. Созданная структура была подчинена уже не Наркомпросу а Гидрометеорологическому комитету при СНК СССР. Руководителем института назначили профессора И. И. Месяцева, а Г. А. Ключе, по-прежнему, остался заведующим станцией. Реорганизация позволила использовать объединенный флот (корабли «Николай Книпович» и «Персей») и организовать постоянную работу судов по всему Баренцеву морю, включая и берега Новой Земли, однако «центр тяжести» научной работы станции окончательно сместился в сторону прикладных ихтиологических исследований. Народно-хозяйственное значение проводимых работ таило в себе угрозу: начавшиеся в советской России репрессии «докатились» и до Баренцева моря (Чернавин, Чернавина, 1999).

5 марта 1933 года в газете «Ленинградская правда» К. Арениным была опубликована, как и положено было в это время, заведомо кле-

ветническая и бранная статья «Осиное гнездо»¹, направленная против руководителей ихтиологических и гидробиологических работ на МБС. Многие из них были арестованы, затем выпущены и арестованы повторно². Сейчас невозможно решить, что послужило реальной причиной появления статьи и фабрикация уголовного дела. Сотрудник МБС Нина Абрамовна Вержбинская (р. 1906) писала, что «Рыбтрест заведомо не мог выполнить чрезмерно большой план промысла, обещанный директором ГОИН И. И. Месяцевым. Не мог, потому что такой объём лова предполагал глубинное траление трески, а между тем ни флота нужного профиля, ни тралов для глубинного лова, ни специалистов-промысловиков, ни рыбообрабатывающих заводов, ни даже достаточного количества бочек для засолки рыбы не было. Неудачу решили свалить на сотрудников Мурманской станции» (Вержбинская, Гинецинская, 1993, с.134). Так или иначе, но и эта станция прекратила свое существование, однако идея развития биологических исследований на севере не была похоронена.

Среди работавших на Мурманской биологической станции, с момента ее основания в Екатерининской гавани, помимо организаторов и постоянных сотрудников, было немало известных (тогда или в бу-

¹ Позволим себе привести довольно длинную выдержку из публичного доноса Аренина: «Кто эти «высоконаучные авторитетные» люди, руководящие работой ГОИН'а и составляющие его основные кадры? Для этого достаточно без особых комментариев опубликовать список «незаменимых» сотрудников ГОИН'а. Научная сотрудница Воронова — дочь жандарма, ее коллега Попова — дочь попа, Моторная — дочь лишенца, Максимов — б. поп, Обухова — дочь помещика, Гусева — дочь торговца, Танасейчук — заведующий береговой группой — б. офицер, Белов — заведующий отделом — б. меньшевик, Вобликова — научная сотрудница — б. меньшевичка, Бородатов — заведующий группой техники лова — б. офицер, Полиничка — зав. статистической группой — дочь кулака, Цибин — инструктор — кулак, Малинин — главбух — б. поп, три брата Синяговы — капитаны — сыновья урядника, Юрьев — капитан бота — б. судовладелец, Евтоков — капитан бота — кулак, Шумилова «незаменимая» заведующая столовой — активная сектантка... Замяткин — капитан «Персея» — сын иеромонаха, Олябушев — штурман «Персея» — б. офицер, Лаврентьев — капитан — б. судовладелец, Остроумов — механик — сын попа и проч. и проч., чуждая нашему строю, нашим задачам плеяда бывших явных врагов Советской власти, паразитов и тунеядцев. Такова далеко неполная галерея «незаменимых», которая окопалась на скалистом мысе в Полярном, пожирая народные деньги и проводя «высоконаучную» работу».

² Подробнее об арестах на МБС см.: Танасийчук (1994).

Шхуна «Николай Книпович». Екатерининская гавань, 1929. Архив Беломорской биологической станции ЗИН РАН (Мыс Каргеш).
Schooner «Nikolay Knipovitsch». Ekaterininskaya harbour, 1929. Archive of the White Sea Biological Station of Zoological Institute, Russian Academy of Sciences (Cape Kartesh).

дущем) ученых. Это В. И. Вернадский, К. К. Сент-Илер, Г. А. Кожевников, Н. В. Насонов, Н. А. Ливанов, В. М. Арнольди, В. В. Редикорцев, С. А. Зернов, К. Н. Давыдов, В. А. Догель, Ю. А. Филипченко, В. Д. Зеленский, И. И. Соколов, Б. Л. Исаченко, М. М. Новиков, И. Н. Филипьев, Д. М. Федотов, В. Н. Беклемишев, Б. Н. Шванвич, А. А. Полканов, А. А. Любищев, П. Г. Светлов, И. И. Месяцев, Л. А. Зенкевич, Н. Н. Зубов, И. Д. Стрельников, Ю. И. Полянский, А. В. Иванов, Е. Ф. Гурьянова, П. В. Ушаков и многие другие. Общее количество работавших на станции к 1930 году достигло 400. Большая часть «дореволюционного» поколения этих биологов работала в свое время и на южных морях — в Неаполе, на Виллафранке и в Севастополе.

Определенную роль в окончательном закрытии станции в Екатерининской гавани сыграл и визит в Александровск правительственной комиссии во главе с И. В. Сталиным (Джугашвили) летом 1933 года, в результате чего было решено организовать там военно-

морскую базу, что и было скоро воплощено в жизнь. Весь район стал закрытой территорией, и о продолжении там научных исследований речь уже не шла. В этом смысле, слова Г. А. Ключе, взятые эпитафией к нашему обзору, не оправдались. Однако в широком понимании они были, конечно же, справедливы. В 1934–1935 годах Академией наук СССР предприняла шаги к организации новой Мурманской биологической станции в поселке Дальние Зеленцы на Восточном Мурмане, которая сохранила на долгие годы славные традиции исследователей Русского Севера.

Обзор истории создания и развития биологических станций на Европейском севере России был бы, однако, неполным без упоминания о нескольких менее известных стационарах, существовавших в этом регионе. Эти станции, не всегда полностью биологические, тем не менее сыграли свою роль в изучении живого мира Белого и Баренцева морей. Их можно было бы назвать станциями «второго ряда». Однако они, вместе с Дальне-Зеленецкой биологической станцией АН СССР (долгое время крупнейшей в регионе), для которой будет рассмотрен лишь период становления, сыграли важную роль в сохранении и развитии традиции биологических исследований на севере. Во многом благодаря их существованию эта традиция не прервалась, и в последующие годы на Белом море были организованы новые стационары, существующие и поныне. Станции Московского государственного университета в Пояконде, Зоологического института РАН на мысе «Картеш», Санкт-Петербургского и Казанского государственных университетов на острове Средний, Керетского архипелага губы Чупа в настоящее время с успехом продолжают путь, начатый нашими научными предками, о некоторых из которых — продолжение нашего рассказа.

3

Временная биологическая станция Императорского Юрьевского (1911–1918) и Воронежского государственного университетов (1918–1940) в Ковде

После того как в 1899 году Соловецкая станция СПбОЕ была перенесена с территории Соловецкого монастыря в Екатерининскую гавань Кольского залива Баренцева моря, систематическое изучение биологии Белого моря приостановилось. Это море — самое близкое к столице в Европейской части России (помимо практически пресного Финского залива Балтийского моря) в целом перестало служить местом полевых занятий будущих морских биологов, так необходимых для их полноценного образования.

С постройкой прямой железной дороги из Петербурга в Архангельск добираться на Белое море стало удобнее и дешевле, а паромное сообщение по Белому морю в начале XX века было более регулярным, чем на Мурманский берег. Климат и природа Белого моря, не такие суровые, как на берегах моря Баренцева, больше подходили для морских экскурсий со студентами. К тому же Мурманская станция не могла принимать всех желающих, в особенности большие группы студентов, так как она в первую очередь ориентировалась на нужды СПбОЕ, которому принадлежала. Эти неудобства Мурманской станции для организации занятий со студентами были перечислены профессором ИЮУ К. К. Сент-Илером при обосновании необходимости создания новой биологической станции на беломорских берегах (Сент-Илер, 1908б, с.1).

Константин Карлович родился в семье зоолога, директора С.-Петербургского Учительского института Карла Карловича Сент-Илера (1834–1901), который был автором многократно переиздававшегося учебника по зоологии (Сент-Илер, 1870). Под редакцией Сент-Иле-

ра старшего было издано несколько капитальных переводных сочинений, между прочим одно из изданий «Жизнь животных» Брэма. Так что вкус, как к зоологии, так и к педагогической деятельности Константин, — по всей вероятности, унаследовал от отца. Сент-Илер младший окончил С.-Петербургский университет в 1891 году. За студенческую работу по эмбриологии, выполненную по заданию академика Александра Онупфиевича Ковалевского (1840–1901), Сент-Илер получил золотую медаль (Скуфьин, Белоусов, 1991, с.20). После окончания курса он несколько лет работал ассистентом у профессоров А. О. Ковалевского, Александра Станиславовича Догеля (1852–1922) и Николая Евгеньевича Введенского (1852–1922) и в 1898 году защитил магистерскую диссертацию «О блуждающих клетках в кишечнике морских ежей». В 1890 году, еще студентом, Константин Карлович принял участие в поездке на Соловецкую станцию, где вместе со своими товарищами Алексеем Андреевичем Бялыницким — Бирулей (1864–1937) и Д. Д. Педашенко работал под руководством Н. М. Книповича, который был всего несколькими годами старше своих подопечных (Книпович, 1891). Побывал Сент-Илер на Соловках и 3 года спустя, с группой зоологов, во главе с В. М. Шимкевичем (Шимкевич, 1894).

Как большинство молодых зоологов того времени, Сент-Илер много работал за границей: в Германии, Австрии, Франции и Италии. Кроме того он специально осматривал там зоологические музеи, сады и аквариумы (Сент-Илер, 1892, 1909б). Первыми морскими биологическими станциями, на которые Сент-Илер попал за границей были станции в Триесте и Неаполе (1892). Позднее он еще дважды посещал Неаполитанскую станцию (1898/1899 и 1927), а также станции в Виллафранке и Роскове. Летом 1902 года, впервые после Соловков, он был снова командирован СПбОЕ на север — на Мурманскую биологическую станцию (Дерюгин, 1906).

В 1903 году Сент-Илер получил место профессора в Юрьевском университете (ИЮУ)¹. Он стал там вторым по счету русским профессором зоологии, заместив Алексея Николаевича Северцова (1866–1936), перешедшего в Киевский университет. В этом же году он защитил в ИСПБУ докторскую диссертацию по цито-гистологии «Наблюдения над обменом веществ в клетке и ткани» (Сент-Илер, 1903–1904).

¹ С 1632 по 1893 г. (с перерывом на период 1710–1802) — Дерптский университет, с 1893 по 1918 — Юрьевский и с 1919 г. — университет г. Тарту.

В Юрьеве Сент-Илер вскоре основал зоотомический кабинет, а позднее и зоологический музей, для которых постоянно приобретал коллекции, препараты и хорошее лабораторное оборудование. Так, в 1903–1904 годах по просьбе Сент-Илера зоологические коллекции для ИЮУ собирались на Мурманской станции (Дерюгин, 1906). Кроме того, Константин Карлович организовал и редактировал очень полезное периодическое издание «Справочный листок биолога», к сожалению, просуществовавшее только около 3 лет (до 1909).

В 1906 г. студентами ИЮУ был поднят вопрос о необходимости систематических экскурсий в природу (Сент-Илер, 1909а). Такие экскурсии в это время все больше входили в моду и стали считаться обязательным элементом образования естествоиспытателей. Морские студенческие практики в России тогда еще не проводились, но они уже существовали на станции в Виллафранке и были обычны в Триесте. Физико-математический факультет ИЮУ пошел навстречу пожеланиям студентов и образовал специальную экскурсионную комиссию, в которую вошли представители разных дисциплин, в том числе и Сент-Илер как зоолог (Сент-Илер, 1909а, с.1).

Летом 1906 года Сент-Илер отправился в поездку на Белое море, на Летний берег (Двинской залив) (Сент-Илер, 1908а). Он пригласил принять участие в поездке двух студентов, работавших у него в лаборатории, а в помощь взял служителя университета. Группа остановилась в деревне Сюзьма, откуда приехавшие совершали экскурсии, в том числе и в Унскую губу, которая была предметом особого интереса

К. К. Сент-Илер. Перед выпуском из университета, 1890/91 гг., СПб. Архив кафедры Зоологии беспозвоночных СПбГУ.

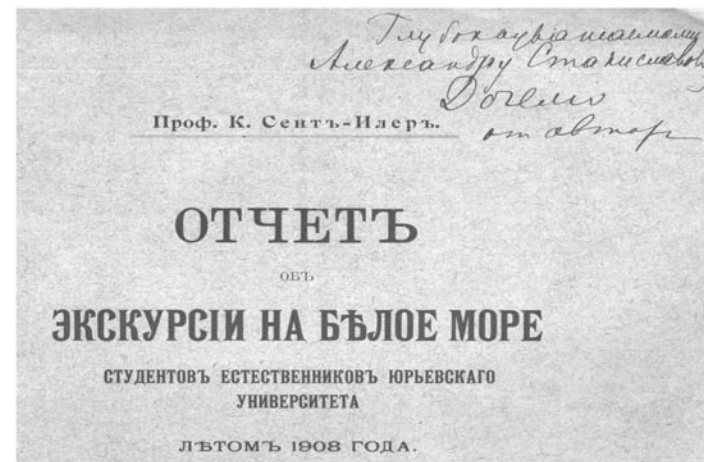
K. K. Sant-Hilaire. Before graduation from the University, 1890/91, SPb. Archive of the Department of Zoology Invertebrate, SPbGU.

Слева — в Зоотомическом кабинете. Слева на право: Г. Ф. Арнольд, Д. Д. Педашенко, М. Н. Римский-Корсаков, К. К. Сент-Илер. СПб., 1897 (?). Архив кафедры Зоологии беспозвоночных СПбГУ. Справа — старые беломорцы. Д. Д. Педашенко и К. К. Сент-Илер во время заседания II Всесоюзного съезда зоологов, анатомов и гистологов. Москва, 1925 г. Архив С. И. Фокина.

From the left — in Zootomical Cabinet. From left to right: G. Ph. Arnold, D. D. Pedashenko, M. N. Rimskiy-Korsakov, K. K. Saint-Hilaire. SPb., 1897 (?). Archive of the Department of Zoology Invertebrate, SPbGU; from the right — old «White sea men». D. D. Pedashenko and K. K. Sant-Hilaire at the II All-Union Congress of zoologists, hystologists and anathomists of Russia. Moscow, 1925. Archive of S. I. Fokin.

Сент-Илера. Фауна этого района Белого моря оставалась практически не изученной, так как после Ф. Ф. Яржинского здесь никто из зоологов не работал. Работать в Унской губе из-за сложности ее гидрографического режима оказалось нелегко, поэтому драгировки удалось провести лишь у самого входа в губу в непосредственной близости от Пертоминского монастыря, где и жили в это время экскурсанты. Тем не менее, ими были установлены основные зоны распределения морских организмов и определены ведущие формы бентоса.

Часть титульного листа оттиска статьи Сент-Илера 1908 г. с его автографом. Архив С. И. Фокина.

Part of the first page of the Sant-Hilaire article, 1908 with his autograph. Archive of S. I. Fokin.

Сент-Илеру понравились эти места и, хотя сам он больше там не работал, он высказал надежду, что его исследования привлекут к этим местам внимание и там будет организована биологическая станция (Сент-Илер, 1908б). Видовое разнообразие в Унской губе оказалось не слишком велико, но большинство организмов встречалось в огромных количествах, что было удобно для учебной работы со студентами. По мнению Сент-Илера, особенно полезной станция была бы для ботаников и для физиологов, которым нужен массовый материал (Сент-Илер, 1908б, с.4). Пожелание это, впрочем, так и осталось неосуществленным.

Осенью 1907 года университетская комиссия приняла решение выделить деньги на две экскурсии, в числе которых была и предложенная Сент-Илером поездка на Белое море. Выделенных 300 рублей оказалось достаточно, чтобы вывезти десять студентов. Главной целью экскурсии было ознакомление с животными в их естественной обстановке, что Сент-Илер считал очень важным. Он писал: «Никакой рисунок, никакой препарат не дадут такого резкого и рельефного впечатления, как живой организм. Эти впечатления остаются на всю жизнь» (Сент-Илер, 1908а, с.4).

Константин Карлович очень тщательно готовился к экскурсии. Чтобы дать студентам общее впечатление о местах, куда они едут, и о требованиях к экскурсантам, он специально прочитал лекцию, в которой остановился, как на истории исследования Белого моря и характеристике его фауны, так и рассказал об условиях работы и жизни на море. Для подготовки к летней работе им были также организованы практические занятия по знакомству с морской фауной.

На этот раз решено было ехать не в Унскую губу, а в район деревни Ковда на северо-западном побережье Кандалакшского залива. Впрочем, окончательное решение о месте экскурсии было принято уже в Архангельске, когда выяснились возможности проживания и работы в Ковде. Пертоминский монастырь в Унской губе никак не мог разместить и прокормить группу в 15 человек¹. В Архангельске Сент-Илер был радушно встречен ихтиологом Николаем Аркадьевичем Варпаховским (1862–1909), который служил заведующим рыбными и морскими звериными промыслами Архангельской губернии и также исполнял должность директора созданного им Рыбопромышленного музея. Варпаховский показал Сент-Илеру многочисленные коллекции, в том числе и собранные в Ковде, фауна залива которой оказалась гораздо богаче, чем отмеченная для Унской губы. Оба эти обстоятельства — богатство фауны и надежда на то, что в Ковде можно будет недорого получить жилье и пропитание, и определили окончательное место экскурсии.

Надо сказать, что надежды Сент-Илера полностью оправдались. Устроиться удалось очень удобно. Экскурсанты разместились в помещении пустовавшей в то время таможни на острове Березовом, поблизости от лесопильного завода Русанова. Начальник таможни К. А. Дьяконов не только разместил приехавших, но и оказывал им постоянную помощь. В дальнейшем это имя постоянно упоминается в отчетах Сент-Илера с неизменными теплыми словами благодарности. В доме было три светлые, довольно большие комнаты и кухня. В двух комнатах на специально сколоченных нарах разместились экскурсанты, включая руководителя, а одна комната использовалась как лаборатория и столовая.

¹ Помимо студентов-биологов в группе были юрист, медик и сопровождавший студентов служитель, работавший с Сент-Илером на Белом море в 1906 г. К. К. взял на экскурсию и одного из своих сыновей.

Организация работы была тщательно продумана, в общих чертах она оставалась сходной и в последующие годы. Эконом и казначей избирались из числа студентов, а обязанности врача исполнял присоединившийся к экскурсии студент медицинского факультета. На каждый день назначался дежурный, в обязанности которого входило «приготовление обеда и чая, выдача провианта» (Сент-Илер, 1909а, с.5).

В те времена Ковда была довольно оживленным местом, здесь находилось три лесопильных завода, в лавках которых можно было покупать провизию; было почтовое отделение, довольно регулярное пароходное сообщение с Архангельском и Кандалакшей. При этом местность оказалась очень живописной, фауна — разнообразной, глубины небольшими¹. Множество удобных закрытых бухт и проливов, в которых можно было работать даже в плохую погоду, гарантировали сбор материала. Занятия прошли успешно: регулярные драгировки позволили собрать обширные коллекции.

По возвращении из экспедиции, Сент-Илер начал ходатайствовать об открытии постоянной биологической станции на Белом море. Для этого он написал статью в научно-популярный журнал «Естествознание и география» (Сент-Илер, 1908б) и обратился за помощью в только что основанное Архангельское общество изучения Русского Севера (АОИРС).² Разобрав преимущества и недостатки обоих обследованных им районов Белого моря, Сент-Илер все-таки полагал «что желательно было бы иметь станции и в Унской губе, и в Ковде» (Сент-Илер, 1908б, с.8).

Письмо Сент-Илера в АОИРС было отдано на экспертизу двум зоологам, много работавшим на Севере — С. В. Аверинцеву, бывшему заведующему Мурманской станцией, и Нестору Александровичу Смирнову (1878–1942), специалисту по тюленям, занявшему после смерти Варпаховского пост заведующего рыбными и морскими звериными промыслами. Их мнения разделились. Предполагаемое направление работ будущей станции, предложенное Сент-Илером Аверинцева не вдохновило. Конечно, он не был против организации станции, если для этого найдутся деньги и силы, но в целом, считал, что для выполнения учебных задач вполне достаточно Мурманской станции, а на Белом море есть острая необходимость организации

¹ Т. е. удобными для драгирования с лодки.

² Государственный Архив Архангельской области (ГААО). Ф. 83, оп. 1, д. 6.

Слева — карта Ковденского залива. Домиком отмечены места, на которых располагалась Станция в 1908 и 1911 гг. Из: Сент-Илер, 1908; справа — лаборатория станции Сент-Илера в 1911 г. Из Sant-Hilaire, 1913/14.
From the left — Kovda gulf map. Locations of the station are indicated by «house». From: Sant-Hilaire, 1908; from the right — laboratory room in the Sant-Hilaire station, 1911. From: Sant-Hilaire, 1913/1914.

стационара для рыбохозяйственных исследований. Именно этим и нужно в первую очередь заниматься только что созданному местному Обществу, учебными же станциями университеты должны заниматься сами — таков был смысл заключения Аверинцева.¹

Смирнов, который ознакомился как с письмом Сент-Илера, так и с отзывом Аверинцева, посчитал, что обе идеи — организация учебной станции, и организация рыбохозяйственной станции «заслуживают поддержки, но так как идея профессора Сент-Илера заявлена ранее, разработана подробнее, практически более легко осуществима, и является предметом обращенного ко мне запроса, то в дальнейшем изложении я буду касаться только ее».² Смысл его рецензии сводил-

¹ ГААО. Ф. 83, оп. 1, л. 5–9.

² Письмо Н.А. Смирнова в Правление АОИРС от 01.01 1911 г. ГААО. Ф. 83, оп. 1, л. 10.

ся к тому, что поддержка предложения Сент-Илера желательна, осуществление ее входит в прямые задачи Общества и будет немаловажной его заслугой. Общество, впрочем, оказалось недостаточно богато и сильно, чтобы оказать реальную помощь. Ничего не изменилось и после того, как архангельский губернатор С. Д. Бибииков во время поездки в 1913 году в Ковду заинтересовался станцией и обещал помочь превратить ее в постоянную.

Согласно планам факультета экскурсии студентов должны были чередоваться по тематике: один год — геологическая, другой — ботаническая, третий — зоологическая. Поэтому следующая зоологическая экскурсия на Белое море состоялась в 1911 году. Лето 1909 года Сент-Илер провел за границей, изучая организацию и коллекции европейских зоологических музеев и садов (Сент-Илер, 1909а) с целью написать путеводитель по зоологическим учреждениям западной Европы, что, однако, не было осуществлено. В августе следующего, 1910 года, Константин Карлович участвовал в работе Международного зоологического конгресса в Граце (Австрия).

В экскурсии 1911 года участвовало уже 17 человек. На этот раз временная станция после некоторых переговоров с местным начальством разместилась в здании таможни на острове Еловц, лежащем на середине Горелой губы, между полуостровом Толстиком и островом Оленьим (Розов, 1913). Это место было удобнее тем, что отсюда значительно ближе до глубоких мест и открытого моря, а также вода возле станции не была опресненной, как около острова Березового, находящегося поблизости от реки Ковды (Сент-Илер, 1908б). Общая обстановка была очень благоприятной: кроме постоянной помощи со стороны начальника таможни, экскурсанты пользовались также покровительством управляющего находившегося неподалеку шведского завода М. Магнусона и его семьи.

Дом на Еловце был более просторный. Появилась возможность отвести отдельную комнату руководителю, а большую светлую комнату в нижнем этаже приспособить под разборочную. Разборка материала проводилась с определенной торжественностью, в первые дни, когда разборку производил сам руководитель, все были обязаны при этом присутствовать. К большому карбасу, использовавшемуся в 1908 году, прибавилось еще две лодки. Как и в 1908 году на каждый день назначался дежурный, однако, его обязанности были расширены: он должен был смотреть за порядком на станции, готовить лодку к выезду и вести записи в журнале. Руководство для

дежурного, составленное Сент-Илером висело на стене, рядом со списком инструментов, которые нужно было брать с собой при выездах.

Возможно под влиянием критики Аверинцева, Сент-Илер в дополнение к основным направлениям работы станции решил изучить рыбный промысел в окрестностях Ковды. Он нашел энтузиаста этого дела в лице студента В. Е. Розова. На эти исследования были получены дополнительные деньги от Департамента земледелия.¹ Работа включала в себя две части: прикладную (статистическую), то есть сборище сведений по вопросам местного промысла, и научную, заключающуюся в сборе материала по систематике и биологии рыб. Результаты опубликованные в двух ведущих отечественных рыбохозяйственных изданиях того времени «Вестник рыбопромышленности» и «Материалы к познанию русского рыболовства» (Ихтиологические наблюдения..., 1913; Розов, 1913) и до сих пор остаются одним из основных источников информации о рыболовстве западного побережья Белого моря в тот период.

В 1912 году ИЮУ командировал в Ковду студента Афанасия Ивановича Александрова во главе импровизированной экскурсии в составе 5 человек. Александров пробыл в Ковде около 7 недель, вел научную работу и собирал материал для Зоологического музея АН, от которого получил субсидию (Сент-Илер, 1913).

После того, как появилась возможность размещаться в одном и том же месте, Сент-Илер стремился сделать поездки на Белое море ежегодными. Новая большая экскурсия состоялась уже в 1913 году. Если в 1911 году основной целью поездки были лабораторные занятия и знакомство с анатомическим строением животных, так как большинство студентов были на море второй раз и сравнительно хорошо уже знали местную фауну, то в 1913 году значительное число участников приехало в первый раз, и поэтому для них более важным были полевые наблюдения и исследования. В научном плане Сент-

¹ Докладная записка профессора Юрьевского университета К. К. Сент-Илера в Департамент Земледелия Главного управления земледелия и землеустройства об организации в 1911 г. экскурсии студентов физико-математического факультета Юрьевского университета на Белое море в Ковду с целью сбора сведений о состоянии рыболовства в данной местности и произведения ихтиологических наблюдений, и о выделении средств на экспедицию в 1912 г. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 398, оп. 72, д. 28254, л. 10-10об.

Илер в этот раз предполагал более полно обследовать Ковденский залив и составить карту распределения в нем животных.

Очевидно, под влиянием исследований Книповича, которого Сент-Илер часто цитировал (Сент-Илер, 1908), он особенно заинтересовался изучением распределения морских организмов в зависимости от условий среды. В то же время он отказался от попытки проводить строго количественные исследования по методу Петерсена, который в это время начал распространяться в Европе, считая этот метод несовершенным¹. Важным вопросом, который занимал Константина Карловича в связи с этим, был вопрос об улучшении методов сбора организмов. Так, в 1909 году он опубликовал описание драги собственной конструкции, которую он сконструировал и опробовал на Белом море (Saint-Hilaire, 1909). Позднее Сент-Илер отмечал с сожалением, что в первые годы в полевых дневниках не указывалось количество животных в пробах, а только видовой состав, «между тем именно это имеет значение для характеристики места» (Сент-Илер, 1914, с.24).

Особое внимание в 1913 году было уделено гидрологическим исследованиям, в том числе выяснению влияния на распределение фауны опреснения залива рекой Ковдой (Сент-Илер, 1914, с.2). В этом же году Сент-Илер сделал открытие, значение которого он и сам, по видимому, не оценил, во всяком случае, в то время. Он был первым, кто обнаружил автоколебательный морфогенетический процесс — ростовые пульсации у гидроидов, верхушка растущей почки которых периодически то удлиняется, то укорачивается. Это наблюдение было опубликовано ученым много позднее (Сент-Илер, 1926; Saint-Hilaire, 1930) и прошло незамеченным. В 1960-е годы описанное явление было независимо переоткрыто другими авторами и привлекло гораздо большее внимание, так как было объяснено в терминах общей теории самоорганизации, ставшей популярной в те годы (Скуфьин, Белюсов, 1991).

Несмотря на очевидные успехи в работе станции, ее положение оставалось неопределенным. Никакого постоянного финансирования не было, и деньги каждый раз выделялись только на один сезон или экскурсию. В публикациях Сент-Илер называл станцию временной,

¹ Сент-Илер считал, что метод технически не обеспечивает стандартной выборки, т. е. одинакового объема взятого грунта и, соответственно, сравнение количества собранных животных не всегда правомочно.

но надеялся, что экскурсия 1913 года подвинет вперед основание постоянной биологической станции на Белом море — в этот год в Ковде работало 10 студентов. Интересно, что Сент-Илер рассматривал морскую биологическую станцию как один из важных институтов, необходимых для всестороннего естественнонаучного образования. «Естествоиспытатель не может считать законченным свое образование, если он не знаком с жизнью моря», — подчеркивал Константин Карлович (Сент-Илер, 1911, с.13). Другими необходимыми составляющими, по его идее, следовало быть пресноводной станции и опытному полю и саду. По мнению Сент-Илера, «все эти учреждения должны быть устроены по общему плану и должны друг друга дополнять» (Сент-Илер, 1911, с.4).

Любопытным моментом педагогической методики Сент-Илера было проведение совместных экскурсий для студентов университета и учеников средних учебных заведений. Поэтому он всегда широко открывал двери станции для преподавателей и учащихся гимназий обоего пола. При этом он любил работать и с преподавателями, у которых он отмечал «действительную жажду знаний» (Сент-Илер, 1914). В отличие от преподавателей, студенты-зоологи часто были причиной недовольства профессора. Он с горечью писал, что единственный интерес студентов, впервые попавших на море, — законсервировать морских животных: «Вначале является жадность к собиранию; берут все, что только попадется». При этом «надо постоянно искусственно возбуждать их интерес, но это, во-первых, очень утомительно для руководителя, а во-вторых, я думаю, может скоро надоесть и экскурсантам». И далее он делает вывод, что «Может быть, такая инертность есть следствие того, что мы постоянно разжевываем все знания, представляем их в готовом виде, мало приучаем студентов к самостоятельному труду» (Сент-Илер, 1914). При этом Сент-Илер очень заботился о том, чтобы у молодежи оставались от экскурсии приятные воспоминания. «Как-то все неприятное впоследствии ступшевувается и забывается, и остается только приятное воспоминание; и надо, чтобы светлых точек осталось побольше. Это не значит, конечно, превращать экскурсию в увеселительную поездку. Что работа у нас стоит на первом месте и что ей посвящается главная часть времени, об этом можно судить по результатам экскурсий» (Сент-Илер, 1914, с.26–27).

Из отчетов Константина Карловича, ясно виден его энтузиазм и желание передать как можно больше знаний своим студентам. Он

бывал очень огорчен, когда не чувствовал встречного настроения: «Когда на веслах сидят студенты и гребут со скучающими лицами, с видом угнетенных жертв, мне становится как-то неловко и досадно, и я стараюсь сократить работу... Это утомление наступает у экскурсантов всегда, и поэтому результаты нашей работы меня никогда не удовлетворяют» (Сент-Илер, 1914, с.33).

Отсутствие удовлетворения результатами работы (а требовательность к качеству результатов была у него очень высока!) всегда вызывало у Сент-Илера не раздраженность или депрессию, а новый прилив энтузиазма и желание довести до конца начатое дело. Так, он писал, что «у меня лично, если уловы неудачны, появляется какая-то жажда все новых и новых исследований, для того, чтобы добиться желаемых результатов... Мне часто приходится упрекать моих молодых спутников и за недостаток интереса к работе, и за недостаток порядка, но, несмотря на это, мы остаемся друзьями и лично ко мне они относятся всегда с такой предупредительностью, с таким милым вниманием, что невольно прощаешь им многое. Кроме того, я отлично знаю, что впоследствии они сами оценят значение своей работы на море; и теперь это уже чувствуют те из бывших экскурсантов, которые избрали себе научную или научно-прикладную деятельность» (Сент-Илер, 1914, с.33).

В 1914 году Сент-Илер прибыл на станцию в начале июля с маленькой группой слушательниц Высших женских курсов; еще несколько студентов приехали самостоятельно. Из гостей станцию посетила студенческая экскурсия Харьковского университета под руководством известного альголога Владимир Митрофанович Арнольди (1871–1924). Между прочим, в составе этой группы на станцию приезжали будущие известные гидробиологи, исследователи Черного моря, Владимир Алексеевич Водяницкий (1893–1970) и Нина Васильевна Морозова-Водяницкая (1893–1954). Гости успели уехать до объявления войны и возвращались в Петроград на лодках и телегах по нынешней трассе Беломоро-Балтийского канала и, только приехав в столицу, узнали о начале Первой мировой войны (Водяницкий, 1975, с.24).

Сент-Илер с группой из девяти юношей и девушек был вынужден добираться домой через Финляндию, так как пароходное сообщение по Белому морю прекратилось (Сент-Илер, 1915а). Весь багаж, книги, инструменты пришлось оставить в Ковде, поскольку значительную часть пути нужно было идти пешком. Но и в этой ситуации Сент-

Илер остается верен себе, замечая что «этот путь, кроме того, что весьма живописен и интересен, дал нам весьма важные сведения, касающиеся географии и геологии пройденной местности...» (Сент-Илер, 1916а, с.12).

В 1915 году, несмотря на непростой опыт предыдущего года, и трудности военного времени, Сент-Илер снова едет со студентами и с тремя своими сыновьями на Белое море. Он жалуется, что ему второй раз приходится устраивать экскурсию вне очереди, и пишет, что согласился на это для того только, чтобы временная станция функционировала (Сент-Илер, 1916а, с.3). Дорога прошла гладко, а вот возможности работы оказались несколько ограничены в связи с запрещением производить какие-либо съемки, промеры и даже фотографирование. А ведь именно в этот год основной целью экспедиции Сент-Илер хотел сделать общегеографическое исследование, которое «без съемок и фотографирования сводится собственно к нулю» (Сент-Илер, 1916а, с.5). Несмотря на это, удалось, как продолжить зоологические исследования, так и сделать многое в области географии и геологии. Съездили даже посмотреть на строительство Мурманской железной дороги, на которую Сент-Илер возлагал большие надежды. Он полагал, что упрощение и удешевление проезда на станцию послужит весомым козырем для ее превращения в постоянно действующую. Как всегда приезжали и гости. На этот раз это были москвичи, возвращавшиеся с Мурманской станции: профессор Петровской сельскохозяйственной академии гидробиолог Сергей Александрович Зернов (1871–1945) с группой студентов.

В разгар войны Сент-Илер публикует план дальнейших работ в выбранном им районе. «Не знаю, удастся ли мне как-нибудь попасть туда в будущем, поэтому мне хочется дать для исследований этой интересной местности программу, которую я в настоящее время представляю себе довольно ясно» (Сент-Илер, 1915б, с.3). Он считал, что изучение географического распространения животных в небольшой, но хорошо изученной местности во всех отношениях может дать более интересные результаты, чем случайные пробы на больших пространствах (Сент-Илер, 1915б, с.14). «Мне думается, — писал Сент-Илер, — что Ковденский залив весьма удобен для выяснения зависимости распределения животных от внешних условий: площадь его не слишком велика, больших глубин нет, поэтому работать легко, условия жизни весьма разнообразны и легко поддаются учету» (Сент-Илер, 1915б, с.15).

Константин Карлович сохранял надежду на то, что в будущем можно будет получить в аренду участок земли на берегу Горелой губы, и тогда удастся построить собственное здание для станции и приобрести необходимые книги и инструменты. «В настоящее время этот вопрос является особенно острым, — подчеркивал он (Сент-Илер 1915а, с.21), так как путешествие за границу даже в случае окончания войны будет конечно сильно затруднено. Да и пора, наконец, русским отказаться от своего тяготения к чужому и озаботиться использованием своих природных богатств. Наше Белое море имеет совершенно достаточно материала для научных работ и для знакомства с морскими животными преподавателей и учащихся». Он искренне надеялся, что его «скромное начинание в Ковде не заглохнет, но разовьется и послужит на пользу русской науке и преподаванию» (Сент-Илер 1915а, с.21).

В том же году короткая справка о станции была напечатана в «Известиях Архангельского общества изучения Русского Севера» (Сент-Илер, 1915б). В ней было отмечено, что за пять лет существования станции¹ на ней перебивало 47 человек. «Мы, русские, так не богаты подобными учреждениями и поэтому нельзя не пожелать скорейшего преобразования этой станции из временной в постоянную с определенным штатом служащих и бюджетом, — указывалось в заметке (Сент-Илер, 1915б, с.330).

Естественно, что во время войны призыв к устройению постоянной станции не был услышан. В последний раз, как представитель Юрьевского университета, Сент-Илер посетил Ковду в 1917 году. Настроение в Юрьевском университете к концу войны было неуверенное и тревожное (Сент-Илер, 1925а, с.362). 23 февраля 1918 года Юрьев был занят германскими войсками, и положение русских профессоров и студентов фактически стало бесправным: новые власти, поддержанные частью немецкой профессуры, требовали возрождения немецкого университета, а связи с Россией не было. К лету необходимость эвакуации российской части университета в Россию стала очевидной. В начале июля профессор ботаники Роберт Эдуардович Регель (1867–1920), командированный еще весной в Россию, привез распоряжение Наркомпроса о переводе университета в Воронеж. Уже 12 июля 189

¹ Сент-Илер, очевидно, считал датой основания временной станции 1911 г., рассматривая экскурсию 1908 г., как отдельную поездку, тем более, что тогда экскурсанты жили и работали в другом месте.

преподавателей и служащих университета были специальным поездом эвакуированы из Юрьева, а еще один поезд с преподавателями и частью имущества был отправлен в Россию в августе. Научные материалы, в том числе все сборы беломорских экспедиций Сент-Илера остались в Эстонии. Имущество станции все это время находилось в Ковде. Известно, что в 1920 году, сотрудники одного из отрядов Северной научно-промысловой экспедиции, работавшего на Белом море под руководством ихтиолога П. Ю. Шмидта, посещали Ковду и забрали со станции часть книг и оборудования.

Едва успела закончиться Гражданская война и интервенция на Севере, Сент-Илер начинает подготовку новой экспедиции на Белое море. «Со времени перевода Юрьевского университета в Воронеж я не переставал стремиться в Ковду», — вспоминал он позднее (Сент-Илер, 1925б, с.398). Он вполне понимал сложность этого предприятия и поэтому послал на разведку своего бывшего студента В. Е. Розова, который много раз бывал в Ковде. Розов сообщил телеграммой, что поездка вполне возможна. Деньги удалось получить в Наркомпросе. В Ковде сохранилась значительная часть снаряжения, почти все взятое отрядом Шмидта также было возвращено. Разумеется, были и пропажи, на которые сетовал Сент-Илер, в том числе парус и 15 ведер спирта (Сент-Илер, 1925б, с.400). Снова достать спирт в условиях послевоенной разрухи было очень сложно, для этого пришлось специально оставить в Москве двух сотрудников.

Всего в Ковду выехало 23 человека, в основном студенты. Дорога заняла две недели. Экскурсия разместилась в том же помещении, благодаря положительному решению общего собрания рабочих Шведского завода, которые согласились потеснить заводской комитет и другие учреждения, расположившиеся в этом здании (Сент-Илер, 1925б, с.404). Были составлены новые подробные правила поведения, касающиеся жизни и работы на станции. В них виден дух уже других времен: так, не разрешалось «изготовление пищи частным образом или какое-либо несвоевременное изготовление пищи»; не допускались «споры по религиозным и политическим вопросам» и т.п. (Сент-Илер, 1925б, с.403). Экскурсия пробыла в Ковде около 2,5 месяцев. В продолжение лета, на запасы муки, мыла и табака удавалось выменивать семгу, молоко и яйца, а также оставшиеся у местных жителей от англичан чай и кофе, что позволяло питаться вполне прилично, но к концу лета запасы иссякли. Продуктовое снабжение Ковды почти прекратилось, и даже рабочим стали выдавать только

К. К. Сент-Илер во время заседания I Всесоюзного съезда зоологов, анатомов и гистологов. Петроград, 1922 г. Архив С. И. Фокина.
K. K. Sant-Hilaire at the I All-Union Congress of zoologists, hystologists and anathomists of Russia. Petrograd, 1922. Archive of S. I. Fokin.

овес. Основной проблемой, однако, стала обувь — к концу экскурсии большинство воронежцев остались в буквальном смысле босиком.

Научные результаты экспедиции, тем не менее, были впечатляющими. Было продолжено изучение распределения животных, для чего была взята 231 проба. В целом, за все время исследований Ковденского залива под руководством Сент-Илера число проб достигло тысячи (Сент-Илер, 1925б, с.419). Кроме фауны и флоры различных участков залива, исследовались озера, наземная флора, велись гидрологические и геологические наблюдения, а также геодезические работы. Сборы экспедиции на несколько лет обеспечили материалом для практических занятий кафедре зоологии беспозвоночных в Воронеже, при этом часть материалов была передана и другим учреждениям. Некоторое оборудование, лабораторная посуда и реактивы, которых остро не хватало университету, были вывезены со станции (Сент-Илер, 1925б, с.421). По возвращении в Воронеже была устроена выставка, на которой экспонировались основные результаты работы экспедиции — она привлекла большое число посетителей (Сент-Илер, 1925б, с.422–424).

Новая экспедиция на Север состоялась лишь в 1927 году, но отчет о ее работе не был опубликован. Некоторые сведения о ней можно найти лишь в отчете следующей экспедиции 1934 года (Сент-Илер, 1935). Так, известно, что в 1927 году экскурсанты, как и в 1908 году, жили на острове Березовом. Это позволило провести исследование гидрологического режима распресненного участка губы. Также были найдены новые для этого района виды бентоса.

В 1934 году исследования Сент-Илера и его питомцев носили наиболее комплексный характер: изучалась геология губы, наземная растительность, рельеф дна, грунты, гидрология, морская флора и фауна, а также опресненные бассейны и пресные водоемы на материке и острове Оленьем. Опять решено было провести и прикладные исследования в области рыбного хозяйства. Был собран материал по биологии колюшки, пик численности которой наблюдался в те годы, проведено анкетирование рыбаков по вопросам биологии рыб и техники промысла. В экспедиции приняло участие 24 человека разных специальностей, студентов и преподавателей. С деньгами в этот раз помог Карельский институт рыбного хозяйства, колхоз в Ковде предоставил помещение, а лесопильные заводы — лодки (Сент-Илер, 1935а).

В 1935 году Сент-Илер публикует небольшую статью об исследованиях Ковды в журнале «Карело-Мурманский край», где, в частности, пишет: «Подводя итоги наших работ в Ковде за 26 лет, мы с удовлетворением можем сказать, что едва ли имеется какой-либо участок моря в пределах СССР (м. б. за исключением Севастопольской бухты) столь полно и разносторонне исследованный, как залив Ковда. На площади приблизительно в 30 кв. км моря взято более 1200 проб» (Сент-Илер, 1935а, с.60). Но окончательный итог подводить было еще рано.

С 1937 года станция, наконец, получила статус биологической станции Воронежского государственного университета (Сент-Илер, 1939). Сент-Илер развернул на ней работу со студентами своей кафедры зоологии беспозвоночных. Наряду с продолжением обще фаунистических исследований он стал уделять еще большее внимание исследованиям, имеющим прикладное значение, таким как изучение древоточцев, проникших в Белое море (Коптева, 1939; Бухалова, Дмитриев, 1944), гельминтофауне (Попова, 1939) и питанию рыб (О фауне..., 1941). Отдельная работа была посвящена исследованию мидиевых банок (Морева, 1939).

В 1939 году Воронежский университет праздновал свое двадцатилетие. Юбилей был отмечен проведением научной конференции, на которой К. К. Сент-Илер выступил с программным докладом, посвященным беломорским исследованиям. К сожалению, текст этого доклада не был опубликован, и мы можем судить о нем лишь по очень коротким, но информативным тезисам (Сент-Илер, 1939). Итак, за все годы исследования было обнаружено около 500 видов животных,

описано несколько новых видов и большое число видов впервые отмечено для Белого моря. В своем докладе Сент-Илер обратил особое внимание на непостоянство фауны — за время исследований появились новые виды, в том числе интродуценты (например, древоточцы), а некоторые виды исчезли.

Главной задачей исследований в Ковдинском заливе, как подчеркивал Константин Карлович, было не только выяснение состава фауны, но и изучение истории ее развития и условий ее существования, а именно рельефа, грунта, солености, течений, температуры, распределения водорослей в зависимости от глубины и грунта. «Все условия находятся во взаимной связи», — писал Сент-Илер (Сент-Илер, 1939, с.14). Интересно, что многие данные Сент-Илера были использованы его младшим коллегой по ИСПБУ К. М. Дерюгиным в книге «Фауна Белого моря и условия ее существования» (1928).

Динамический аспект в описании, как отдельных объектов, так и целых экосистем всегда был чрезвычайно важен для ученого. Лейтмотивом всего творчества К. К. Сент-Илера был интерес к взаимодействиям живой и неживой материи, причем он постепенно переходил в изучении этого вопроса от уровня клеток и тканей к взаимодействию живого и неживого на биоценотическом уровне (Скуфьин, Белоусов, 1991, с.22).

Сент-Илер собирался написать монографию о Ковденском заливе, обобщив в ней огромный материал, собранный им и его учениками. К сожалению, этим планам не суждено было сбыться — началась Великая Отечественная война. В тревожном военном ноябре 1941 года Константин Карлович скорострительно скончался в прифронтовом Воронеже. Все его рукописи и архивы погибли (Скуфьин, Белоусов, 1991; Горяшко, 1999).

Будущие биологи вновь обосновались в Ковде только в 1974 году — московские школьники под руководством Галины Анатольевны Соколовой приезжают туда уже 30 лет (Горяшко, 2005).

4

**Беломорская методическая станция
Государственного гидрологического
института (1931–1938)¹
и Научно-промысловая станция Института
по изучению Севера в губе Порчниха
(1927–1930)**

Беломорская методическая станция в Малой Пирью-губе, близ села Умба на Кольском берегу Кандалакшского залива Белого моря, была основана в 1931 году по инициативе неугоминого К. М. Дерюгина². Она представляла собой филиал возглавляемого им морского отдела Государственного гидрологического института (ГГИ, Ленинград) и была сориентирована на решение, прежде всего, гидрологических задач. К тому времени, в результате обширных комплексных экспедиций, Дерюгиным уже была опубликована монография «Фауна Белого моря и условия ее существования» (1928). Однако даже длительные экспедиции никак не могли заменить стационарных наблюдений, особенно необходимых для изучения гидрологического режима Белого моря. Методический аспект развернутой в ГГИ работы также требовал «подходящей природной обстановки — для испытания новых приборов, для установления их сравнительной оценки,

¹ По данным журнала истории гидрометеостанции «Умба», как стационар ГГИ она прекратила существование в конце 1937 г. (Горяшко, 2005). Руководитель методической станции В. В. Тимонов указывал, однако, время действия станции 1930–1938 гг. (Тимонов, автобиография, 1958. В кн.: Некрасов, 1991).

² Подробнее о личности К. М. Дерюгина см.: Фокин, 2002а и статью того же автора «К. М. Дерюгин. Страницы жизни» на сайте А. Горяшко «Литтории на литорале» www.littorina.narod.ru

Прилет гидросамолета в Умбу, 1934. На заднем плане судно Методической станции Государственного Гидрологического Института «Кайра». Архив Беломорской биологической станции ЗИН РАН (Мыс Картеш).
Hydroaeroplane landed in the Umba Bay, 1934. Governmental Hydrological Institute' Station's research vessel «Kayra» at the far plane. Archive of the White Sea Biological Station of Zoological Institute, Russian Academy of Sciences (Cape Kartesh).

для выяснения коэффициентов поправок их работы...» (Дерюгин, 1935, с.83). Ряд теоретических вопросов, разрабатывавшихся отделом, предполагал экспериментальную проверку в природных условиях, например, вопросы о внутренних волнах, элементах самой волны и о течениях. В области биологии морских организмов, а Дерюгин оставался, прежде всего, гидробиологом, стационарные наблюдения над динамикой процессов развития животных, взаимосвязью среды и организмов и действием на них отдельных абиотических факторов или их комплекса были также крайне необходимы. Все эти задачи не могли (и не могут) быть удовлетворительно решены без стационарных и часто многолетних наблюдений.

Место для станции было выбрано, конечно, не случайно. «Еще во время нашей экспедиции 1922 г. по исследованию Белого моря, — вспоминал Дерюгин, — мы, отставаясь от шторма в Пирью-губе, обратили внимание на чрезвычайно выгодное положение ее для орга-

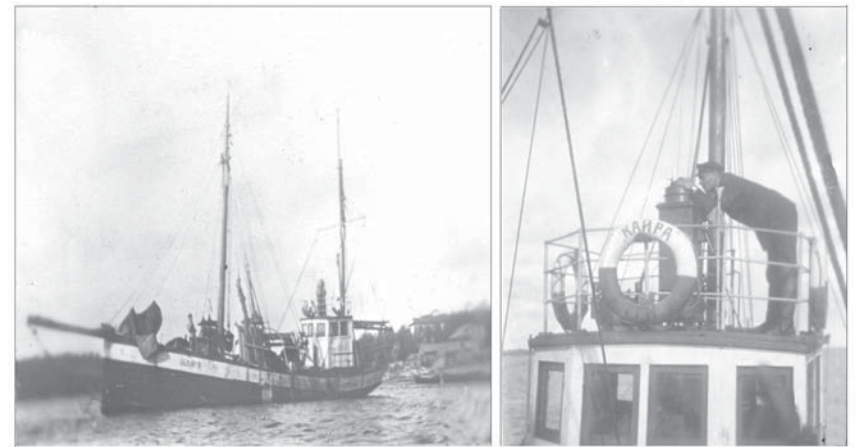

Главный (новый) дом станции ГГИ в Пирью-губе. Слева фотография 1934 г. Архив Беломорской биологической станции ЗИН РАН (Мыс Картеш); справа — тот же дом в другом ракурсе, рисунок. Из: Дерюгин, 1935.

The main (new) building of the GHI Station. From the left — photo made in 1934. Archive of the White Sea Biological Station of Zoological Institute, Russian Academy of Sciences (Cape Kartesh). From the right — the same house from different view, figure from Derjugin, 1935.

низации морской станции. Сама Малая Пирью-губа представляет маленький живописный фиорд с высокими гранитными берегами, покрытыми лесом; это прекрасная гавань, защищенная со всех сторон от штормов и волнения скалами и лесом» (Дерюгин, 1935, с.83). Недалеке находился крупный лесопильный завод (Большая Пирью-губа) с необходимой для жизни инфраструктурой, а в трех километрах — старинное село Умба.

Организовывалась станция с известным размахом — уже через четыре года она представляла собой сравнительно крупное научно-исследовательское учреждение. В двух двухэтажных домах и нескольких дополнительных постройках располагались метеорологическая станция, лаборатории гидрологии, гидрохимии и гидробиологии, а также жилые и технические помещения. Экспедиционные морские работы и еженедельные наблюдения над колебаниями температуры и солености в акватории Кандалакшского залива обеспечивали два моторно-парусных бота — «Кайра» и «Метеор» и несколько более мелких судов. В сезон на станции работало до 40 человек научного и технического персонала. Летом, особенно после закрытия в 1933 году Мурманской станции, в Пирью-губу приезжали сторонние специали-

Слева — станционное научно-исследовательское судно «Кайра» на рейде Пирью-губы, 1934 г.; справа — «Кайра», определение координат, 1934 г. Архив Беломорской биологической станции ЗИН РАН (Мыс Картеш). From the left — Station's research vessel «Kaira» in Pirju-guba, 1934; from the left — «Kaira». Estimation of position, 1934. Archive of the White Sea Biological Station of Zoological Institute, Russian Academy of Sciences (Cape Kartesh).

сты и студенты из Ленинграда, Москвы и других городов. Так на базе станции велись работы по изучению беломорского планктона (Мария Александровна Виркетис, ЛГУ), полихет (Павел Владимирович Ушаков (1903–1992)¹, ЗИН АН СССР), сотрудница Нефтяного института М. М. Забелина занималась диатомовыми водорослями. Донные биоценозы исследовались П. Д. Резвым (ЛГУ), а пресноводный планктон в окрестностях Умбы изучал Вячеслав Михайлович Рылов (1889–1942) (ЗИН АН СССР). В 1935 году на станции работала группа сотрудников МГУ во главе с Владимиром Владимировичем Алпатовым. В экспедиционной работе станции активно участвовали прак-

¹ П. В. Ушаков — выдающийся отечественный зоолог, гидробиолог и океанограф, участник ряда крупных морских экспедиций. Первый заведующий лабораторией морских исследований ЗИНа (1950–1965). За работы по морской биологии награжден в 1972 г. французским Океанографическим институтом медалью Альберта I, принца Монакского (№ 25). О нём см.: Бужинская (2002).

тиканты ЛГУ Владимир Владимирович Кузнецов (1912–1961)¹, Татьяна Алексеевна Матвеева (1913–1983) и аспирант Анатолий Петрович Андрияшев (р. 1910). В 1935 г. группа студентов с кафедры беспозвоночных ЛГУ (Ольга Михайловна Казас (р. 1913), Варвара Алексеевна Цвиленева (1914–1998) и Алексей Георгиевич Кнорре (1914–1981)) проходила на станции морскую практику (Труды ГГИ..., 1939; Иванова-Казас, 2005).

Недавно воспоминания О. М. Ивановой-Казас об этой поездки были записаны и опубликованы в Интернете. Ольга Михайловна вспоминает: «...итак, в 1935 году нас отправили в Умбу... Приехав на станцию, мы по молодости лет больше интересовались людьми, с которыми приходилось иметь дело, чем самой станцией и ее работой. Как я уже говорила, мы не имели ни малейшего представления, как ловить животных в море. Но там был милейший сотрудник, — Юрий Семенович Гурвич². Из тех людей (есть такая порода), которые охотно бросят свою собственную работу, чтобы помочь кому-то другому. И он, хотя совсем был не обязан с нами нянчиться, научил нас, как драгировать (драгировали мы сами с карбаса, никто нам не помогал), как собирать планктон планктонной сеткой и т.д. Наш улов был мешаниной всевозможных животных. Большинство из них (не всех, конечно, это невозможно) Гурвич знал и говорил нам, как они называются. Так что он нас познакомил с местной фауной...

Директором станции был некто Тирон³. С самим Тироном мы общались мало. Вообще я тогда была еще девчонкой, и мои воспоминания и впечатления о людях имеют случайный и отрывочный, поверхностный характер... Станция, в сущности, дала нам только две комнаты (одну для работы, а другую как спальню) и карбас. Я и Варя

¹ В. В. Кузнецов — д.б.н., окончил ЛГУ в 1936 г. Научный сотрудник Мурманской биологической станции (1936–1940 гг.), научный сотрудник Зоологического института АН СССР (1940–1948 гг.), участник Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.), офицер, был ранен, директор Мурманской биологической станции (1948–1954 гг.), старший научный сотрудник ЗИН АН СССР (1954–1961). В 1957 г. откомандирован в распоряжение Карельского филиала АН СССР для организации Беломорской биологической станции, которую он возглавлял до 1 января 1959 г. О нём см.: Ушаков (2002, с.136–137).

² Ю.(Георгий) С. Гурвич (1906–?), окончил ЛГУ в 1930 г., ученик К. М. Дежюгина.

³ Гидролог Карл Давыдович Тирон не был директором станции.

жили в одной комнате с аспиранткой кафедры эмбриологии нашего университета Ксенией Александровной Калининой. Мы с ней подружились на многие годы, но, к сожалению, она очень рано умерла (во время войны). А где спал Кнорре, я не знаю...

Тирону очень не нравилось, что когда мы работали в лаборатории (например, разбирали свой улов), мы часто пели. Он не понимал, как можно работать и петь. А мы возражали, что зав. кафедрой зоологии беспозвоночных проф. В. А. Догель, работая с микроскопом, всегда что-то напевал или насвистывал. Тирон только пожимал плечами. Но он в наши дела особенно не вмешивался... При нас на станции был еще один студент — гидробиолог, Владимир Кузнецов. Кажется, на станции были еще студенты гидрологи, но мы с ними мало общались, так, случилось иногда немного поговорить. После нас в Умбе еще работал наш студент А. Гусев. В общем, эта станция никаких педагогических функций не имела, она выполняла какие-то специальные научные работы.

На станции было несколько ботинок, которые ходили в море с разными работами... В общем, мы собрали в Умбе кое-какой материал. Мы там проболтались месяца два. Потом я и Кнорре поехали домой, а Варвара Цвиленева, такая авантюристка, задержалась на станции и нанялась коком на «Кайру». Она проработала на «Кайре» еще месяц» (Иванова-Казас, 2005).

Флот станции действительно постоянно был задействован в декадных наблюдениях за колебаниями солености и температуры в различных горизонтах пелагиали (до 200 метров) в трех определенных пунктах залива и в других гидрологических и гидробиологических работах.

Среди важных работ станции были: установление динамики ледяного покрова всего Белого моря, включая Горло; проведение одновременного изучения приливно-отливных колебаний в четырех пунктах побережья и динамики приливов в открытом море. Методические работы касались, прежде всего, изучения волнения, прибоа и течений. Причем, в этих исследованиях использовались новейшие (по тому времени) методики и приборы, в том числе разработанные в ГГИ. Параллельно со стационарными и методическими исследованиями на станции были организованы ежегодные экспедиционные работы практически во всех районах Белого моря. Преимущественно они велись с использованием парусно-моторного бота «Кайра».

Лидерами и главными исполнителями этих работ были сотрудники и ученики Дерюгина: Карл Давыдович Тирон, Н. Н. Сысоева, С. Ф. Рюмин и Всеволод Всеволодович Тимонов¹ (гидрология), Г. С. Гурвич и Г. В. Кречман (гидробиология), Е. В. Соколова (реликтовые водоёмы), Иван Александрович Киселев (1888–1979) (фитопланктон) (Тимонов, 1947). В. В. Тимонов наряду с А. А. Каменским принимал самое активное участие в создании Станции и в дальнейшем руководил ее работами (Некрасов, 1991).

С момента своего основания Станция поддерживала тесный контакт с местными организациями и, прежде всего, с Северным управлением единой гидрометеорологической службы и гидрографическим отделом Северной флотилии. Для жителей окрестных населенных пунктов выпускался ежедневный бюллетень погоды. После 1933 года и до открытия Мурманской биологической станции в Дальних Зеленцах (1937), кроме маленькой временной станции Воронежского университета в Ковде, в северных водах вообще не было биологических стационаров. В этих условиях станция ГГИ стала и центром биологических исследований, проводившихся в основном в губах Кандалакшского залива. За семь лет активной работы на станции были собраны значительные гидробиологические материалы — только проб бентоса было взято более 450, а число планктонных проб превысило 2500 (Тимонов, 1947).

В работах станции были заинтересованы и рыболовные организации местного уровня. Однако в конце 1937 года станция была передана в систему Главного Управления Гидрометеорологической службы СССР и биологическая составляющая ее работы сошла на нет. Станция, по сути, перестала существовать как биологический стационар, полностью переключившись на метеорологию и получила название «Гидрометеостанция 1-го разряда Умба» (Горяшко, 2005). Возможно, определенную роль в окончательном закрытии биологического направления сыграла и смерть в 1938 году К. М. Дерюгина — основного «мотора» и инициатора поддержки этих исследований на Севере в центральных научных и административных кругах.

¹ В. В. Тимонов (1901–1969), океанолог и гидрограф, проф., д.т.н., выпускник Института инженеров путей сообщения (Ленинград), ближайший сотрудник К. М. Дерюгина по ГГИ. О нем см. Некрасов, 1991.

Научно-промысловая станция Института по изучению Севера в губе Порчниха (1927–1930)

Эта небольшая научно-промысловая станция Института по изучению Севера в губе Порчниха на Восточном Мурмане просуществовала всего три года. Но, несмотря на столь короткий срок её деятельности, без рассказа о ней картина исследовательской работы северных биологических станций будет неполной.

По решению Президиума Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ) 4 марта 1920 года была создана Северная научно-промысловая экспедиция при Научно-техническом отделе ВСНХ. Биологические и промысловые исследования играли значительную роль в деятельности экспедиции, а по сути научного института, по комплексному изучению северных окраин России. Об этом свидетельствует и факт включения в состав ученого совета экспедиции крупнейших отечественных биологов того времени — Н. М. Книповича, К. М. Дерюгина и Льва Семеновича Берга (1876–1950). В программу биологических работ экспедиции входили исследования рыбных промыслов, оленеводства, охоты и лесного хозяйства.

2 марта 1925 года Северная научно-промысловая экспедиция была преобразована в Институт по изучению севера (приказ по ВСНХ № 522). Изменилась структура этой организации и, отчасти, её задачи. В 1928 году институт состоял из двух отделов: геологического и био-промыслового (Смирнов, 1999; 2002). Отметим, что до 1928 года помощником директора института был известный полярный биолог Григорий Петрович Горбунов (1894–1942)¹, возглавлявший с декабря 1928 года био-промысловый отдел. Заместителем директора института с декабря 1928 года был С. Я. Миттельман — крупнейший специалист по рыбоконсервному производству, с первых дней работавший в Севэкспедиции. Ему и принадлежала идея создания Научно-промысловой станции на Восточном Мурмане.

В 1927 году учёный совет института постановил приступить к организации станции. Предполагалось, что основной задачей станции будет проведение круглогодичных научно-промысловых работ в Баренцевом море, а также она будет служить базой для судна института. Исходя из поставленных задач необходимо было найти такое место в центре восточно-мурманского промыслового района, которое

¹ О нём см.: Ушаков (1947), Смирнов (1994; 2004б, 2005).

Вид губы Порчниха с Научно-промысловой станцией, 1927 г. Архив кафедры ихтиологии и гидробиологии СПбГУ.

View of the Porchnikha Bay with the Station's buildings, 1927. Archive of the Ichthyology and Hydrobiology Department of SPbGU.

имело бы хорошо защищённую гавань для стоянки судна зимой и обеспечивало условия для научной работы. Поскольку средств на постройку здания для станции у института не было, приходилось также учитывать и наличие зданий, которые можно было бы приспособить для нужд станции. В 1927 году Миттельман объехал и осмотрел все становища восточного Мурмана и выбрал для размещения станции становище Порчниха, расположенное в одноименной губе.

Становище (69°05' с.ш., 36°18' в.д.) находилось на расстоянии чуть более 100 километров от Мурманска. Узкая губа Порчниха вдаётся в материк примерно на 2 километра и имеет на середине входа глубины 26–37 метров, которые, постепенно уменьшаясь, составляют в куту 7–9 метра. Грунты — ил с песком и частично глина. В южную часть губы впадает речка Порчниха. Напротив губы расположен Большой Олений остров, хорошо защищающий её от морских волнений. Примерно посередине северного берега губы было расположено

два жилых деревянных дома и пристань с большим светлым двухэтажным амбаром. В 1912–1913 годах эти постройки были возведены известным рыбопромышленником К. Ю. Спаде, владельцем единственных в русских северных водах траулеров, для которых в Прочнихе и строилась база с пристанью, складами и жилыми домами (На траулерах..., 1946). Институтом по изучению Севера был заключён договор с Севгосрыбтрестом, которому в 1927 году принадлежали эти постройки. По этому договору они перешли в ведение института. После приведения дома в порядок на новой станции начались работы. Официально датой открытия станции считается 25 июня 1927 года (Есипов, 1930; Миттельман, 1931).

Во главе станции стоял учёный совет в составе председателя профессора Н. М. Книповича, а также профессоров К. М. Дерюгина, Н. А. Смирнова и Владимира Юльевича Визе (1886–1954). Возглавил станцию С. Я. Миттельман. Станция состояла из трех отделов: ихтиологического, технологического и гидробиологического.

Из приведённого ниже перечня планируемых работ станции видно, что они имели главным образом прикладной характер. Программа работ станции подразделялась на две большие группы. К первой относились научно-промысловые и биолого-гидрологические работы. Предполагалось исследовать: весенний рыбный промысел на западном Мурмане, установить места размножения промысловых рыб в отечественных водах и условия подхода рыб к нашим берегам; обследовать и изучить рыбный промысел у побережья восточного Мурмана в летний период; изучить биологию и пути миграций основных промысловых рыб (трески и пикши); вести наблюдения над распространением стай трески, возможности её промысла у берегов Мурмана в зимний период, изучить, в том числе и при помощи методов вариационной статистики, расовый состав трески Баренцева моря и провести сравнение мурманской трески с норвежской и с восточно-баренцевоморской; изучить биологию и промысел камбаловых рыб, зубатки, сайды, морского окуня и др.; изучить семужьей промысел, биологию сёмги, а также кумжи, гольца и сиговых; обследовать кустарный зверобойный промысел на Мурманском и Терском побережье.

Помимо промысловых ихтиологических исследований планировались гидробиологическое обследование района станции и прилегающих акваторий и выяснение состава донной фауны и флоры, а также изучение донных биоценозов; намечалось проводить круглогодичное исследование прибрежных вод района станции — гидрологии, планк-

Анализ пойманной рыбы. Научно-промысловая станция Института по изучению Севера в Порчниках, 1930 г. Архив кафедры ихтиологии и гидробиологии СПбГУ.

Analysis of fish caught. The Scientific-fishery Station of the Institute of North research at Porchnikha (East Murman), 1930. Archive of the Ichthyology and Hydrobiology Department of SPbGU.

тона и бентоса и регулярные рейсы из Порчники до оси южной ветви Нордкапского течения. Предполагалось также провести технологические работы по выяснению различных аспектов содержания и обработки рыбьих жиров и вопросов, связанных с переработкой рыбы, что входило в круг научных интересов С. Я. Миттельмана (Миттельман, 1931).

Основное здание станции размещалось в большом доме, обращенном к бухте. В нём располагались ихтиологическая (в двух комнатах), гидробиологическая и теххимическая лаборатории. В этом же доме находились 3 комнаты для сотрудников. Во втором небольшом доме помещались ещё 3 комнаты для сотрудников и баня. На втором этаже амбара располагалась консервная лаборатория с закаточными машинами, а в сарае рядом с пристанью был установлен котёл для вытопки жира.

Весной 1925 года в Норвегии институтом было приобретено звероходное парусно-моторное судно «Эльдинг» длиной около 20 мет-

слева — В. А. Тагац в лаборатории Научно-промысловой станции Института по изучению Севера, 1930 г.; справа — сотрудники станции на ее крыше, 1927 г. Архив кафедры ихтиологии и гидробиологии СПбГУ.

From the left — V. F. Tagatz in the laboratory, of the Scientific-fishery Station, Institute of North research, 1930; from the right — staff of the Station on the roof of its building, 1927. Archive of the Ichthyology and Hydrobiology department of SPbGU.

ров и водоизмещением 50 тонн (позднее его переименовали в «Зарницу»). Судно было приспособлено для плавания во льдах, имело двигатель 46 лошадиных сил и развивало скорость до 7 узлов. После ряда небольших перестроек: были надстроены две небольшие рубки для радиосвязи и гидробиологических работ и установлены некоторые дополнительные приспособления, «Зарница» стала хорошим научно-исследовательским судном (Самойлович, 1929).

Несмотря на короткий срок существования станции, на ней был выполнен ряд интересных исследований. Гидробиологическим отделением заведовала известный планктонолог М. А. Виркетис. В 1927–1928 годах в изучении губы Порчники принимали участие К. М. Дерюгин, сотрудники ЗИН АН СССР П. Д. Резвой¹, Евпраксия Федоровна Гурьянова (1902–1981), сотрудник Государственного гидрологическо-

¹ Надо помнить, что в то время многие ученые (как и теперь!) работали в двух-трех местах (это давало тогда не только деньги, но и дополнительные пайки). Так П. Д. Резвой был одновременно и ассистентом К. М. Дерюгина в Петергофском Естественнонаучном институте.

Исследовательское судно «Эльдинг» («Зарница»), принадлежавшее Научно-промысловой станции в Порчниках, 1925 г. Архив Музея Арктики и Антарктики, СПб.

Research vessel «Eldung» («Zarnitca») of the Scientific-fishery Station at Porchnikha (East Murman), 1925. Museum of Arctic and Antarctic, SPb.

го института П. В. Ушаков. Естественно, что активно работали на станции и ученые Института по изучению Севера. Гидрологические работы вёл В. В. Тимонов. Основная масса драгировок была проведена Г. С. Гурвичем в июне — сентябре 1928 года. В результате был выяснен видовой состав основных групп морского бентоса и описаны сообщества литорали и сублиторали губы (Гурвич, 1931).

Ихтиологическая лаборатория, которой заведовал Владимир - Константинович Есипов, начала работы по изучению основных объектов рыбного промысла (трески и пикши), биологии камбалы, сельди. На станции работал Г. П. Горбунов, который занимался изучением анатомического строения и изменчивостью тресковых голов (Миттельман, 1931), а Елизавета Степановна Кучина проводила работы по изучению питания рыб. Одной из основных исследовательских

работ станции, начатых с 1928 году, было детальное обследование прибрежного кустарного трескового промысла. С этой целью на время промысла открывались наблюдательные пункты в становищах, на которых собирались материалы для биологической характеристики трески и пикши, включавшей определения размера, веса, жирности, возраста рыб. В 1929 году проводилось также изучение промыслов с целью проследить их течение в зависимости от гидрометеорологических факторов (Василевич, 1930; Миттельман, 1931).

Химико-техническое отделение станции исследовало жирность трески в зависимости от ее биологических характеристик и периода лова, а также изучало химический состав жира и разрабатывало методы его обработки для получения витаминов. Особое внимание обращалось на разработку методов консервирования печени (метод Миттельмана).

В августе — сентябре 1927 года было проведено исследование кустарного зверобойного промысла в районе Поноя, а в январе — марте 1929 проведена экспедиция по обследованию всего района кустарного зверобойного промысла от Кандалакшского побережья до Иоканги. В 1927 году, ещё до официального открытия станции, судном «Зарница» был совершён рейс по 38 меридиану до $71^{\circ}30'$ с.ш. Летом 1927 года на «Зарнице» проводилось изучение ряда районов Баренцева моря по совместной советско-германской программе исследований. Весной 1929 года Институт по изучению Севера организовал экспедицию на «Зарнице» с целью обследования весеннего трескового промысла. Главное внимание было обращено на выяснение условий подхода океанической трески к берегам и на выяснение вопроса об икрометании трески в мурманских водах (Есипов, 1929). Вторая экспедиция института работала у берегов Новой Земли и получила важные материалы о распространении стай трески на восток. Материалы, полученные в течение первых двух лет работы станции, были опубликованы в I томе «Известий научно-промысловой станции института», вышедшем в «Трудах Института по изучению Севера. Выпуск 48».

К сожалению, дальнейшая судьба станции в губе Порчника и биопромыслового отдела Института по изучению Севера оказалась печальной. Согласно постановлению СНК СССР от 25 июня 1929 года вновь организованной Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина было поручено образовать 11 новых институтов. Был среди них и Институт рыбного хозяйства и промысловых

исследований (ИРХПИ). Директором этого института назначили Н. М. Книповича (Организация советской науки, 1974). С 1 апреля 1930 года в ИРХПИ передавался био-промысловый отдел Института по изучению Севера вместе со станцией в губе Порчниха на Мурмане. Институт по изучению Севера был реорганизован в Арктический институт, а станция в губе Порчниха закрыта.

Подоплекой ликвидации станции фактически стала обострившаяся конкуренция между различными научными организациями в условиях нехватки финансирования и давления со стороны властей (Лайус, 2002, 2004). На наш взгляд значительную роль в ликвидации сыграли личные взаимоотношения и амбиции ряда исследователей, занимавших административные посты.

Как было рассказано ранее, в 1925 году директор Мурманской биологической станции Г. А. Клюге добился в Совнаркоме объявления её самостоятельным научно-исследовательским учреждением. В работе станции повышалась роль промысловых исследований. В этом контексте научно-промысловую станцию в губе Порчниха Клюге рассматривал как конкурента, хотя основные задачи станций резко различались. Если первая была научно-исследовательским институтом, проводившем гидробиологические, зоологические и общебиологические исследования, то вторая — изначально была организована как научно-промысловая станция. В июне 1929 года заведующий Научно-промысловой станцией в губе Порчниха писал: «Мы никоим образом не имели и не имеем в виду «конкурировать» с Александровской (на Мурмане) биологической станцией... Однако если в изучении природы некоторых районов Баренцева моря Александровской (Мурманской) биологической станцией сделано многое на протяжении десятков лет её существования, то в области научно-промысловых работ ею исследования не велись... Что касается так называемого «параллелизма», то он скорее является мнимым параллелизмом. Кажущаяся «многочисленность» учреждений, работающих на севере, объясняется тем, что здесь, на севере, больше чем где бы то ни было, необходимо сочетания усилий множества лиц и учреждений, ибо круг работ громаден: мы имеем тут и огромные пространства, подлежащие исследованию, разнообразие природы северных морей и сложные проблемы в научно-промысловых исследованиях» (Миттельман, 1931, с.8–9).

В 1929 году государство, заинтересованное в развитии рыболовства, увеличило финансирование этой отрасли, при этом, правда, осе-

Ихтиолог Е. К. Суворов (четвертый слева) со своими сотрудниками во время работы Наживочной экспедиции в Мотовском заливе. 1927 г. Архив Кафедры ихтиологии и гидробиологии СПбГУ.

Ichthyologist E. K. Suvorov with his coworkers during the work of the Bait-fish expedition in the Motovskoy Bay. 1927. Archive of the Ichthyology and Hydrobiology Department of SPbGU.

нию 1930 года часть руководителей рыбного хозяйства и промышленности, в том числе большинство специалистов Севгосрыбтреста, были арестованы по делу Промпартии (Чернавин, 1996).

Профессор И. И. Месяцев обладал большими амбициями и был к тому же старым членом большевистской партии (Муромцева, Зенкевич, 1955; Асланова и др., 1955). Ещё в 1920 году для организации Плавморин'а он использовал не экономическую (ресурсную), а политическую риторику, в результате чего у Северной научно-промысловой экспедиции им была перехвачена недостроенная шхуна — будущий знаменитый «Персей» (Лайус, 2004). Организовывая ГОИН, Месяцев фактически хотел сделать его центральным институтом по морским исследованиям, которые включали бы, следуя примеру нор-

вежских ученых, и физическую океанографию, и рыбохозяйственную науку. Остальные же учреждения, связанные с рыбной промышленностью, по его мнению, должны были заниматься лишь вопросами экономики и техники промысла (Лайус, 2004). До этого времени, однако, сам Иван Илларионович, и его сотрудники очень мало занимались ихтиологическими и совсем не занимались научно-промысловыми исследованиями (Муромцева, Зенкевич, 1955, с.14–15). В то же время на Научно-промысловой станции в Порчницах работали такие крупнейшие ихтиологи, разрабатывавшие вопросы промысла, как В. К. Есипов и Евгений Константинович Суворов (1880–1953).

В 1930 году в условиях нехватки финансирования руководители ГОИН'а посчитали, что «нецелесообразно оставлять на севере два параллельно работающих учреждения или отдавать предпочтение более слабому из них».¹ Под более слабым учреждением имелся в виду Институт по изучению Севера. Заведующий Мурманским отделением ГОИН'а Клюге выступил за закрытие станции этого института в губе Порчницах, говоря, что ее существование нецелесообразно и утверждая, что «само возникновение ее носило характер конкуренции».² Он обосновывал свою точку зрения финансовыми соображениями, подчеркивая, что лучше бы средства, на которые существует станция в Порчницах, отдали Мурманской станции, имеющей больший опыт исследований. Эта точка зрения высказывалась им публично на заседаниях Мурманского окрисполкома и в других инстанциях. Местные власти поддержали ГОИН. Так, в одной из резолюций было написано: «Президиум Окрисполкома остановился на ГОИН'е как более мощном учреждении, имеющем наиболее крепкую материальную базу»³, под которой подразумевалась Мурманская станция с ее оборудованием, судами и высококвалифицированным штатом сотрудников (Лайус, 2004). Это, в конечном счете, и решило судьбу научно-промысловой станции в губе Порчницах.

¹ Выписка из протокола заседания Президиума Мурманского Окрисполкома о деятельности ГОИН'а // Российский государственный архив научно-технической документации (Самара). Ф. Р-377, оп. 1–6, д. 20 (Материалы о постановке научно-исследовательской работы в Мурманском отделении ГОИН'а). Л. 2.

² Материалы проверки работы ГОИН'а // Российский государственный архив научно-технической документации (Самара). Ф. Р-377, оп. 1–6, д. 38.

³ Выписка из протокола заседания Президиума Мурманского Окрисполкома о деятельности ГОИНа. РФНТД. Ф. Р-377, оп. 1–6, д. 20, л. 2.

5

Мурманская биологическая станция в Дальних Зеленцах. Период становления (1936–1938)

После закрытия станции в Александровской гавани Кольского залива, необходимость создания новой станции на Баренцевом море, была совершенно очевидна всем биологам, так или иначе в своей работе соприкасавшимися с проведением морских полевых исследований. Уже осенью 1933 года на совещании во Всесоюзном институте экспериментальной медицины (ВИЭМ) академиком Леоном Абгаровичем Орбели (1882–1958) был поднят вопрос о создании на берегу Баренцева моря новой биологической станции. Присутствовавший на совещании руководитель страны, И. В. Сталин, поддержал эту идею. Нужен был человек, который бы взял на себя инициативу по организации новой станции и такой человек нашёлся — им был заведующий лабораторией сравнительной физиологии Ленинградского филиала ВИЭМ Е. М. Крепс¹.

Крепс, работавший в области сравнительной и эволюционной физиологии, был тесно связан с закрытой Мурманской биологической станцией. Как уже упоминалось во второй части нашего очерка, впервые он оказался на ней в 1921 году, затем был сотрудником станции в 1923–1933 годах. При поддержке академика И. П. Павлова он организовал и возглавил на Мурманской станции лабораторию сравнительной физиологии. После закрытия станции Евгений Михайлович оказался без экспериментальной базы и, естественно, ему за-

¹ Евгений Михайлович Крепс — выдающийся отечественный физиолог, ученик И. П. Павлова, чл.-корр. (1946), академик (1966). Работал в области сравнительной и эволюционной физиологии. Директор Института эволюционной физиологии и биохимии им. И. М. Сеченова (1960–1975). Награждён золотой медалью им. И. П. Павлова (1972). О нём см. Вержбинская (1999).

хотелось создать при ВИЭМе морскую научную станцию на Мурмане. Крепсу удалось доказать директору института профессору Льву Николаевичу Фёдорову (1891–1952), необходимость такой станции для дальнейшего развития работ по физиологии и другим разделам биологии. Он подготовил докладную записку с обоснованием необходимости строительства новой станции, получил одобрение директора, мандат на переговоры с местными властями и необходимые денежные средства.

Предоставим слово самому Крепсу: «Я попросил разрешения пригласить в поездку архитектора ВИЭМа Рюмина и профессора Ленинградского университета К. М. Дерюгина, как человека опытного и хорошо знающего Мурман. Фёдоров на всё дал добро. Мы встретились с К. М. Дерюгиным, разложили карту и быстро договорились, что если разрешат, то подходящим местом для строительства будущей станции может быть только губа Дальние Зеленцы на Восточном Мурмане» (Крепс, 1989, с.129).

Группа, в которую вошли Е. М. Крепс, К. М. Дерюгин, архитектор Александр Федорович Рюмин (1893–1942)¹, Е. Ф. Гурьянова² и двое студентов кафедры гидробиологии ЛГУ Алексеев и Т. Гурьева, летом 1934 года выехали на Мурман. К. М. Дерюгин был одним из организаторов Мурманской станции, которая была его любимым детищем, и обладал богатым организационным опытом. Гурьянова — ближайшая ученица Дерюгина, была сотрудником Мурманской станции в 1923–1926 годах, где помимо научных исследований проводила экскурсии и руководила практикой студентов по морским беспозвоночным. Она по праву считалась крупнейшим знатоком литорали наших северных морей. Дерюгин, Гурьянова и Крепс много работали ранее на Мурманском побережье и прекрасно знали места, в которых предполагалось создать станцию. Наконец, наличие в группе профессионального архитектора позволяло прямо на месте решить принципиальные вопросы о возможности или невозможности предполагаемого строительства и оценить плюсы и минусы того или иного места.

14 июня 1934 года экспедиция выехала из Ленинграда и, заручившись поддержкой Мурманского облисполкома, 17 июня вышла в мо-

¹ А. Ф. Рюмин — архитектор-художник. Один из авторов жилого дома № 69-71 на Каменноостровском проспекте СПб. Здание построено в 1936–1937 гг. для работников Института экспериментальной медицины.

² Подробнее о Е. Ф. Гурьяновой см.: Ушаков (1989; 2002, с.112), Цветкова (2004); Смирнов (2004а).

На борту «Айсберга», 1934 г. Слева: А. Ф. Рюмин, студент Алексеев, Е. М. Крепс, Е. Ф. Гурьянова, студентка Т. Гурьева. Архив Т. Б. Гуменюк. On the board of «Aicberg», 1934. From the left: A. F. Rjumin, student Alekseev, E. M. Kreps, E. F. Guryanova, student T. Guryeva. Archive of T. B. Gumenuk.

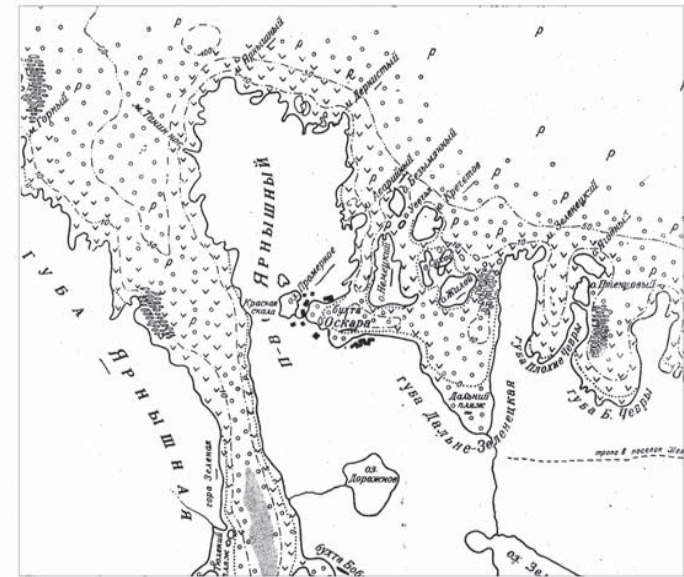
ре на боте «Айсберг», а 18 прибыла в губу Дальне-Зеленецкую. Осмотр губы показал, что наилучшим местом для станции будет район бухты Оскара, с ровными площадками, пригодными для строительства. Наличие рядом с предполагаемым местом строительства Промерного озера решало проблему пресной воды. Близость же обширного пляжа, каменистой и скалистой литорали, позволяла без большой затраты времени собирать материал для исследовательских работ и учебной практики. 20 июня экспедиция посетила губу Порчниха, где в 1927–1930 годах располагалась биологическая станция Института по изучению Севера. Сравнение двух этих мест подтвердило первоначальное решение Крепса и Дерюгина о строительстве станции в губе Дальне-Зеленецкой. Е. Ф. Гурьянова со студентами провели предварительное фаунистическое и флористическое изучение района будущей станции, для оценки биологического материала, прежде всего литорального, который может быть использован для работ на будущей станции.

Результаты экспедиции были доложены руководству ВИЭМа, Ленинградского государственного университета (ЛГУ) и в Наркомпросе РСФСР. В этот момент К. М. Дерюгин обратился с докладной запиской к председателю Совета Народных Комиссаров Вячеславу Михайловичу Молотову (Скрябину), с предложением создать в Дальних Зеленцах самостоятельную станцию, поскольку задачи, стоящие перед ней, не укладывались в ведомственные рамки ВИЭМа. «Благодаря просвещённому вниманию В. М. Молотова создание морской биологической станции на Мурмане было декретировано Совнаркомом» и предусмотрено в плане Академии Наук СССР на 1936 год, о чём весной 1935 года К. М. Дерюгин получил соответствующее извещение от Управления Совнаркома (Дерюгин, 1948). Воодушевлённый этим решением Дерюгин послал в район строительства будущей станции экспедицию под руководством своего ученика — аспиранта кафедры гидробиологии ЛГУ Владимира Васильевича Макарова (1900–1940)¹ и трёх студентов — Б. Г. Пригоровского, М. Драгулина и Т. Гурьевой. Экспедицией были обследованы каменистая и илисто-песчаная литораль в окрестностях станции, а также сделано 39 станций в сублиторали губы Ярнышной. Обработка собранных проб подтвердила наличие богатого зоологического материала, особенно в губе Ярнышной, необходимого для успешной работы станции.

Рекогносцировочная экспедиция выбрала действительно лучшее место на всём побережье Восточного Мурмана. Губа Дальне-Зеленецкая (69°07'с.ш., 36°05, 25' в.д.) защищена рядом островов, лежащих при входе в бухту. В южной части губа разделяется на две бухты: Оскара и юго-восточную. Станцию предполагалось расположить в юго-западной части на берегу бухты Оскара. Обширный песчаный пляж юго-восточной бухты Дальне-Зеленецкой губы и в тоже время наличие скалистых участков позволяло собирать литоральных животных различных фаций. В самой губе Дальне-Зеленецкой глубины не превышают 18 метров. Но от губы Ярнышной, глубина которой достигает 100 метров, её отделяет менее километра. Таким образом, сбор животных, обитающих на значительных глубинах, также оказывался доступным. Губа Дальне-Зеленецкая, кроме того была одним из лучших на восточном Мурмане портоубежищ для промысловых судов.

В губе располагался основанный в 1931 году посёлок Мурманрыбы, численностью около 500 человек, а рейсовый пароход «Сосно-

¹ О нём см.: Андрияшев и др. (1941); Смирнов (2003).

Карта района Морской биологической станции Академии наук СССР в Дальних Зеленцах (Восточный Мурман), 1938 г. Из: Ушаков, 1948.
Map of location of the Marine Biological Station, Academy of Sciences of USSR in Dalniye Zeletsi (East Murman), 1938. From: Ushakov, 1948.

вещ», совершавший регулярные рейсы вдоль Мурманского побережья, имел обязательный заход в Дальние Зеленцы. Отношение Мурманских властей к строительству новой станции было весьма положительным, так как они надеялись, что новая станция будет помогать недавно организованному Полярному институту рыбного хозяйства и океанографии (ПИНРО) в развитии рыбного промысла. Постановлением Мурманского облисполкома от 1 июля 1936 года острова, лежащие при входе в губу, и полуостров Ярнышный были объявлены заповедником станции.

Новая станция на восточном Мурмане задумывалась как преемница Мурманской биологической станции в Александровске. При определении задач новой станции организаторы опирались на опыт её предшественницы. Предполагалось, что это будет самостоятельное научное учреждение, изучающая океанологические процессы в Барен-

цевом море и ведущее наблюдение за фауной этого водоёма. Станция также должна была сыграть важную роль в педагогической работе, так как с самого начала было решено, что в летнее время на ней будут проходить практику студенты различных вузов страны. Кроме того, планировалось, что на её базе будут проводиться тематические работы различных учреждений Академии наук и других ведомств.

Чётко были сформулированы основные направления будущих работ на станции: 1) разработка общих проблем океанологии; 2) систематические наблюдения за изменениями фауны и флоры в связи с общими колебаниями климатических и гидрологических условий; 3) изучение пищевых связей и экологии морских организмов в природных и экспериментальных условиях; изучение вопросов продуктивности и использования природных богатств моря; 4) эволюционное изучение основных жизненных функций на богатейшем сравнительно физиологическом материале морских животных; 5) изучение вопросов эволюционной морфологии, эмбриологии, биологии и т. д.; 6) изучение круговорота основных веществ в Баренцевом море в связи с микробиологическими процессами; 7) сравнительное изучение химического элементарного состава морских организмов (Ушаков, 1938; 1948). Надо сказать, что в целом в последующие годы станция работала по всем этим направлениям, хотя в отдельные периоды некоторые из них становились приоритетными, другие же временно отступали на второй план.

Для руководства строительством станции была создана специальная комиссия в составе академиков: директора Зоологического института АН СССР (ЗИН) С. А. Зернова¹, Л. А. Орбели и Владимира Ивановича Вернадского (1863–1945), а также почётного академика Н. М. Книповича и профессоров К. М. Дерюгина, Л. Н. Фёдорова и Е. М. Крепса. В 1936 году директором станции был назначен С. А. Зернов, а его заместителем — то есть действительным руководителем станции — П. В. Ушаков. Строительство возглавил Н. Я. Крейденко. Планировалось, что постоянный штат станции составит 50 сотрудников и

¹ С. А. Зернов — один из основоположников отечественной гидробиологии, акад. Отделения физико-математических наук (по биологическому разряду) АН СССР (1931). Заведовал Севастопольской биологической станции ИАН (1902–1914), руководил каф. гидробиологии Московского государственного университета. Директор Зоологического музея АН СССР в Ленинграде (1931–1942), преобразованного при нем в Зоологический институт АН. О нём см.: Скадовский (1957).

она сможет принимать одновременно 36 специалистов и 90 студентов. Вместе с семьями постоянных сотрудников общее число работающих на станции летом могло достигать до 250 человек (Ушаков, 1936).

Инициатор строительства новой станции — Е. М. Крепс не смог в полной мере принять участия в работе комиссии. В 1937 году он был арестован и три года провёл в сталинских лагерях.

Строительные работы в районе будущей станции начались в начале 1936 года — расширялись площадки, завозился строительный материал, была сооружена пристань и поставлен двухэтажный дом для рабочих. Вот как вспоминал о первых этапах строительства

П. В. Ушаков, 1929 г. Архив ЗИН РАН, СПб.

P. V. Ushakov, 1929. Archive ZIN RAN, SPb.

станции Ушаков: «Строительство начиналось в сложных условиях. В Дальних Зеленцах был лишь небольшой барачного типа поселок с переселенными сюда астраханскими рыбаками, при которых был комендант-смотритель Николаев, выполнявший все функции советской власти. Было очень жаль несчастных астраханских рыбаков, в несвойственных для них условиях они были не в состоянии вести непривычный им прибрежный лов трески на поддев с поморских иол. Они занимались вязанием сетей и постепенно вымирали. При строительстве зданий станции мы были вынуждены перенести могилы умерших астраханцев, находившиеся вблизи озера Промерного, в сторону Дальнезеленецкого озера. При перезахоронении постарались соблюсти все возможное, что бы не оскорбить чем-либо и так униженных людей. Не знаю, остался ли в Дальних Зеленцах кто-либо из потомков астраханских рыбаков, да и сохранились ли могилы первых переселенцев¹.

¹ По сведениям Валентины Николаевны Галкиной долгие годы в Мурманском морском биологическом институте (ММБИ) работал раскулаченный астраханский житель Николай Иванович Ширококолов. Его сын Владимир Николаевич работал в ММБИ гидрологом лаборатории гидрохимии, а сейчас купил себе дом и продолжает жить в Дальних Зеленцах.

Начало строительства главного корпуса Морской биологической станции АН СССР в Дальних Зеленцах, 1937 г. Архив А. В. Смирнова.
The main building of the Marine Biological Station AN USSR in Dalniye Zelezyi (East Murman) at the beginning of its construction. 1937. Archive of A. V. Smirnov.

Строительство шло в бухте Оскара, на перешейке, представляющем собою огромное нагромождение серых валунов различных размеров. Еще сохранился чудесный северный ландшафт, с карликовой березой и т.д. Но все это, несмотря на принятые меры, было довольно быстро уничтожено. Первые два дома были срублены в Архангельске и в разобранном состоянии, в виде огромного количества нумерованных бревен, были доставлены на лесовозах в бухту Оскара. Эти дома за один летний сезон удалось собрать, что позволило в какой-то степени сохранить строительный коллектив для дальнейших работ, а также расширить научные исследования.» (Ушаков, 2002, с.138). Для строительных и исследовательских работ были оборудованы два бота «Песец» и «Волна». В Мурманске для управления строительством был переоборудован небольшой деревянный дом по улице Профсоюзов, 12, принадлежавший ВИЭМу¹.

¹ Дом сгорел во время войны в 1941 г.

Главный корпус Морской биологической станции в Дальних Зеленцах. Вид с причала, 1938 г. Архив А. В. Смирнова.
The main building of the Marine Biological Station in Dalniye Zelezyi. View from the moor, 1938. Archive of A. V. Smirnov.

Планировали станцию с размахом. Исходя из задач, стоящих перед новым научным учреждением и предполагаемого количества работающих под руководством А. Ф. Рюмина был разработан генеральный проект. Он включал 22 отдельных строительных объекта. Проект был рассмотрен комиссией по строительству станции и обсуждался на общественном просмотре в ЗИН'е и Ленинградском обществе естествоиспытателей. Президиум Академии наук СССР утвердил окончательный вариант проекта 25 февраля 1937 г., а 21 июня был заложен фундамент под здание научных лабораторий. Этот день был принят за дату основания Мурманской морской биологической станции (Ушаков, 1948). В 1937–1938 годах строительством руководил В. А. Рубинин и главный инженер П. А. Ключс. Окончательная отделка первой очереди станции была закончена в 1939 году.

В 1938 году произошли существенные изменения в статусе станции и её руководстве. Постановлением Президиума Академии наук СССР от 15 мая 1938 года Мурманская и Севастопольская биологи-

ческие станции были включены в состав ЗИН'а, а их сотрудники стали штатными сотрудниками института. При этом П. В. Ушаков вынужден был покинуть своё детище, а вскоре и вовсе уйти из ЗИН'а. Предоставим вновь ему слово: «...все шло без каких-либо помех, весьма успешно. Ежегодно приезжали различные комиссии по проверке хозяйства, в том числе и из Москвы (бюджет для тех времен был большой), но ни разу каких-либо злоупотреблений и нарушений финансовой дисциплины констатировано не было. Однажды, в самом конце 1938 года в отношении меня была создана совершенно нетерпимая обстановка со стороны начальника А[дминистративно-]Х[озяйственной] Ч[асти] ЗИН Агафонова. Поводом к этому, видимо, послужило то, что я позволил себе высказать в его адрес обвинения о присвоении части линолеума, принадлежащего станции (некоторое оборудование и снаряжение шло через ЗИН). Другие причины трудно представить. Пришлось уйти с заведования станцией и передать все дела докторанту М. С. Зернову (сыну академика), работавшему под моим руководством на станции; к сожалению, я нередко жаловался академику на неудовлетворительную его работу, а это делать, по-видимому, было нельзя. Пишу такие подробности лишь потому, что в этот ужасный период конца 30-х годов многие дела искусственно создавались по чисто личным мотивам. В имеющемся у меня письме М. С. Зернова пестрят слова «враг народа», «вредительство» и т. д., и это в самый ужасный год — 1939. Все кончилось тем, что мне пришлось написать заявление об уходе из ЗИН по собственному желанию. Конечно, все происходило под сильным давлением самого акад. Зернова — вплоть до снятия трубки телефона, что мне будет хуже, что родители ваши высланы и т. д.» (Ушаков, 2002, с.38–139, последнее предложение исправлено по рукописи П. В. Ушакова).

В ответственный момент своего становления станция лишилась талантливого руководителя и выдающегося учёного. Распоряжением № 68 от 9 декабря 1938 года согласно «личной просьбе» д.б.н. П. В. Ушаков ушёл с поста заведующего Мурманской биологической станции и с 1 января 1939 года им стал Михаил Сергеевич Зернов (Зернов, 1948). Поменялся и начальник строительства и административно-хозяйственной части станции — П. А. Клюсса сменил И. И. Леонтьев. Как замечал Е. М. Крепс (1989), новый заведующий не оправдал возлагаемых на него надежд. К тому же он отдавал должное традиционному русскому напитку, на что, вероятно, и жаловался его отцу Ушаков, и за что М. С. Зернов был разбираем на парткоме и, по

Первые сотрудники Морской биологической станции в Дальних Зеленцах. Стоят слева: М. С. Зернов, В. В. Кузнецов, П. В. Ушаков; сидят: ?, Т. А. Матвеева, С. А. Зернов, Е. Ф. Гурьянова, 1938. Архив Т. Б. Гуминюк. The first staff of the Marine Biological Station in Dalniye Zelezyi. Standing from the left: M. S. Zernov, V. V. Kuznetcov, P. V. Ushakov; setting: ?, T. A. Matveeva, S. A. Zernov, E. F. Guryanova, 1938. Archive of T. B. Gumenuk.

свидетельству Николая Николаевича Кондакова (1908–1999)¹, порот отцом.

Весь посёлок был решён Рюминым в северо-русско-скандинавском стиле. По просьбе П. В. Ушакова, главному зданию станции — зданию научных лабораторий были приданы черты, напоминающие здание старой Мурманской станции. Здание двухэтажное, его парадный фасад с крыльцом обращен на пристань. В подвал ведёт чёрный вход, через который в черновую сортировочную поступал неразобраный дражно-траловый материал. В подвальном этаже также помещалась котельная. На первом этаже располагались помещения для

¹ Письмо Н. Н. Кондакова к Виталию Николаевичу Танасийчуку. Личный архив В. Н. Танасийчука.

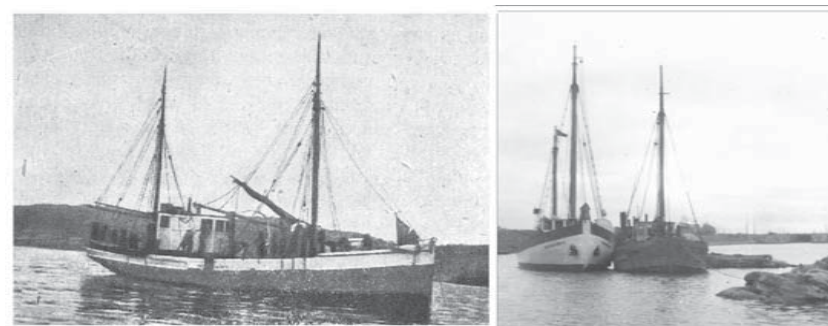

Отлив в Дальних Зеленцах. Вид на административный корпус станции, 1938 г. Архив А. В. Смирнова.

Administrative building of the Station in Dalniye Zelezyi during low tide time, 1938. Archive of A. V. Smirnov.

разборки материала, фотолаборатория и физиологическая, гидрохимическая, биогеохимическая лаборатории, ряд служебных помещений, а также книгохранилище и, в восьмигранной одноэтажной пристройке, читальный зал. На втором этаже разместились зоологическая, ботаническая, гидробиологическая, микробиологическая и гидрофизическая лаборатории, кабинет гидролога, ещё одна фотолаборатория и ряд подсобных помещений. По середине здания располагалась кирпичная башня с баками для морской воды, на верхней площадке которой имелась метеорологическая вышка с сигнальной мачтой. Вторым основным зданием станции был «административный дом», предназначение которого явствует из названия. Также были построены столовая, электростанция, насосная пресной воды, магазин и жилой дом для рабочих.

С первых дней основания станции большое внимание было уделено созданию научной библиотеки. В её основу легли научная биб-

Флот Морской биологической станции в Дальних Зеленцах. Слева — первое научное судно станции — моторно-парусный бот «Академик Бэр», 1938. Из: Ушаков, 1948; справа — научно-исследовательское судно «Константин Дерюгин» и бот «Песец», 1948. Архив Беломорской биологической станции ЗИН РАН (Мыс Картеш).

The research vessels of the Marine Biological Station in Dalniye Zelezyi. From the left — the first Station' vessel — «Academician Baer», from: Ushakov, 1948; from the right — «Konstantin Derjugin» (left) and «Pisec» (right). Archive of the White Sea Biological Station of Zoological Institute, Russian Academy of Sciences (Cape Kartesh).

лиотека Г. А. Клюге, часть библиотеки Полярной комиссии Академии наук по морской фауне и книги из дублетного фонда ЗИНа. Из Зоологического института на станцию поступили определённые коллекции морских животных. Вместе со сборами, проведёнными к этому времени на станции они легли в основу учебно-вспомогательного музея, разместившегося в административном здании.

Научно-исследовательские работы на станции осуществлялись с моторно-парусного бота «Академик Бэр» (водоизмещение 42 тонн, длина 17 метров, ширина 4,9 метра, средняя скорость 5–6 узлов) и двух, упомянутых выше парусно-моторных ботов меньшего водоизмещения.

Первыми научными сотрудниками станции в 1936 году стали молодые выпускники ЛГУ по кафедре гидробиологии супруги В. В. Кузнецов и Т. А. Матвеева. Несмотря на трудные бытовые условия (для жилья была арендована комната в посёлке) они вместе со студента-

ми И. В. Шароновым и Б. Г. Пригоровским провели детальное исследование литорали и сублиторали Дальне-Зеленецкой губы, губы Ярнышной и открытых районов побережья. Работы по изучению донного населения были продолжены и в следующие годы. На основе материалов, добытых сотрудниками станции в 1936–1939 годах, а также данных, полученных экспедициями кафедры гидробиологии ЛГУ под руководством Е. Ф. Гурьяновой в 1934 году и В. В. Макарова в 1935 году, и Научно-промысловой станции Института по изучению севера в губе Порчниха был опубликован список видов беспозвоночных и рыб, обитающих в окрестностях станции и охарактеризованы основные донные биоценозы (Ушаков, 1948).

Изучением экологии высших водорослей занималась Зоя Петровна Тиховская (1889–1976), пришедшая на станцию в 1937 году. С 1938 года научными сотрудниками станции стали планктонолог Г. В. Кречман, микробиолог Е. Л. Лимберг и гидролог-гидрохимик Н. С. Уралов. С 1936 года на станции постоянно работал докторант ЗИНа М. С. Зернов. Уже с 1936 году на станции работали сотрудники ЗИНа, ряда других учреждений Академии наук, Института им. Лесгафта и ВНИГРИ. Тогда же станцию начали приезжать и студенты ЛГУ, которые проходили здесь большой практикум по зоологии беспозвоночных. Так в 1936 году там работали студенты Наталья Николаевна Латышева (1915–1940), Илья Михайлович Лихарев (1917–2003), Александр Владимирович Гусев (1917–1999) и Ю. Редкозубов. Продолжая традиции Мурманской биологической станции с 1937 года в Дальних Зеленцах стали проводить сбор и консервацию материалов для учебных целей. За два года на станции было заготовлено свыше 10000 морских звёзд и морских ежей, несколько тысяч пескожилов (Ушаков, 1948).

После войны станция вошла в состав Отделения биологических наук АН СССР, а в 1958 году была реорганизована в Мурманский морской биологический институт. К сожалению, после перевода Института в Мурманск (1989) работы на станции были свернуты и она пришла в полное запустение, в настоящее время, по сути, прекратив свое существование.

Заключение

Роль морских биологических станций, работавших на севере России в конце XIX — первой трети XX веков трудно переоценить. Созданные первоклассными учеными-зоологами при поддержке всего отечественного научного сообщества, а также и правительства, они во многом определили большой вклад российских ученых в развитие многих областей биологии, прежде всего связанных с жизнью моря. Не менее важно, что в отличие, например от Неаполитанской станции, на отечественных, с определенного момента проходили морские практики студентов, позволившие воспитать поколения высококвалифицированных специалистов в различных областях морской биологии (Фокин и др., 2006).

Работа в дружном коллективе единомышленников, общение со старшими коллегами в непринужденной обстановке близости к живой природе, позволили появиться определенному культурному феномену — недаром многие, попав на морские станции старались приехать туда еще и еще... Конечно, на Белом и Баренцевом морях этому немало способствовала и сама атмосфера Севера, с его завораживающей природой, незатканным летним солнцем, таким изменчивым, воистину живым морем! Создание станций, как специализированных научных учреждений для изучения биологии моря и подготовки молодых специалистов попутно решало и практические вопросы, связанные с использованием морских ресурсов, хотя роль науки в таких вопросах, как правило, недооценивалась.

Станции обычно оказывались тем местом, откуда начиналось более систематическое изучение морей вообще. Так было на других морях (Черное — Севастопольская станция, Средиземное — Неаполитанская и Виллафранкская, но уже во французский период), так было и есть на Белом и Баренцевом морях. В случае Русского Севера рубежа XIX–XX веков, с его низкой плотностью населения и плохим сообщением, станции становились в определенном смысле и культурными центрами. Со временем они (при возможности) превращались в комплексные естественнонаучные институты. Характерно, однако, что многие из работавших на отечественных станциях, не упускали

шанса посетить и западноевропейские биологические стационары, пока такая возможность была (до начала 1930-х годов) и, прежде всего Неаполитанскую зоологическую станцию (Фокин, 2006). Видимо ее следует считать во многом эталоном, как относительно организации научных исследований, так и в создании комфортной атмосферы живого человеческого общения.

Деление истории отечественной науки и, в частности, зоологии на дореволюционный и постреволюционный периоды (до и после 1917 года), принятое до недавнего времени, представляется нам чересчур прямолинейным и, по сути, неверным. Процесс научного познания не мог внезапно (в год или два) изменить свой ход. Люди науки, хотя бы в силу их социальной и личностной определенности (возраст профессоров-зоологов, например, в Петроградском университете колебался тогда от 35 до 65 лет и в большинстве своем, они сочувствовали партии конституционных демократов («кадетов»), оставались самими собой. Они продолжали служить любимому делу после 1917 года, так, как они понимали это служение, только преодолевая при этом значительно большие житейские трудности (Фокин, 2002б). Конечно, силы отечественной науки были сильно подорваны отъездом и высылкой из страны десятков первоклассных специалистов в самых разнообразных отраслях знаний, в том числе и зоологов. Значительное число ученых просто погибло в первые годы советской власти не пережив физических лишений. Советизация вузов, однако, активно началась лишь в 1924 году, а «Академическое дело», поставившее на колени Академию наук было сфабриковано в 1929. Тогда же начались и первые ожесточенные нападки на генетику и генетиков, экологию и экологов. Таким образом, о «советском периоде» в российской биологии, а значит и в истории морских станций, можно говорить, по сути, с начала 30-х годов (Колчинский, 1999).

Большая часть истории становления и развития стационарных биологических исследований на Русском Севере, охваченная в настоящем обзоре проходила еще в рамках единого мирового процесса научного познания, откуда Россия в советское время была насильно выведена. При этом, конечно, нельзя сбрасывать со счетов парадоксально высокий энтузиазм многих отечественных ученых в 20-х и, от части, в 30-х годах XX века, когда число научных, в том числе и биологических учреждений постоянно росло. Были среди них и новые северные морские станции, среди которых Мурманская биологическая станция в Дальних Зеленцах, сыгравшая исключи-

Научно-исследовательское судно «Профессор Владимир Кузнецов», ЗИН РАН в бухте Беломорской биологической станции С.-Петербургского университета, остров Средний, 1998. Фотография С. И. Фокина.
Scientific vessel «Professor Vladimir Kuznetsov», ZIN RAS in harbour of the White sea Biological Station of St.Petersburg State University, Island Sredniy, 1998. Photo made by S. I. Fokin.

тельно важную роль в развитии отечественной морской биологии в советский период.

Роль личности в истории биологических станций (как и вообще в истории) нельзя недооценивать. Только энтузиазму и усилиям конкретных людей мы обязаны тем, что эти станции были созданы и, иногда, долго и успешно работали (Фокин и др., 2006). Так, отход от научной деятельности Н. П. Вагнера, вскоре после организации Соловецкой станции и исчезновение из Петербурга (1886) его единственного прямого ученика — К. С. Мережковского, во многом в 1882–1886 годах заменявшего своего профессора (Шимкевич, 1909; Фокин, 2006), определили застой станции до начала 90-х годов XIX века. Напротив, активность В. М. Шимкевича, а в последствии и К. М. Дерюгина, много сил и времени отдавших развитию русских северных биологических станций на рубеже XIX–XX веков, вскоре принесла свои плоды. Заслуживает памяти большой вклад в развитие

морской биологии на севере Н. М. Книповича и С. В. Аверинцева. Стоит низко поклониться фанатичной настойчивости К. К. Сент-Илера, тридцатилетняя северная «одиссея» которого смело может быть названа научным и педагогическим подвигом (Горяшко, 1999). Почти двадцать пять лет жизни отдал Мурманской станции Г. А. Клюге и не его вина, что в 1933 году будущего у станции не оказалось. Собственно эти жизненные примеры, видимо, питали энтузиазм и следующего поколения морских биологов: Л. А. Зенкевича, Е. М. Крепса, П. В. Ушакова, Е. Ф. Гурьяновой, В. В. Кузнецова. Их прямые и не прямые ученики и последователи донесли эту научную эстафету до наших дней.

В заключение стоит еще раз привести, чуть изменив, абзац из письма, подготовленного руководителями ИСПБОЕ в 1899 году: «Станции вовсе не имеют задачей фаунистическое исследование данной местности, каковое может быть закончено в определенный срок и для чего достаточно работы одной или нескольких экспедиций, а предназначаются для морфологического и физиологического изучения морских животных, каковое будет продолжаться до тех пор, пока будет существовать самая наука...» Да будет так!

Благодарности

Мы глубоко признательны **Валентине Ивановне Галкиной** за передачу фотографий Мурманской биологической станции в Александровске. Выражаем нашу благодарность **Андрею Игоревичу Грановичу** (СПбГУ, кафедра зоологии беспозвоночных), **Николаю Васильевичу Максимовичу** (СПбГУ, кафедра ихтиологии и гидробиологии), **Виктору Яковлевичу Бергеру** и **Николаю Викторовичу Усову** (Беломорская биологическая станция ЗИН РАН «Картеш») за возможность ознакомиться с фотоархивами этих подразделений и использовать некоторые фотографии для настоящей публикации.

Выражаем глубокую благодарность **Елене Ивановне Андросовой** за устные воспоминания о Г. А. Клюге и К. М. Дерюгине; **Ольге Ивановне Соколовой** за передачу из семейного архива фотографии 1914 года, сделанной на Мурманской биологической станции; **Галине Георгиевне Полянской** за передачу материалов из архива В. М. Шимкевича, хранившихся в семье Ю. И. Полянского; **Андрею Давидовне Руре** за сведения о Д. К. Глазунове; **Галине Николаевне Бужинской** за передачу фотографии Г. А. Клюге; **Надежде Львовне Хейсиной** за передачу фотографии судна «А. Ковалевский» 1927 года; **Татьяне Борисовне Гуменюк** за предоставление фотографий по истории биологической станции в Дальних Зеленцах 1934 и 1938 годов; **Георгию Константиновичу Дерюгину** за предоставления для публикации фотографий из семейного архива; **Анатолию Петровичу Андрияшеву** за устные воспоминания о К. М. Дерюгине; **Владиславу Вильгельмовичу Хлебовичу** за плодотворный обмен мнениями и постоянный интерес к нашей работе; мы также признательны **Наталье Александровне Горяшко** (Москва) за сотрудничество.

Мы благодарны сотрудникам музея-архива Д. И. Менделеева (СПбГУ) за возможность изучить и использовать фотоматериалы музея, а также работникам архива Санкт-Петербургского университета, Петербургского филиала архива РАН и библиотеки ЗИН РАН за постоянную помощь и благожелательное отношение.

Литература

- Аверинцев С. В. 1905. Отчет о деятельности Мурманской биологической станции за 1905 год // Труды Императорского С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей. Т.36, вып.1. С.109–114.
- Аверинцев С. В. 1906. Памяти погибших на Мурмане летом 1905 г. [Борис Александрович Еше] // Труды Императорского С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей. Т.37, вып.1. С.93–94.
- Аверинцев С. В. 1907. Отчет о деятельности Мурманской биологической станции за 1906 год // Труды Императорского С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей. Т.38, вып.1. С.49–68.
- Аверинцев С. В. 1908–1909а. Отчет о деятельности Мурманской биологической станции за 1908 год // Труды Императорского С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей. Т.39, вып.1. С.264–275.
- Аверинцев С. В. 1908–1909б. Зоологические работы Мурманской биологической станции в 1904–1908 гг. // Труды Императорского С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей. Т.39, вып.1. С.288–299.
- Алексеев А. П. 1997. Н. М. Книпович и промысловая океанология / И. Р. Фукс, В. В. Клепиков (ред.) // Океанология в С.-Петербургском университете. СПб.: изд. СПбГУ. С.44–58.
- Андряшев А. П., Ушаков П. В., Смирнов С. С. 1941. Владимир Васильевич Макаров // Известия Всесоюзного географического общества. Т.73, вып. 2. С.307–309.
- Асланова Н. Е., Богоров В. Г., Зуссер С. Г., Кленова Н. В., Старостин А. Д. 1955. Научно-промысловые исследования И. И. Месяцева // Труды Всесоюзного гидробиологического общества. Т.6. С.5–16.
- Бляхер Л. Я. 1955. История эмбриологии в России (с середины XVIII до середины XIX века). М.: изд. Академии Наук СССР. 376 с.
- Брейтфус Л. 1915. Александр Кельсиевич Линко († 4 Сентября 1912 г.). Отчет начальника экспедиции Л. Л. Брейтфуса // Труды Мурманской научно-промысловой экспедиции 1906 г. Пг. С.3–7.
- Бужинская Г. Н. 2002. Жизнь и деятельность П. В. Ушакова // Труды зоологического института. Т.292. С.77–97.
- Бухалова В. И., Дмитриев А. П. 1944. Дреготочец лимнория в Белом море // Природа. № 5–6. С.119–120.
- Вагнер Н. П. 1885. Беспозвоночные Белого моря. СПб.: тип. Стасюлевича. 218 с.
- Василевич Г. 1930. Институт по изучению Севера // Советский Север. № 1. С.142–144.
- Вержбинская Н. А. 1999. Евгений Михайлович Крепс: К 100-летию со дня рождения // Журнал эволюционной биохимии и физиологии. Т.35, № 3. С.167–169.
- Вержбинская Н. А. 1993. Воспоминания // Труды С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей. Т.91, вып.1. С.129–134.
- Водяницкий В. А. 1975. Записки натуралиста. М.: Наука.
- Вержбинская Н. А., Гинецинская Т. А. 1993. Мурманская станция // Труды С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей. Т.91, вып.1. С.121–129.
- Герценштейн С. М. 1885. Материалы к фауне Мурманского берега и Белого моря // Труды С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей. Т.16, вып.2. С.635–814.
- Гинецинская Т. А., Захарова-Шмидт М. А. 1993. Соловецкая станция // Труды С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей. Т.91, вып.1. С.111–121.
- Горяшко А. 1999. Тихий герой. О педагогическом пыле, научном невезении, патриотизме и следе на земле // «Биология», еженедельное приложение к газете «Первое сентября». 40. С.12–13.
- Горяшко А. 2001. Священная земля науки // Химия и жизнь. № 5. С.34–39.
- Горяшко А. 2005. Умбская методическая станция Государственного Гидрологического института (ГГИ). Журнал истории гидрометеостанции Умба. В: Литторины на литорали. // Сайт: www.littorina.narod.ru
- Гурвич Г. С. 1931. Материалы к изучению фауны района губы Порчнихи // Труды Института по Изучению Севера. Вып. 48. С. Я. Миттельман (ред.). Известия научно-промысловой станции института. Т.1. С.75–195.
- Дерюгин К. М. 1904. Отчет по оборудованию Мурманской Биологической Станции и летние зоологические работы на ней в 1903 г. // Труды Императорского С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей. Т.35, вып.1. С.1–26.
- Дерюгин К. М. 1905. Отчет по оборудованию Мурманской Биологической Станции и летние работы на ней в 1904 году // Труды Императорского С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей. Т.36, вып.1. С.1–32.
- Дерюгин К. М. 1906. Мурманская Биологическая Станция. 1899–1905. Исторический очерк // Труды Императорского С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей. Т.37, вып.4. С.1–60.
- Дерюгин К. М. 1909. Отчет по постройке шхуны «Александр Коволевский» // Труды Императорского С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей. Т.39, вып.2–3. С.178–232.
- Дерюгин К. М. 1912. Краткий очерк развития Мурманской биологической станции // Труды Императорского С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей. Т.41, вып.4. № 1. С.3–26.
- Дерюгин К. М. 1915. Фауна Кольского залива и условия ее существования // Записки Академии Наук по физико-математическому отделению. Петроград. Сер.8. Т.34, № 1. С.1–929.

- Дерюгин К. М. 1924а. Баренцево море по Кольскому меридиану (33°30' в.д.) // Труды Северной Научно-Промысловой Экспедиции. Вып.19. М.-Л.
- Дерюгин К. М. 1924б. Отчет о деятельности Ленинградского Общества Естествоиспытателей за 1923 год // Труды Ленинградского общества Естествоиспытателей. Т.53, вып.4. С.137–145.
- Дерюгин К. М. 1925. Отчет о деятельности Ленинградского Общества Естествоиспытателей за 1924 год // Труды Ленинградского общества Естествоиспытателей. Т.54, вып.1. С.1–10.
- Дерюгин К. М. 1928. Фауна Белого моря и условия ее существования // Исследования морей СССР. Вып.7–8. С.1–511.
- Дерюгин К. М. 1929. Отчет о деятельности Ленинградского Общества Естествоиспытателей за 1928 год // Труды Ленинградского общества Естествоиспытателей. Т.58, вып.1. С.3–9.
- Дерюгин К. М. 1935. Беломорская станция Гос. Гидрологического института // Природа № 10. С.83–85.
- Дерюгин К. М. 1948. Первые шаги организации новой Мурманской Биологической станции // Труды Мурманской Биологической станции. Т.1. С.5–9.
- Есипов В. К. 1929. О весенних работах в Мотовском заливе на Западном Мурмане в 1929 г. // Бюллетень рыбного хозяйства. № 7–8. С.34–35.
- Есипов В. К. 1930. Научно-промысловая станция на Мурмане // Советский Север. № 1. С.149
- Зернов С. А. 1908. Краткий исторический очерк деятельности Севастопольской биологической станции Императорской академии наук // Справочный листок биолога. Т.2. С.275–285.
- Зернов М. С. 1948. Научно-исследовательская деятельность Мурманской Биологической станции Академии Наук СССР за период с 1939 по 1946 г. // Труды Мурманской Биологической станции. Т.1. С.33–38.
- Иванова-Казас О. М. 2005. Рассказывают очевидцы // Горяшко А. (автор проекта). Литторины на литорали. Беломорская методическая станция государственного Гидрологического института // Сайт: www.littorina.narod.ru
- Ихтиологические наблюдения экскурсии студентов Императорского Юрьевского Университета, произведенные летом 1911 г. в Ковденском заливе Белого моря // Вестник рыбопромышленности. 1913. Т.28. № 4/6. С.97–135.
- Киселев А. А. 2002. Мурманская биологическая станция и ее директор профессор Г. А. Ключе // Наука и бизнес на Мурмане. Сер. История и право. Т.11. Архивной службе Мурманска – 80 лет. Мурманск. С.43–48.
- Ключе Г. А. 1909. Отчет Заведующего Мурманскою Биологическою Станциею за 1909 г. // Труды Императорского С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей. Т.40, вып.2–3. С.161–177.
- Ключе Г. А. 1910. Отчет Заведующего Мурманскою Биологическою Станциею за 1910 г. // Труды Императорского С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей. Т.41, вып.2–3. С.165–183.
- Ключе Г. А. 1911. Отчет Заведующего Мурманскою Биологическою Станциею за 1911 год // Труды Императорского С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей. Т.42, вып.2. С.130–148.
- Ключе Г. А. 1916а. Отчет заведующего Мурманскою биологическою Станциею за 1914 год // Труды Императорского Петроградского Общества Естествоиспытателей. Т.47, вып.1. С.9–25.
- Ключе Г. А. 1916б. Отчет заведующего Мурманскою биологическою Станциею за 1915 год // Труды Императорского Петроградского Общества Естествоиспытателей. Т.47, вып.2–3. С.80–99.
- Ключе Г. А. 1925. Исторический очерк развития Мурманской Биологической Станции Ленинградского Общества Естествоиспытателей // Труды Мурманской биологической станции. № 1. С.5–26.
- Книпович Н. М. 1891. Отчет об экскурсии на Соловецкую биологическую станцию летом 1890 г. (Очерк распределения фауны беспозвоночных у берегов Соловецких островов) // Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. Т.22. Вып. 1. С.21–47.
- Книпович Н. М. 1893. Несколько слов относительно фауны Долгой Губы Соловецкого острова и физико-географических ее условий // Вестник Естествознания. № 1/2. С.44–57.
- Колчинский Э. И. 1999. В поисках советского «Союза» философии и биологии (дискуссии и репрессии в 20-х – начале 30-х годов). СПб.: Дмитрий Буланин. 273 с.
- Коптева К. 1939. Население древесных остатков в Ковдском заливе Белого моря // Савостин П. В. (отв. ред.), Козо-Полянский Б. М., Сент-Илер К. К. (ред. Биол. отд.). Научные работы студентов. Часть вторая. Биология, Геология. Воронеж: ВГУ. С.131–137.
- Коротнев А. А. 1911. Предисловие // А. А. Коротнев (ред.). Отчет (юбилейный) о деятельности Вилла-Франкской зоологической станции за 1909–1910 гг., Киев: типография Императорского университета св. Владимира. С.1–6.
- Крепс Е. М. 1989. О прожитом и пережитом. М.: Наука. 200 с.
- Лайус Ю. А. 1995. Ученые, промышленники и рыбаки: научно-промысловые исследования на Мурмане, 1898–1933 // Вопросы истории естествознания и техники. № 1. С.64–81.
- Лайус Ю. А. 1997. «Сельдяная проблема Баренцева моря»: взаимоотношения науки, практики и политики // Э. И. Колчинский (ред.). На переломе: советская биология в 20–30-х годах. СПб.: Альманах. С.171–205.
- Лайус Ю. А. 1998. Международные исследования Баренцева моря в середине 1920-х гг.: малоизвестный эпизод в истории советско-германских научных связей // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 1998. М.: Янус. С.546–549.
- Лайус Ю. А. 1999. Взаимоотношения науки, практики и политики (на материале промысловой ихтиологии 1930-х гг.) // Науковедение. № 3. С.163–178.

- Лайус Ю. А. 2002. Биологическая океанография, рыбохозяйственная наука и рыбная промышленность: возникновение новых взаимоотношений при Советской власти // М. Хайнеманн, Э. И. Колчинский. (ред.). За «железным занавесом»: мифы и реалии советской науки. СПб.: Дмитрий Буланин. С.297–313.
- Лайус Ю. А. 2004. Развитие рыбохозяйственных исследований Баренцева моря: взаимоотношения науки и промысла, 1898–1934 гг. Автореферат дис. ... канд. исторических наук. М.
- Линко А. К. 1900. Отчет о состоянии и деятельности биологической станции Императорского С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей в Екатерининском порте на Мурмане за 1899 год, с приложением списка медуз и ктенофор, найденных в районе деятельности станции // Труды Императорского С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей. Т.31, вып.1. С.74–82.
- Любищев А. А. 1966. Воспоминания о Константине Николаевиче Давыдове // Из истории биологических наук. Вып.1. М.-Л.: Наука. С.105–116.
- Миттельман С. Я. 1931. Научно-промысловая станция на Восточном Мурмане и её работы за 1927–1929 гг. // С. Я. Миттельман (ред.). Известия научно-промысловой станции института. Т.1. С.3–18.
- Муромцева Т. А., Зенкевич Л. А. 1955. Иван Илларионович Месяцев // Труды Всесоюзного гидробиологического общества. Т.6. С.5–16.
- Морева З. 1939. Мидиевые банки в Ковдском заливе Белого моря // Савостин П. В. (отв. ред.), Козо-Полянский Б. М., Сент-Илер К. К. (ред. Биол. отд.). Научные работы студентов. Часть вторая. Биология, Геология. Воронеж: ВГУ. С.119–125.
- Муромцева Т. А., Зенкевич Л. А. 1955. Иван Илларионович Месяцев // Труды Всесоюзного гидробиологического общества. Т.6. С.5–16.
- На траулерах в Баренцевом море (25 лет советского рыболовного тралового флота). 1946. М.-Л.
- Некрасов А. В. (составитель). 1991. Всеволод Всеволодович Тимонов // СПб.: Гидрометиздат.
- Никольский А. М. 1966. Из воспоминаний зоолога Александра Михайловича Никольского (публикация Б. Е. Райкова) // Из истории биологических наук. Вып.1. М.-Л.: Наука. С.79–104.
- Обзор деятельности С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей за первое двадцатипятилетие его существования. 1893. СПб.: тип. Стасюлевича. С.14–17.
- Организация советской науки в 1926–1932 гг. 1974 / Б. Е. Быховский (ред.). Л.: Наука. 408 с.
- Отчет секретаря о деятельности Петроградского Общества Естествоиспытателей за 1920 г. // Труды Петроградского Общества Естествоиспытателей. 1921. Т.52, вып.1. С.1–9.
- Отчет С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей за 1892 г. Деятельность Соловецкой биологической станции в 1892 году. Соловецкая биологическая станция, ее 10-летняя деятельность, нужды и потребности. 1892 // Труды С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей. Т.23, вып.1. С.25–31.
- О фауне залива Ковда как источнике питания промысловых рыб. 1941 // Научн. сообщения. Воронежского гос. университета. Вып.1. С.114–119.
- Педашенко Д. Д. 1893. Отчет о поездке на Соловецкую биологическую станцию летом 1893 года // Труды Императорского С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей. Т.24, вып.1. С.123–129.
- Педашенко Д. Д. 1897. Отчет о состоянии и деятельности Соловецкой станции в 1897 г. // Труды Императорского С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей. Т.28, вып.1. С.224–257.
- Педашенко Д. Д. 1900. Отчет о состоянии и деятельности биологической станции Императорского СПб Общества Естествоиспытателей на Соловецком о-ве Белого моря за 1898 год // Труды Императорского С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей. Т.31, вып.1. С.8–16.
- Педашенко Д. Д. 1906а. Памяти погибших на Мурмане летом 1905 г. [Николай Андреевич Бялиницкий-Бируля] // Труды Императорского С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей. Т.37, вып.1. С.91.
- Педашенко Д. Д. 1906б. Памяти погибших на Мурмане летом 1905 г. [Александр Владиславович Шидловский] // Труды Императорского С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей. Т.37, вып.1. С.94–95.
- Письма Александра Онуфриевича Ковалевского к Илье Ильичу Мечникову. 1955 / Ю. И. Полянский (ред.). Письма А. О. Ковалевского к И. И. Мечникову (1866–1900). М.-Л.: изд. АН СССР. С.3–19.
- Попова Е. И. 1939. Гельминтофауна трески залива Ковда (Белое море) // Савостин П. В. (отв. ред.), Козо-Полянский Б. М., Сент-Илер К. К. (ред. Биол. отд.). Научные работы студентов. Часть вторая. Биология, Геология. Воронеж: ВГУ. С.127–130.
- Протоколы заседаний С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей. 1883 // Труды С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей. Т.14, вып.1. С.18–19.
- Протоколы заседаний С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей. 1892 // Труды С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей. Т.23, вып.1. С.1–6.
- Протоколы заседаний С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей. 1894 // Труды С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей. Т.24, вып.1. С.30–36.
- Райков Е. Б. 1953. Из истории зоологии в Ленинградском государственном университете // Вестник Ленинградского университета. № 4. С.73–86.
- Резвой П. Д. 1963. Из моих зоологических воспоминаний / Киселев И. А., Райков Б. Е. (ред.) // Деятели советской гидробиологии В. М. Рылов,

- Г. Ю. Верещагин, А. Л. Бенинг. Из истории гидробиологии в XX веке. М.-Л. изд. АН СССР. С.28–36.
- Розов В. Е. 1913. О рыбном промысле в селе Ковда и соседних селениях на берегу Кандалакшской губы // Материалы к познанию русского рыболовства. Т.2, вып.1. С.53–87.
- Самойлович Р. Л. 1929. Краткие сведения об экспедициях на Новую Землю в 1921, 1923, 1924, 1925 и 1927 гг. // Труды Института по Изучению Севера. Вып.40. С.5–118.
- Сент-Илер К. К. 1870. Элементарный курс зоологии: с приложением задач и летних занятий по зоологии. Сост. по методу Любена. II изд. испр. СПб.: изд. т-ва «Общественная польза».
- Сент-Илер К. К. 1892. Отчет о заграничной поездке в 1892 г. // Труды Санкт-Петербургского Общества Естествоиспытателей. Т.24, вып.1. С.211–297.
- Сент-Илер К. К. 1903–1904. Наблюдения над обменом веществ в клетке и ткани. Ч. 1–2–3. СПб.
- Сент-Илер К. К. 1908а. Экскурсия на берег Двинского залива летом 1906 года // Протоколы Общества естествоиспытателей при Имп. Юрьевском университете. Т.17. № 3–4. С.225–247.
- Сент-Илер К. К. 1908б. О необходимости устройства биологической станции на Белом море // Естествознание и география. № 10. С. 1–9.
- Сент-Илер К. К. 1909а. Отчет об экскурсии на Белое море студентов естественников Юрьевского университета летом 1908 года // Ученые записки Императорского Юрьевского Университета. № 3. С.1–67.
- Сент-Илер К. К. 1909б. Отчет о заграничной командировке летом 1909 // Ученые записки Императорского Юрьевского Университета. Отдельный оттиск. 22 с.
- Сент-Илер К. К. 1911. Проект трех научно-педагогических учреждений // Ученые записки Императорского Юрьевского Университета. № 5. С.1–15.
- Сент-Илер К. К. 1912. Отчет об экскурсии студентов-естественников Императорского Юрьевского Университета на Белое море летом 1911-ого года // Ученые записки Императорского Юрьевского Университета. № 2. С.1–24.
- Сент-Илер К. К. 1913. Отзыв об «Отчете А. И. Александрова, командированного физико-математическим факультетом для занятий по зоологии на Белое море летом 1912-го года» // Ученые записки Императорского Юрьевского Университета. № 10. С.1–13.
- Сент-Илер К. К. 1914. Отчет об экскурсии студентов Юрьевского Университета на Белое море в 1913 году // Ученые записки Императорского Юрьевского Университета. № 3. С.1–59.
- Сент-Илер К. К. 1915а. Как мы прошли с Белого моря в Финляндию. (Отклики войны на севере). Юрьев, Лифляндия.
- Сент-Илер К. К. 1915б. План исследования Ковденского залива и его окрестностей // Ученые записки Императорского Юрьевского Университета. № 3. С.1–21.
- Сент-Илер К. К. 1916а. Отчет об экскурсии студентов Физико-Математического факультета И.Ю.У. на Белое море летом 1915 года // Ученые записки Императорского Юрьевского Университета. № 2. С.1–12.
- Сент-Илер К. К. 1916б. Биологическая станция в с. Ковда Кемск. у. // Известия Архангельского общества Изучения Русского Севера. № 7–8. С.329–330.
- Сент-Илер К. К. 1916в. Временная биологическая станция в селе Ковде (Архангельск. губ.) за пять лет ее существования // Ученые записки Императорского Юрьевского университета. № 6. С.1–10.
- Сент-Илер К. К. 1916г. Ковденская биологическая станция // Естествознание и география. № 8–10. С.45–56.
- Сент-Илер К. К. 1925а. К истории Воронежского университета. 1. История последних дней русского Юрьевского университета // Труды Воронежского гос. университета. Т.1. С.362–397.
- Сент-Илер К. К. 1925б. На Белом море летом 1921 г. Краткий отчет об экспедиции Воронежского Государственного Университета // Труды Воронежского гос. университета. Т.1. С.398–422.
- Сент-Илер К. К. 1926. Формообразование перидерма гидроидов (*Gonothyrea juveni* Allm.) // Бюллетень Общества естествоиспытателей при Воронежском гос. университете. Т.1, вып.2–4. С.108–118.
- Сент-Илер К. К. 1935а. О результатах Беломорской экспедиции кафедры зоологии Воронежского университета летом 1934 г. // Труды Воронежского гос. университета. Отделение зоологии. Т.8, вып.3. С.6–26.
- Сент-Илер К. К. 1935б. 26 лет исследования Ковды // Карело-Мурманский край. № 8–9. С.60.
- Сент-Илер К. К. 1939. Ковдский залив (Белое море) с фаунистической и географической точки зрения // Свердлов Б. А. (отв. ред.). XX лет Воронежского государственного университета. Тез. докл. юбилейн. научн. сессии. Воронеж: изд. ВГУ. С.14.
- Скадовский С. Н. 1957. Сергей Александрович Зернов. М.: Издательство Московского университета. 40 с.
- Скуфьин К. В., Белоусов Л. В. 1991. Поиски биологического синтеза в работах К. К. Сент-Илера // Вопросы истории естествознания и техники. № 3. С.19–24.
- Смирнов А. В. 1994. Григорий Петрович Горбунов // Исследования фауны морей. Вып.49 (57). Ч.3. С.4–15.
- Смирнов А. В. 1999. История российских исследований зообентоса арктических морей (конец XVIII в. – 60-е гг. нашего столетия и роль Зоологического института Академии наук // Биология моря. Т.25, № 6. С.427–441.

- Смирнов А. В. 2003. Владимир Васильевич Макаров (1904–1940) // *Arthropoda Selecta*. Т.11, вып.2. С.167–171.
- Смирнов А. В. 2004а. Жизненный и творческий путь Евпраксии Фёдоровны Гурьяновой (25.01.1902 – 27.01.1981) // *Arthropoda Selecta*. Т.12, вып.3–4. С.259–269.
- Смирнов А. В. 2004б. Григорий Петрович Горбунов // В. Л. Стрюк (отв. ред.). История океанографии: Материалы VII Международного конгресса по истории океанографии: Ч. 1 Калининград: Издательство калининградского государственного университета. С.340–349.
- Смирнов А. В. 2005. Друзья называли его Гри-Гри // *Природа*, 2005, № 3. С.92–96.
- Степаньянц С. Д., Чернова Н. В., Бьерклунд К. Р., Лайус Ю. А. 2002. Первая российская научно - промысловая экспедиция (к 100 - летию экспедиции для научно-промысловых исследований у берегов Мурмана) // *Биология моря*. Т.28, № 4. С.308–316.
- Танасийчук В. С. 1994. Аресты на мурманской биологической станции в 1933 году // М. Г. Ярошевский (ред.). Репрессированная наука. Вып. 2. СПб.: Наука. С.306–318.
- Танасийчук Н. П. 1930. К 30-летию Мурманской биологической станции // *Научное слово*. С.86–93.
- Тимонов В. В. 1947. Беломорская методическая станция государственного Гидрологического института // *Труды Государственного Океанографического института*. Вып.1. С.95–117.
- Труды Государственного гидрологического института. 1939. Вып.8. Л.-М.: Гидрометеиздат. (Работы Беломорской методической станции.)
- Труды II-го съезда Русских естествоиспытателей и врачей. 1870 // М. С.40–41.
- Устав Соловецкой биологической станции Императорского С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей. 1895 // *Труды Императорского С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей*. Т.26, вып.1, № 8. Протоколы Императорского С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей за 1895 год. С.16–20.
- Устав Мурманской биологической станции. 1904 // СПб.: тип. Меркушева.
- Ушаков П. В. 1936. Строительство новой Мурманской Биологической станции Академии Наук СССР // *Природа*. 1936, № 11. С.128–133.
- Ушаков П. В. 1938. О строительстве новой Мурманской Биологической станции Академии Наук СССР // *Проблемы Арктики*. № 2. С.204–208.
- Ушаков П. В. 1989. Жизненный путь и научно-педагогическая деятельность Евпраксии Фёдоровны Гурьяновой // *Вестник Ленинградского университета*. Сер.3. Вып.3 (17). С.126–130.
- Ушаков П. В. 2002. Из воспоминаний о прошлом // *Труды зоологического института*. Т.292. С.98–139.
- Ушаков П.В., Андросова Е. И. 2002. Г. А. Клюге. Краткий очерк о жизни и деятельности // *Труды Зоологического института РАН*. Т.292. СПб. С.69–76.
- Фаусек В. А. 1906. Памяти погибших на Мурмане летом 1905 г. [Лидия Федоровна (Фридриховна) Вебер] // *Труды Императорского С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей*. Т.37, вып.1. С.91–93.
- Фаусек В. А. 1913. Биологические этюды. СПб: Брокгауз-Ефрон. С.380–412.
- Фокин С. И. 2002а. Константин Михайлович Дерюгин. На заре XX века // *Материалы IV научного семинара «Чтения памяти К. М. Дерюгина»*. СПб. С.4–19.
- Фокин С. И. 2002б. 45 лет спустя. Дополнения к биографии // *Труды С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей*. Т.95 (1). С.111–142.
- Фокин С. И. 2003а. Н. П. Вагнер // *Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия*. Т.2. Девятнадцатый век. Кн.1. СПб.: Филологический фак-т, СПбГУ. С.453–454.
- Фокин С. И. 2003б. Жизнь университетского профессора. Владимир Михайлович Шимкевич // *Санкт.-Петербургский университет*. № 28–29 (3653–54). С.25–28.
- Фокин С. И. 2006. Русские ученые в Неаполе. СПб.: Алетейя. 378 с.
- Фокин С. И., Слепкова Н. В., Смирнов А. В., Лайус Ю. А. 2006. Русские морские биологические станции на рубеже XIX–XX вв. // *Фокин С. И. Русские ученые в Неаполе*. СПб.: Алетейя: 59–114.
- Холодковский Н. 1912. Александр Кельсиевич Линко. Известия Императорской военной-медицинской Академии. № 6. С.1171–1173.
- Цветкова Н. Л. 2004. К 100-летию со дня рождения профессора Е. Ф. Гурьяновой (25.01.1902 – 27.01.1981) // *Исследования фауны морей*. Вып. 54(62). Ч.2. С.88–101.
- Ценковский Л. С. 1881. Отчет о Беломорской экскурсии 1880 г. // *Труды С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей*. Т.12, вып.3. С.130–171.
- Чернавин В. 1996. Записки «вредителя». М.: Классика плюс. 356 с.
- Чернавин В., Чернавина Т. 1999. Записки «вредителя». Побег из Гулага. СПб: Канон. 490 с.
- Шимкевича В. М. 1889. Наблюдения на фауне Белого моря. 1. *Balanoglossus Mereschkowskii* Wagner. 2. *Enteropsis dubius* Schimk. 3. Заметка о развитии паразитических Соропод // *Труды С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей*. Т.20, вып.2. С.1–137.
- Шимкевич В. М. 1894. Отчет об экскурсии на Соловецкую биологическую станцию летом 1893 года // *Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей*. Т.24. вып.1. С.26–34.
- Шимкевич В. М. 1908. Современная летопись. Н. П. Вагнер и Н. Н. Полежаев. Из воспоминаний зоолога // *Журнал Министерства народного просвещения*, нов. сер. Т.16, вып.7. С.1–18.
- Шимкевич В. М., Вагнер Ю. Н. 1897. Исторический очерк Зоологического и Зоотомического кабинетов СПб. Университета // *Труды С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей*. Отделение зоологии и физиологии. Т.28, вып.4. С.31–54.

- Шмальгаузен И. И. 1937. Антон Дорн и его роль в развитии эволюционной морфологии // И. И. Шмальгаузен (ред.). А. Дорн. Принцип смены функций. М.-Л.: ОГИЗ, Биомедгиз. С.9–22.
- Шмидт П. Ю. 1905. Жизнь русских морей // К. Келлер. Жизнь моря. Животный и растительный мир моря, его жизнь и взаимоотношения. СПб.: Девриен. С.563–664.
- Braconnot J.-C., Palazzoli I., Servera-Boufeyou M. 2004. Villefranche sur Volga. Вильфранш на Волге. Les Russes sur la Côte d'Azur à partir de 1850 et la naissance d'un institut scientifique. Появление россиян на Лазурном берегу в 1850 году и рождение научного института. Nice: Serre Editeur. 40 p.
- Fantini B. 2002. The history of the Stazione Zoologica Anton Dohrn. An Outline. Napoli: Art Grafiche Solimene Casoria. 38 p.
- Kofoed C. A. 1910. The biological stations of Europe // US Bureau Education Bulletin. Vol.440. P.1–359.
- Lajus J. A. 2002. «Foreign science in Russia context: Murman Scientific-Fishery Expedition and Russian participation in early ICES activity // ICES Marine Science Symposia. Vol.215. P.64–72.
- Müller I. 1975. One hundred years of the Zoological Station in the service of international research // C. Groeben (ed.). The Naples Zoological Station at the time of Anton Dohrn. Napoli: Emilio di Mauro Press. P.11–21.
- Rozwadowski H. M. 1996. Small world forging a scientific maritime culture for oceanography // Isis. Vol.87. C.409–429.
- Saint-Hilaire C. 1909. Eine Dredge mit auswechselbaren Messern // Internationale Revue der gesamten Hydrobiologie und Hydrographie. Bd II. S.449–451.
- Saint-Hilaire. 1913/1914. Über die organisation von zoologischen exkursionen an der Universität Jurjew (Dorpat) // Natur. Zeitschrift für den naturwissenschaftlichen und erkundlichen Unterricht. 9. Jahrg. S.569–576.
- Saint-Hilaire K. 1930. Morphologische Untersuchungen der nichtzellularen Gebilde bei Tieren // Zoologische Jahrbuch, Abteilung für Allgemeinen Zoologie und Physiologie der Tiere. Bd 47. S.511–622.
- Tregouboff G. 1983. Histoire de la station zoologique de Villefranche-sur-Mer // Bulletin de la Section des Sciences. Histoire des sciences. Vol.4. P.23–131.

Именной указатель

- Аверинцев С. В. 32–37, 57, 67, 68, 71, 114
- Агафонов (хозяйственник) 106
- Александров А. И. 71
- Алексеев (студент) 98, 99
- Алпатов В. В. 83
- Альмов В. К. 54
- Андряшев А. П. 84, 115
- Андросова Е. И. 115
- Аренин К. 57, 58
- Арманд Е. Е. 39, 47
- Арманд В. Е. 39
- Арнольд Г. Ф. 25
- Арнольди В. М. 59, 73
- Барруа Ш. 7
- Бекетов А. Н. 24
- Беклемишев В. Н. 45, 59
- Белов Ф. Е. 54, 58
- Берг Л. С. 87
- Бергер В. Я. 115
- Бибииков С. Д. 69
- Бируля (Бялыницкий-Бируля) Н. А. 30, 35
- Боголепов Н. П. 24
- Боргман И. И. 37
- Бородатов (сотр. ГОИН) 58
- Бородин И. П. 37
- Брейтфус Л. Л. 29
- Бужинская Г. Н. 115
- Булла К. К. 37
- Бутлеров А. М. 15
- Бэр К. М. 11
- Бялыницкий-Бируля А. А. 19, 62
- Варлакий (архимандрит) 23
- Варпаховский Н. А. 66
- Введенский Н. Е. 62
- Вебер Л. Ф. 35
- Вержбинская Н. А. 58
- Вернадский В. И. 59, 102
- Визе В. Ю. 89
- Вилькицкий А. И. 37
- Вильчинский И. М. 45
- Виркетис М. А. 83, 91
- Владимирский А. П. 46
- Вобликова (сотр. ГОИН) 58
- Водяницкий В. А. 73
- Водяницкая (Морозова) Н. В. 73
- Воронова (сотр. ГОИН) 58
- Вульф (препаратор) 48
- Галкина В. Н. 103, 115
- Гаряев В. П. 38
- Гассовский Г. Н. 44
- Герценштейн С. М. 19
- Глазунов Д. К. 30
- Горбунов Г. П. 87
- Горяшко А.(Н.) А. 115
- Гранович А. И. 115
- Граф Л. 30
- Графтио А. О. 25
- Гуменюк Т. Б. 99, 107, 115
- Гурвич Ю. (Г.) С. 84, 86, 92
- Гурьева Т. 98–100
- Гусев А. В. 85, 110
- Гусева (сотр. ГОИН) 58
- Гурьянова Е. Ф. 54, 59, 91, 98, 99, 107, 110, 114
- Давыдов К. Н. 32, 34, 39, 59
- Дарвин Ч. 7

- Дейнека Д. И. 30
 Дерюгин Г. К. 50, 115
 Дерюгин К. М. 22, 26–28, 30–34, 36–38, 40–42, 47, 53–55, 79–81, 84, 86, 87, 89, 91, 98–100, 102
 Догель А. С. 62
 Догель В. А. 30, 33, 42, 44–46, 55, 59, 85, 113
 Дорн А. 8
 Драгулина М. 100
 Дьяконов А. М. 45
 Дьяконов Д. М. 43, 44, 48
 Дьяконов К. А. 66

 Евтоков (сотр. ГОИН) 58
 Есипов В. К. 92, 96
 Еше Б. А. 35

 Забелина М. М. 83
 Завадовский Б. М. 55
 Зак М. С. 25
 Закс И. Г. 54
 Замяткин (сотр. ГОИН) 58
 Зеленский В. Д. 43, 59
 Зенкевич Л. А. 43, 51, 59, 114
 Зернов С. А. 59, 74, 102, 107
 Зернов М. С. 106, 107, 110
 Зубов Н. Н. 59

 Иванов А. В. 59
 Иванов Г. К. 29
 Иностранцев А. А. 24, 37
 Иоанникий (архимандрит) 23
 Исаев В. М. 34
 Исаченко Б. Л. 59
 Казас (Иванова) О. М. 84
 Калинина К. А. 85
 Каменский А. А. 86
 Кесслер К. Ф. 9
 Киселев И. А. 86
 Клюге Г. А. 19, 32, 34, 38–42, 47–50, 52–55, 57, 59, 94, 96, 114
 Клюге М. Н. 48

 Клюсс П. А. 105
 Книпович Н. М. 16, 118, 19, 27–29, 53, 62, 72, 87, 89, 94, 102, 114
 Кноре А. Г. 84
 Кнюдсен М. 20
 Ковалевский А. О. 7, 34, 62
 Ковалевский В. А. 37
 Кожевников Г. А. 59
 Кондаков Н. Н. 107
 Корчагин А. Н. 16
 Крейденко Н. Я. 102
 Крепс Е. М. 38, 54, 97–99, 102, 103, 114
 Кречман Г. В. 58, 110
 Кристи М. П. 53
 Кузнецов В. В. 84, 85, 107, 109, 114
 Кучина Е. С. 92

 Лаврентьев (сотр. ГОИН) 58
 Ласточкин Д. А. 46
 Латышева Н. Н. 110
 Лермонтова Е. В. 45, 46
 Леонтьев И. И. 106
 Лесгафт П. Ф. 18
 Ливанов Н. А. 19, 59
 Лимберг Е. Л. 110
 Линко А. К. 18, 19, 26, 30, 31
 Лихарев И. М. 110
 Лукьянов С. М. 21
 Любищев А. А. 32–34, 45, 55, 59

 Магнусон М. 69
 Макаров В. В. 100, 110
 Максимов (сотр. ГОИН) 58
 Максимович Н. В. 115
 Малинин (сотр. ГОИН) 58
 Мальшев С. И. 45
 Матвеева (Кузнецова) Т. А. 84, 107, 109
 Мелетий (архимандрит) 13, 14, 20
 Менделеев Д. И. 15
 Мережковский К. С. 113
 Месяцев И. И. 43, 48, 51, 57, 59, 95, 96

 Метальников С. И. 37
 Миддендорф А. Ф. 11
 Миллер Е. Э. 48
 Миттельман С. Я. 87, 89, 90, 93
 Молотов (Скрябин) В. М. 100
 Моторная (сотр. ГОИН) 58

 Нансен Ф. 20, 53
 Насонов Н. В. 59
 Никитин П. В. 37
 Никольский А. М. 22
 Новиков М. М. 39, 59

 Обухова (сотр. ГОИН) 58
 Олябушев (сотр. ГОИН) 58
 Орбели Л. А. 102
 Остроумов (сотр. ГОИН) 58

 Павлов В. И. 48
 Павлов И. П. 54, 97
 Педашенко Д. Д. 18, 19, 21, 25, 26, 29, 62, 64
 Петтерсон О. 20
 Полежаев Н. Н. 16, 19
 Полиничка (сотр. ГОИН) 58
 Полканов А. А. 45, 59
 Полянский Ю. И. 52, 59
 Полянская Г. Г. 115
 Попова (сотр. ГОИН) 58
 Поченков А. А. 26
 Пригоровский Б. Г. 100, 110
 Пришвин М. М. 42
 Пятаков М. Л. 45

 Райков Б. Е. 22
 Регель Р. Э. 75
 Редикорцев В. В. 59
 Редкозубов Ю. 110
 Резвой П. Д. 48, 83, 91
 Римский-Корсаков М. Н. 17–19, 25, 36, 64
 Робинсон Л. Г. 48
 Розанов С. М. 30

 Розов В. Е. 71
 Россолимо Л. Л. 43, 48
 Рюмин С. Ф. 86
 Рюмин А. С. 98, 99, 105, 107
 Рубинин В. А. 105
 Рупрехт Ф. И. 11
 Рура А. Д. 115
 Рылов В. М. 83

 Савельев С. Н. 30
 Самойлович Р. Л. 51
 Светлов П. Г. 48, 59
 Свинаярская В. А. 46
 Северцов А. Н. 62
 Сент-Илер К. К. (отец) 61
 Сент-Илер К. К. (сын) 16, 19, 24–26, 59, 61–79, 114
 Сеницын Д. Ф. 19
 Синяговы (сотр. ГОИН) 58
 Смирнов Н. А. 67, 89
 Сойникова Е. Н. 48.
 Соколов И. И. 59
 Соколова Г. А. 79
 Соколова Е. В. 86
 Соколова О. И. 115
 Спаде К. Ю. 89
 Спасский Н. Н. 54
 Сталин (Джугашвили) И. В. 59, 97
 Статкевич М. Д. 48
 Стебельский Е. Б. 48
 Стрельников И. Д. 59
 Суворов Е. К. 95, 96
 Сукачев Б. В. 19
 Сушкин П. П. 54
 Сысоева Н. Н. 86

 Тагац В. А. 90
 Танасийчук Н. П. 52, 58
 Танасийчук В. Н. 107
 Таусон Н. О. 48
 Тимонов В. В. 80, 86, 92
 Тирон К. Д. 84, 86

- Тиховская З. П. 110
Тихомиров Б. М. 48
Тур Ф. Е. 37
Тюнин Э. А. 48
- Уралов Н. С. 110
Усов Н. В. 115
Ушаков П. В. 54, 59, 83, 92, 102, 103, 106, 107, 114
- Фаворский А. Е. 18
Фан дер Флит А. П. 36
Фаусек В. А. 17, 19
Федотов Д. М. 45, 48, 49, 54, 59
Федоров Л. Н. 98, 102
Феодосий (архимандрит) 12
Филипченко Ю. А. 15, 19
Филипьев И. Н. 48, 59
Фоль Г. 7
Френкель К. Л. 45
- Халапсин Н. В. 54
Хворостанский К. И. 16, 45
Хворостухин В. К. 45
Хейсина Н. Л. 115
Хлебович В. В. 115
- Цвиленева В. А. 84, 85
Ценковский Л. С. 13
Цибин (сотр. ГОИН) 58
- Чаянова Л. А. 54
Чистович Ф. Я. 37
- Шалфеев П. П. 16
Шаронов И. В. 110
Шаттенштейн А. С. 45
Шахнин Н. И. 46, 48
Шванвич Б. Н. 43–46, 48, 49, 59
Шевяков В. Т. 25, 30, 34, 37, 45
Шевякова Л. А. 37
Шидловский А. В. 35
Шимкевич В. М. 15, 16, 19, 21, 22, 24, 25, 30, 31, 33, 35, 37, 39, 53, 54, 62, 113
Шимкевич Л. Э. 37
Широколобое В. Н. 103
Широколобое Н. И. 103
Шмидт П. Ю. 51, 76
Шмидт О. Ю. 51
Шпрунк М. Г. 48
Штирен А. А. 21
Шульц Е. А. 19
Шумилова (сотр. ГОИН) 58
- Энгельгардт А. П. 29
- Юрьев (сотр. ГОИН) 58
- Яржинский Ф. Ф. 11, 64
Яшнов В. А. 51

Научное издание

Сергей Иванович ФОКИН,
Алексей Владимирович СМИРНОВ,
Юлия Александровна ЛАЙУС

**Морские биологические станции на Русском Севере
(1881–1938)**

Москва: Товарищество научных изданий КМК. 2006. 130 с.

Верстка: Т.А. Горлина

Для заявок:

123100 Москва а/я 16 изд-во КМК

эл. почта: kmk2000@online.ru

<http://webcenter.ru/~kmk2000>

Отпечатано в типографии ООО “Галлея-Принт”.

Москва, ул. 5-я Кабельная, 2б.

Подписано в печать 11.12.2006. Формат 60х90/16. Объем 8,5 печ.л.

Печать офсетная. Бумага мелов. Тираж 300 экз.